

ВАГРИУС ЮМОРКУС

Виктор
Шендерович

КУКЛЫ

КУКЛЫ

Виктор Шендерович

БОРИСКА

СТЕПАНЫЧ

ПАША

ЕРИК

ЮРЬ
МИХАЛЫЧ

ЕГОРКА

САША-
ГЕНЕРАЛ

В. В. ВЕННИКОВ КОМПОЗИТОР

Виктор
Шендерович

КУКЛЫ

ВАГРИУС

Москва
1996

ББК 84Р7
III 4.

*Издательство благодарит
телекомпанию НТВ
за помощь в подготовке книги.*

עמותה לקליטה עליה בחיפה
ח.י. ל. מרץ 20 תשנ"א 33041
פ.ד.פ. 1677
..... ס"ט
2623/1

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

III 4702010201 Без объявл.
С82(03)—96

ББК 84Р7

ISBN 5-7027-0280-8

- © Издательство „ВАГРИУС“, 1996
- © В.Шендерович, автор текста, 1996
- © Basile Grigoriev SHK, France, телепрограмма „Куклы“, 1996
- © А.Дроздов, Alain Duvergne, образы кукол, 1996
- © Ю.Архангельский, оформление, 1996

*Ах, мой друг, читатель-дока,
Окажи такую честь:
Накажи меня жестоко —
Но изволь сперва прочесть!
Не спеши с догадкой плоской,
Словно критик-грамотей,
Всюду слышать отголоски
Недозволенных идей,
И с его лихой ухваткой
Подводить издалика
От ущерба и упадка
Прямо к мельнице врага...
Не ищи везде подвоха,
Не стращай из-за куста...
Привыкай. Не та эпоха.
Хочешь, нет ли — а не та!*

А. Твардовский.
„Теркин на том свете“

Странную книжку вы держите в руках, дорогие читатели.

Собственно, и не читатели еще, а, скорее, телезрители, да и не книжка это, а что-то вроде отчета, ибо почти полтора года выходит на канале НТВ программа „Куклы“.

За это время с ней много чего произошло, но главное из происшедшего то, что „Куклы“, неожиданно даже для создателей, стали фактом общественной жизни. Мы не хотели, честное слово... Мы собрались вместе, чтобы сделать смешную передачу — не больше и не меньше. Но, как предупреждал знаток русского языка и обычаев Владимир Даль, „кто шуточки пошучивает, тот на себя плетку покручивает“...

Под этой обложкой собраны сценарии „Кукол“, уже побывавшие в эфире. Надеюсь, многие видели их, но снятое на пленку иногда существенно отличается от напи-

санного. То по техническим причинам выпадали какие-то эпизоды, то еще что-нибудь... В общем, как говорится, найдите десять отличий.

Теперь насчет этих... как бы это сказать... насчет наших действующих лиц. Они, лица эти, действительно напоминают всяких конкретных людей, но это не должно отвлекать от главного: наши персонажи — существа совершенно независимые от реальности! Конечно, наш резиновый Бориска — тоже президент, но президент он только своего маленького резинового царства, и не надо, во имя Прокуратуры, сверять паспортные данные... Да и остальные — всего лишь актеры телевизионного шапито, то шалящие в костюмах „Гамлета“, то валяющие ваньку в размере „Фауста“, то прикидывающиеся героями „Белого солнца пустыни“... Время от времени они, как дети, пытаются повторить поступки взрослых прототипов — скажем, взять и тоже поехать на поезде через Россию, но эти попытки просто смешны.

В общем, все это, в значительной степени, политический капустник!

Кроме того, как всякие персонажи, наши резиновые уродцы постепенно приобрели существенную свободу речей и действий (см. историю про Татьяну, вышедшую за генерала). Так что спрашивать за выходки какого-нибудь Вити-персонажа с Вити-автора будет негуманно. Я пытался держать их всех в узде, честное слово.

И наконец. Человек я теперь пуганый, поэтому заранее довожу до сведения всех заинтересованных лиц и организаций: в этой книжке мы никого не хотели умышленно оскорбить в неприличной форме, а также не имели задания от враждебной властям политической партии и не получали денег из-за рубежа.

Гонорар в издательстве получен строго по ведомости. Теперь — читайте.

Виктор Шендерович

Ой! Чуть не забыл предупредить. На время публикации мы решили присвоить нашим резиновым красавцам тихие детсадовские имена с указанием должности, занимаемой в резиновой песочнице. Знакомьтесь:

Бориска — президент этого всего.

Степаныч — этого всего премьер.

Паша — специалист по обороне.

Ерик — дока по внутренним делам.

Юрь Михалыч — столичная штучка.

Андрюша-Козырек — учит иностранные языки.

Костик — бывший помощник Бориски.

Коржик — охраняет Бориску от других мальчиков.

Герашка-Банкир — умеет считать вперед.

Жирик — хулиган.

Ваня-Рыбка — тихий мальчик.

Зюга — простой обкомовский паренек.

Егорка — мальчик из хорошей семьи.

Гриша — честолюбивый мальчик.

Саша-Генерал — воинственный юноша.

Анпильч — трудовой москвич.

Толик-Ваучер — рыжий зам. Степаныча.

Мишель Ставропольский — говорит с ударением на первом слоге.

Песни звучат в исполнении народного певца **Иосифа Кобзаря**.

Вот теперь точно — все...

„ГАМЛЕТ“

*А не замахнуться ли
нам на Вильяма...
понимаете ли... нашего
Шекспира?*

Бориска, в одежде принца Гамлета, со шпагой.

Бориска

Быть иль не быть — вот в чем вопрос. Терпеть ли
Нахальные удары и щелчки
Со стороны парламента и прессы —
Иль сразу Коржика мне попросить
Со всеми, как с „Мост-банком“, разобраться?
Лоботомню сделать всей стране,
Чтобы ни один шумейко и не спикнул,
И этим наконец-то положить
Конец волненьям? А потом уснуть.
Уснуть не так, как давеча в Шенноне,
А чтоб уже никто не разбудил!
Одно страшит: какие сны приснятся,
Когда Морфей отпустит тормоза?
Опять все те же, что и еженощно?
Тогда не надо. Виденных вполне
Достаточно! Во сне писать указ
Сатарова отправить в Коста-Рику
Послом без полномочий, ну а Пашку

С Дудаевым — служить в Афганистан?
От снов таких и мертвый пропотеет,
А я живой, по крайней мере, мне
Об этом многократно говорил
Шамиль Тарпи... Шамиль? Ах, чертов Фрейд!
Опять Чечня! Что значит подсознание...
Но как же быть? Коль в цезари нельзя,
Так, может, стать обратно демократом?
Поможет ли? Спасибо скажут там,
А здесь сожрут с кишками патриоты...
Вот и крутись тут... „Дания — тюрьма...“ —
Да он в России не жил ни минуты!
Кто там? Опять Егорка? Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа!

Егорка

(появляясь в одеждах Офелии)

Принц, были ль вы здоровы это время?

Бориска

Благодарю: вполне, вполне, вполне.

Егорка

Вы поменялись. Я когда-то вас
Другим знавала.

Бориска

Как это — другим?

Егорка

Другим, другим, не спорьте; той зимою,
Когда меня позвали вы к себе,
То — помните? — клялись в любви к реформам,
Сулили близость... Помните, мой друг?

Ах, это было время золотое!
Народ, как Пугачеву, вас любил...
На „Москвиче“ вы ездили тогда,
К восторгу демократии российской,
А Коржик вообще ходил пешком,
И мы его фамилии не знали!
И не было такого аппарата,
Который гнал бы...

Бориска

Это что, намек?

Егорка

...который гнал бы демократов в шею,
а на места пропихивал своих!

Бориска

Что надо вам?

Егорка

Подарки заберите!
Я вам давно хотела их вернуть.
Возьмите их.

Бориска

Да полно, вы ошиблись,
Я не дарил вам в жизни ничего!

Егорка

Ах, не дарили? Вот же вам назад:
Указ о назначении премьером
И обещанье к „Выбору“ примкнуть...
Порядочные девушки не ценят,
Когда им дарят, а потом изменяют!

(Уходит.)

Бориска
Вот это да! Вот это, понимаешь...
Но чу! Сюда опять идут...

Появляется **Зюга**, сильно похожий на Призрак.

Бориска
Ты кто?

Зюга
Я призрак.

Бориска
(*в ужасе*)
Кто ты?!

Зюга
Призрак коммунизма,
Придавленный берлинской стеной.
Я не брожу, как прежде, по Европе:
Себе дороже. Но в России я,
По-прежнему, материализуюсь.

Бориска
Что от меня-то нужно?

Зюга
Отомсти
За подлое мое убийство!

Бориска
Я?
Мстить за тебя? К Лукьянову ступай!
Пускай тебя накормит Стародубцев,

И ядовитым зонтиком Крючков
Пускай уколет ночью Аллу Гербер!
А я при чем тут?

З ю г а

Боренька, сынок!

Б о р и с к а

Какой тебе сынок я?!

З ю г а

А в Свердловске?
В обкоме, помнишь?

Б о р и с к а

Заросло травой!

З ю г а

А Старенькая площадь, а ЦК?
Политбюро?

Б о р и с к а

А я, как птица Феникс,
Сгорел и обновился!

З ю г а

Ты не прав.

Б о р и с к а

Что я не прав, слышал. Привет Егору.

З ю г а

Спасибо, милый мальчик, передам.
Мы, коммунисты, все одна семья —
И в ней не без уroda...

Бориска

Все, папаша.

Оставь навеки хлопоты свои.

Не будем возвращаться в эту реку:

Я трижды вышел из КПСС,

Когда еще меня с моста бросали...

Зюга

Однако, если не удержишь власть,

Вниз головой лететь еще придется!

Но чу! — пропел петух. Я ухожу.

Прощай же, сын.

Бориска

Прощай, несчастный призрак!

Иди, пока не клюнул твой петух.

Зюга уходит.

Однако ж почка! Это кто еще?

В глубине сцены читает книжку Гриша, напоминающий
Клавдия.

Ага! Ученый рыпочник! Быть может,

И вправду отомстить за коммунизм?

Позвать сюда Анпилыча с друзьями —

И отойти в сторонку погулять...

Что он читает? Хайека?

Гриша

(в раздумье)

Нет, Сакса!

Б о р и с к а

А хоть бы Фридман — не один ли черт,
Когда вокруг Россия да Россия?
Убить его! А то, наоборот,
Позвать сюда и Фридмана, и Сакса
И посмотреть, что будет? Вот беда!
Четвертый год все не могу решиться.
Вот, понимаешь, русский гамлетизм! —
Сомненья непосредственно на троне...

Г р и ш а

Чей трон — еще посмотрим через год,
Когда придет на выборы народ!
(Захлопывает книжку и уходит.)

Б о р и с к а

Кругом враги! Все мне желают ада!
Тут, понимаешь, будь настороже...
Кто за ковром? Ага! Попался, крыса!

Удар. Из-за ковра падает мертвый К о с т и к.

Ну надо же — писатель! Я его,
Пожалуй, закопаю в Ватикане...
Что? Снова шорох? На же, получай!

Из-за ковра падает еще одно тело.

Герашка? Вот неожиданная отставка.
Отдам Борису Федорову, пусть
Порадуется, как банкир банкиру...
Однако же с таким течением дел
(С азартом тычет шпагой.)
Я скоро! Весь! Ковер! Себе! Испорчу!

Кругом враги... Один лишь Пашка тут
Мне верный друг, ермолов наш убогий...

П а ш а (Придворный)

Спасайтесь, государь! Морской прилив,
Размыв плотины, заливает берег
Не шибче, чем крушит тут все вокруг
Юристов сын, осатанелый Жирик.

Ж и р и к (вылитый Лаэрт)

Где он? А ну, подать его сюда!
Я растерзаю всех, кто помешает!
И заявляю вам как либерал,
Что скоро здесь не будет демократов!

Б о р и с к а

А что же будет?

Ж и р и к

Будет хорошо!
А если уцелеем, станет лучше.
За танки нефти нам Хуссейн продаст,
Откупится алмазами Карачи,
Финляндия на брюхе приползет
И будет в Вологодчину проситься!
Всем бабам по бюстгальтеру дадим,
Всем мужикам, мерзавцам, по бутылке,
Заводам — шайбы, по аптекам — яд,
Крестьянам — хрен, а лошадей — казакам!
Всех юмористов сплавим в Израиль,
Всех журналистов — на лесоповалы,
И заживет Россия, как никто, —
Уж это я вам лично обещаю!
А вечером все смотрят на меня

И всей семьей культурно отдыхают:
Невзоров по экрану пустит кровь —
А уж мочу удержит Кашпировский!

Бориска
Простите, россияне, я сейчас
Его убью, причем в прямом эфире!
(*Выхватывает шпагу.*)

Жирик
Ага! Дуэль! За дело! Что ж, давай
Посмотрим, чей клинок сильнее отравлен!

Бьются. Одновременно закалывают друг друга.

Жирик
Простим друг другу прегрешенья, брат.

Бориска
За кем теперь пойдет электорат?

Оба падают. В сопровождении Ерика появляется
Степаныч — мужественный, как Фортинбрас.

Степаныч
Где место происшествия?

Ерик
Какого? Потехи всенародной? Это здесь...

Степаныч
Мне кажется, я вовремя.

Ерик
Отчасти.

Степаныч

Да, кстати, части надо привести
В связи вот с этим всем в боеготовность,
А я покамест буду здесь и.о.

Ерик

Надолго ли?

Степаныч

Посмотрим.

Ерик

Что же дальше?

Степаныч

Что дальше? В общем, в целом — тишина!

„ОТЕЛЛО“

(московско-венецианская фантазия)

Венеция. В окнах двух домов появляются Коржик-Яго и Паша-Родриго, переговариваются через канал.

П а ш а

Опять с утра на службу, честный Коржик?

К о р ж и к

На этой службе я служу себе.

Ведь я из тех, о ком еще Шекспир

Предупреждал английскую корону:

„Они как бы хлопочут для господ,

А на поверку — для своей наживы“.

Конец цитаты.

П а ш а

Далеко пойдешь...

К о р ж и к

Идти не надо. К власти будь поближе —

Сама придет и ляжет у дверей
Собакою, хозяина признавшей.
Все дело времени. Я подожду.
Меня наверх выносит эскалатор.
Не век же мне в охранниках ходить —
Однажды сам поеду я с охраной...

П а ш а

Тогда уж и меня не позабудь!

К о р ж и к

Столкуемся, служивый!

П а ш а

Рад стараться.
Но если что — не обессудь, браток, —
Тебя уж я из танка расстреляю...

К о р ж и к

Родной, мне обижаться смысла нет:
И я тебя повешу, коль приспичит.

П а ш а

Давно ли ты хозяина видал?

К о р ж и к

Недавно. Я втянул его в интригу,
Весьма венецианскую притом,
Назло одной столичной приме нашей,
С которой был он не разлей вода
И воевал с неверными в ту осень...

П а ш а

Я помню.

К о р ж и к

О неверности иной
Ему я нашептать успел приватно:
Мол, спит и видит стать его вдовой...
Я ревность возбудил в нем, как в Отелло...

П а ш а

А! То-то я гляжу: он почернел.

К о р ж и к

Еще не то увидишь! Постараюсь
Расстроить ненавистный их союз.
А там, глядишь, как сяду над столицей,
Пойдет гуськом имущество ко мне.

П а ш а

К тебе? Госкомимущество? А рыжий?

К о р ж и к

При чем тут рыжий?

П а ш а

Ты сказал: госком...

К о р ж и к

Гуськом! Гуськом пойдет! И я не рыжий,
Чтоб упускать, что в руки мне плывет!

П а ш а

В таких делах, что рыжий ты, что лысый —
Без разницы...

Коржик

А вот плывет седой.

Действительно, мавр мавром... Добрый вечер!

На гондоле в канал вливается Бориска-Отелло.

Бориска

Ну, здравствуй, честный Коржик! И тебе

Привет, вонтель...

Паша

Я ж войну закончил!

Я ж победил! Я ж передал бразды

И нониче воюю с матерями!..

Бориска

Кутузов мой двуглазый, отдохни!

Паша исчезает.

Коржик

Сейчас его заставлю я плясать

Под дудочку шекспировской интриги...

(Читает газету „Сегодня“.)

Не нравится мне это...

Бориска

Что?

Коржик

Так... Глупость.

Бориска

И все-таки?

К о р ж и к

Да вот, опять статья
В газете этой...

Б о р и с к а

Что опять такое?
Ты, понимаешь, говори ясней!

К о р ж и к

Куда ж яснее! Не могу, не смею,
Оставьте! У меня несчастный нрав:
Мне чудятся повсюду покушенья...

Б о р и с к а

Как покушенья?

К о р ж и к

Право, не хочу
Зря обвинять. А впрочем, есть и факты...

Б о р и с к а

Да говори же ты!

К о р ж и к

Мой президент!
Вы знаете, как предан я...

Б о р и с к а

Ну, знаю!
Давай без околичностей, руби
Под самый, понимаешь, елкин корень!

К о р ж и к

Ну хорошо! Ну слушайте тогда.

Вчера, в гондоле проплывая мимо,
Случайно я услышал разговор
По телефону...

Бориска

Что ты застеснялся?
С кем не бывает... Плыл да услышал.
Ну, говори!

Коржик

Из мэрии чиновник
С другим тайком шептался, что вчера
Гусинские слетались на лужкова,
И скоро все мы будем под мостом...

Бориска

Что это значит?

Коржик

Я и сам не понял.
Какой-то шифр...

Бориска

Я, кажется, смекнул...
Пригрел змею на сердце!

Коржик

Может быть,
Напрасны подозренья...

Бориска

Ты считаешь?

Коржик

Но если нет — то кто-то изменил
Или изменит к следующему лету.

Бориска

Я черен. Это все из-за Чечни.
Ни рейтинга, ни средств... Одна харизма!
Я постарел.

Коржик

Не знаю. Может быть.
Все шепчутся, что больше вы не пара!

Бориска

Чудовищно!

Коржик

Я вас предупреждал:
Нельзя им верить!

Бориска

А тебе?

Коржик

Мне — можно.

Бориска

Ступай. Узнаешь больше, сообщи.
Следи за этой лысой Дездемоной...
И если подтвердится...

Коржик

„Если“? Как?

Еще вы мне не верите? Еще
Нужны измены этой подтвержденья?
А стройки? А с Бурбулисом футбол?
А Храм Христа? А интервью в газетах?
А в полынье он плавает зимой,
По-вашему, без умысла?

Бориска

О Боже!

А в полынье-то плавает зачем?

Коржик

Чтоб за него „моржи“ голосовали!
Зачем иначе в полынью-то лезть?

Бориска

Он — в президенты? Лучше в полынью!

Коржик

Но если все же...

Бориска

Крови, Коржик, крови!

Конец всему! Михалыч отслужил.

Вот этими руками! Всенародно!

Приду и перекрою кислород.

Ночь. Спальня. Юрь Михалыч-Дездемона
собирается ко сну, напевая.

Юрь Михалыч

Кипучая, могучая, никем не победимая,

Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!

Бориска
Молился ли ты на ночь, Юрь Михалыч?

Юрь Михалыч
Молился, Николаич. Я теперь
Молюсь на всякий случай каждый вечер.
Ведь не язычник я, а веры столп
И местная опора православья!

Бориска
Молись покрепче, ибо час настал!

Юрь Михалыч
Который час?

Бориска
Погибели.

Юрь Михалыч
Не понял.

Бориска
Сейчас поймешь.

Юрь Михалыч
Вы, видно, не в себе.
А черненький какой! Ну, прям Отелло!
С югов, наверно? Ишь как загорел...

Бориска
Сейчас умрешь ты!

Юрь Михалыч
Боже, как некстати!

Сейчас — совсем невовремя. У нас
Озелененье в плане, а в хозяйстве
Такой прорыв, что без меня хана!
Кто сдаст ко сроку Памятник Победы?
А Храм Христа? А на Манежной кто
Всю эту жуть обратно закопает?
А вы про смерть какую-то...

Бориска

Твою!

Юрь Михалыч
Мы люди-то с понятием, но это —
Вы перегрелись. Надо знать и мэру!
Айда со мною в прорубь поутру!

Бориска

Утра — не будет! Дай мне горло в пальцы,
А в проруби пусть плавает Попов!
(Пытается душиТЬ Юрь Михалыча.)

Юрь Михалыч
Вы это бросьте... Право, в ваши годы
Такое рукоделье... А потом —
Я ж не венецианская дворянка,
Чтоб дать себя, как птичку, придушить!

Оба отваливаются, изможденные борьбой.

Бориска

И что теперь? Вот это незадача...
Как, понимаешь, пьеску доиграть?

Юрь Михалыч
Уже мы, понимаешь, доигрались!
От нас устала публика. Пора
Дать занавес. Смотрите, из партера
Уже бегут, как лоси, в гардероб,
И на галерке рвет уже кого-то...
Давно паленым пахнет от кулис,
Пожарник пьян, передрались суфлеры,
И грим подпорчен.

Бориска
Так зачем же я
Потел, крутил глазами, понимаешь,
Давил слезу и страсти рвал в клочки?

Юрь Михалыч
Не знаю.

Бориска
Значит, занавес? И что же —
Поклон?

Юрь Михалыч
Какой поклон? Тушите свет!

БОЖЕСТВЕННЫЕ ВАРИАЦИИ

*Мне ситуация в России
нравится!*

Президент

*И посмотрел Господь на дела
рук своих, и увидел, что
это — хорошо.*

Ветхий Завет

Райские кущи. В кущах весь в белом — Бориска.

Бориска (*кому-то*). Ну-ка, разгони облака!
Ага! Вот, хорошо! (*Смотрит вниз.*) Красота, понимаешь!
То есть: чем больше смотрю, тем больше нравится!

Степаныч (*входя*). Можно?

Бориска. Входи, входи... Вот скажи, тебе — нравится?

Степаныч. Что?

Бориска. Ситуация.

Степаныч. Где?

Бориска. В России.

Степаныч. А это где?

Бориска. Это (*указывает вниз*) там.

Степаныч (*посмотрев*). Россия как Россия.
А что?

Бориска. Я спрашиваю: как там, по-твоему, ситуация?

Степаныч. Ситуация под контролем.

Бориска (*довольный*). Ну вот...

Степаныч. А что — есть проблемы?

Бориска. У меня?

Степаныч. Ну, не у меня же.

Бориска. У меня нет.

Степаныч. И у меня нет!

Бориска. А чего пришел?

Степаныч. Так мы же договорились: раз в неделю, по вторникам, в райских кущах... Встреча в верхах.

Бориска. Зачем?

Степаныч. Обсуждать проблемы.

Бориска. Так их же нет!

Степаныч. Обсудим — появятся.

Бориска. Понял. Так значит: благодать?

Степаныч. Внизу-то?

Бориска. Ну.

Степаныч. Абсолютная!

Бориска. А эти... шахтеры?

Степаныч. Кто?

Бориска. Шахтеры. Ну, которые, понимаешь, под землей...

Степаныч. Не берите в голову. Раз они все равно уже под землей...

Бориска. И потом эта еще... как же это слово... забыл, понимаешь, — зарплата!

Степаныч. Мне хватает.

Бориска. Да я не про тебя!

Степаныч. А про кого?

Бориска. Про этих... про малоимущих...

Степаныч. Не все сразу. Сначала надо накормить верхи.

Бориска. А народ?

Степаныч. Так народ — он что?

Бориска. Что?

Степаныч. Народ — он, в целом, идет навстречу реформам!

Бориска. А реформы?

Степаныч. А реформы идут навстречу народу!

Бориска. И что?

Степаныч. Ничего. Теперь весь вопрос в том, кто дойдет раньше.

Бориска. Понятно. То есть все хорошо?

Степаныч. Изумительно.

Бориска. Ну, ступай.

Степаныч. Уже?

Бориска. А что?

Степаныч. Можем еще посидеть.

Бориска. Зачем?

Степаныч. А зачем сейчас сидели?

Бориска. Не знаю.

Степаныч. И я не знаю.

Врата рая. У дверей со связкой ключей — Коржик.
Подходит Юрь Михалыч.

Коржик. Чего надо?

Юрь Михалыч. Ангел мой, пусти к Самому.

Коржик. К Самому нельзя!

Юрь Михалыч. Как нельзя? Пять лет можно было, и вдруг нельзя? Почему?

Коржик. Из соображений безопасности.

Юрь Михалыч. Его безопасности?

Коржик. Твоей! Испепелить может. Ты ж его знаешь: молнию метнет — и хана.

Юрь Михалыч. Молнию? В меня? За что?

Коржик. Ну, за что — это мы найдем... Так что — не советую...

Из ворот выходит К о с т и к: сам в сутане, на голове — тонзура.

Юрь Михалыч. Ой, куда это он?

Коржик. В Ватикан.

Юрь Михалыч. Зачем?

Коржик. Послали его, болезного.

Юрь Михалыч. Кто?

Коржик. Сам и послал! То ли к папе, то ли к маме — уже не помню. Прощай, братец!

Костик. Прощай. Сик транзит глория мунди.

Коржик. За „мунди“ ответишь!

Юрь Михалыч. Это он уже по-латыни.

Костик. Хомо хомини люпус ест. Дикси!

Юрь Михалыч. Хау!

Костик уходит.

Юрь Михалыч. За что же его так?

Коржик. А надоел!

Юрь Михалыч. А-а... Ну, это другое дело. Значит, непустишь меня?

Коржик. Не пущу. Давай, лети отсюда!

Юрь Михалыч. Напрасно ты со мною так, ангел мой. Грубо это. И непредусмотрительно...

В куцах.

Бориска. Как здоровье?

Паша. Рад стараться!

Бориска. Вижу. Вот скажи... Вот, например, мне нравится... А тебе?

Паша. Очень!

Бориска. Что „очень“?

П а ш а. Министром быть нравится!

Б о р и с к а. А-а-а... Ну, это... Я, понимаешь, про ситуацию.

П а ш а. А уж ситуация так нравится, что слов нет! В другой бы ситуации меня давно посадили, а тут — летаю себе!

Б о р и с к а. Ну, вот! *(Указывает вниз.)* Глянь-ка. Это вроде как получается: мы с тобой всех врагов победили?

П а ш а. Практически. Еще бы пару-тройку фракций забомбить — и совсем мирное время настанет.

Б о р и с к а. А справишься?

П а ш а. С фракциями-то? За два часа. Силами одного парашютно-десантного полка!

Б о р и с к а. А если, упаси Господи, сопротивляться начнут?

П а ш а. С чего это вдруг?

Б о р и с к а. А так, из вредности!

П а ш а. Тогда полная мобилизация — и будем отпиливать от ствола всю ветку власти!

Б о р и с к а. Летун ты мой стратегический! Обожди! Пока — не надо.

П а ш а. Как скажешь, Вседержитель.

Б о р и с к а. Как скажу. А раньше — не надо! Ну, лети... Постой! Про тебя тут говорят разное... Что, мол, честь потерял... Правда, что ль?

П а ш а. Ни-ни!

Б о р и с к а. То есть: честь имеешь?

П а ш а. Имею, Вседержитель. Я уж ее, честь эту, имею и имею...

Б о р и с к а. Ну, лети... Дежурного ангела позови!

П а ш а исчезает, появляется **Е р и к.**

Е р и к. Звали?

Бориска. Белокрылый мой, как наши дела?

Ерик. Внутренние?

Бориска. Внутренние!

Ерик. А Бог их знает! Они ж внутри!

Бориска. Но ты — заглядывал?

Ерик. Было дело.

Бориска. И что?

Ерик. Все путем!

Бориска. То есть: тебе ситуация в России нравится?

Ерик. В России? Сейчас погляжу. *(Смотрит вниз.)* Хорошая ситуация!

Бориска. А преступность?

Ерик. И преступность хорошая! Такая, знаете, организованная, просто чудо!

Бориска. Но ты с нею борешься?

Ерик. А как же! Уже двух прокуроров уволили!

Бориска. А остальным не обидно?

Ерик. И остальных уволим! Одно и.о. останется!

Бориска. Вот и правильно! Еще что?

Ерик. Еще — лиц кавказской национальности ловим.

Бориска. Почему кавказской?

Ерик. А какой? Вы скажите какой — мы их ловить будем.

Бориска. Ну, я, понимаешь, подумаю. С коррупцией как?

Ерик. С коррупцией замечательно.

Бориска. То есть?

Ерик. А нет ее!

Бориска. Точно?

Ерик. Точно-точно! Если б была, уж я бы знал! Уж мимо меня бы не прошло! Так что все слава Богу — отдыхайте!

Бориска. Ну, утешил... Ой, погляди, чего это там внизу за толпа? И другая, понимаешь... Чего это они?

Внизу. Толпы народа мечутся между ораторами на Красной площади.

Зюга. Вижу, товарищи! Вижу конец оккупации! Поднимем хоругви! Сплотимся под знаменем! Ура, товарищи!

Народ. Ура-а-а! Даешь серпом по молоту!

Зюга. Не сотворите себе кумиров, кроме Карла Маркса и Фридриха Энгельса! Ленин жив! Истинно говорю вам: пролетарии всех стран объединятся!

Гриша. Не лжесвидетельствуй! Вот они тебе объединятся, обломок старорежимный! *(Показывает фигу.)* Кого вы слушаете, господа! Это же ледниковый период! Обернитесь наконец лицом к моей харизме! Почитайте рынка, отца своего, и демократию, мать свою!

Народ *(скандирует)*. На-шу мать! На-шу мать!

Жрик. Все дураки! На всех наплевать! Только я! Да не будет у нас богов, кроме меня! Не убий члена ЛДПР и не возжелай жены члена ЛДПР! Я бог истинный, бог православный, а если что, могу и паспорт показать! Япония будет наша! Гренландия наша! Африка будет наша по самые Анды! Пакистана вообще не будет! Я не знаю такой страны — Пакистан!

Народ. И мы не знаем! Ура-а-а!

Жрик. Россия устремится вперед, если выберет меня — потому что только я знаю, где у нее перед!

Народ. Дае-е-ешь!..

В кушах.

Бориска. Слушай, что это они, а?

Ерик. Не обращайтесь внимания: черти их мутят! Пророчествуют, знаете ли, мессиями прикидываются... На ваш престол, извинаясь за выражение, метят... Обычное дело!

Бориска. Но ведь это — ересь!

Ерик. Ересь, конечно! *(Подумав.)* Еще год-другой будем считать, что ересь!

Бориска. А потом?

Ерик. А потом — посмотрим...

Бориска. Куда посмотрим?

Ерик. Кто куда. Так я полетел?

Бориска. Почему „полетел“? Еще немного поработаешь. *(Раздраженно.)* Эй, там! Ну-ка, давай затяни это все обратно облаками! Чего я там, понимаешь, внизу не видал?

Ерик *(удивленно)*. Вы ж говорили: вам нравится?

Бориска. Нравится. Так сильно нравится, что передать не могу! Но оставаться здесь Господом на второй срок — за что мне этот крест, а?

Ерик. Так больше ж некому!..

Бориска *(тяжко вздыхая)*. Да я знаю.

„ФАУСТ“

(почти Гете,
перевод фактически Пастернака)

Бориска

(читая по книге)

„Чтоб сразу показать лицом товар,
Новинку надо ввесть в репертуар“.

(Смотрит обложку.)

Что, „Фауст“! Ну посмотрим, немчура,
Пройдешь ли ты в России на „ура“?
Наш избиратель — ко всему привычный;
Алхимия у нас родная мать;
И с небесами мы в контакте личном,
И чертовщины нам не занимать!

Бориска-Фауст уже в средневековом берете, среди книг и реторт, в темной комнате с готическим стрельчатым потолком...

Я верным коммунистом был
Когда-то до мозга костей:
Из трех источников я пил
И ел из составных частей.
Я съезды вахтами встречал,

Но был в душе я демократ,
Я ветру был и солнцу брат
И крестной мамой свердловчан!
И пробил час, пришел момент —
Я стал России президент!
Давно, назло своей хандре,
Сижусь я в этой конуре,
В ночи кромешнейшей не раз
Кропил я сургучом Указ!
Здесь Конституция сама
Рождалась, бойкий плод ума.
Здесь иногда во тьме густой
Вожусь я с огненной водой —
Хоть эти опыты с зельём
Обычно делают втроем...

Но — тсс! Кто там за дверью дышит,
И пол дрожит, и едет крыша?
Открою дверь. Душа, не дрейфь!
Я — доктор! Я — ученый червь!
Чтоб испытать природу власти,
Я поменял четыре масти,
Познал я сладость всех наук,
Паденье и стрельбу на звук.
Я сам могу устроить ад —
И мне сам черт теперь не брат!

В двери появляется черный пудель.

Что? Черный пудель? Ну, и вид...
Но не иначе как в обновке,
В собачьей этой шкуре скрыт,
Большой любитель дрессировки!
Сейчас узнаем. Бобик, кто ты?

Пудель царапает пол, скулит и оборачивается Егоркой-Мефистофелем в одежде странствующего студента.

Егорка

Привет вам!

Бориска

Чистая работа!

Вот чем был, значит, пудель начинен!

Скрывала реформатора собака!

А я уже хотел варить бульон

Из псятины бесхозной.

Егорка

Ну, однако,

И нрав у вас!

Бориска

Да, я силен яриться!

Зачем пришел ты, бес?

Егорка

Договориться.

Бориска

Среди своих горелок и реторт

Химичу я, во тьме кручусь, как белка...

О чем нам договариваться, черт,

Ведь мы с тобой уже расторгли сделку?

Опять на пару нам скакать вприсядку

Зачем, скажи?

Егорка

Отвечу по порядку.

Вы прекратите опыты свои
С коричневой и красной этой массой,
Потушите огонь среди земли,
Вернетесь к нам (причем с партийной кассой)...
И после мы, когда наступит час,
Россию сагитируем за вас!

Бориска
Неслабое условие! Чем скрепить
Сей договор?

Егорка
Чернил не будем лить,
Но капля крови — вашей, трудовой —
Не помешала б...

Бориска
Знаю. Не впервой!..

Егорка
Ну, так до встречи. Вы взойдете выше
Как демократ...

Бориска
От демократа слышу!

Егорка исчезает.

Отлично! Пригодятся голоса
Мне через год. Изрядная наука!
Мне этот опыт явно удался...
Но что там снова?

Распахивается дверь. За дверью сидит черная овчарка.

Это что за сука?
Кого-то покрупнее черт принес...
Ты кто, собака? Говори, барбос!

Овчарка превращается в Ж и р и к а.

Ж и р и к
Сам ты барбос! Я дьявол во плоти,
Сюда по делу посланный!

Б о р и с к а
Прости,
Не распознал. Ты ж, братец, пятый год
Все лаешь... Да и шерсть тебе идет!
Я слушаю.

Ж и р и к
От фракции моей
Получишь ты в парламенте поддержку,
Взамен отдав министра и портфель
И проведя в ферзи чужую пешку.
Иди со мной почаще на контакт,
Не бойся „наших“...

Б о р и с к а
Спрячь скорей контракт!
Не выследил бы кто-нибудь с „Моста“,
Как мы тут...

Ж и р и к
Я сегодня без „хвоста“!

Б о р и с к а
Давай его сюда...

Жирик
Готова ль кровь?

Бориска
Далась вам эта кровь!

Жирик
Не прекословь —
Таков порядок...

Бориска
Ладно, подмахну.
Но только, понимаешь, антер ну!

Жирик
(в сторону)
Ха-ха! Ученый муж, вот он и наш!

Бориска
(в сторону)
Он мне поможет. Остальное — блажь!

Жирик исчезает.

Контрактов два — а я всего один...
Но я недаром дожил до седины!
Поглотит время и автограф мой —
И этого... Что там опять за вой?

Появляется огромный ньюфаундленд.

Еще один приперся сукин кот!
Что я им — донор? Боже, ну, народ —
Так часто президента искушать!

Какого черта принесло опять?
Какая нынче фракция внутри?
Что надобно? По-русски говори!

Ньюфаундленд оборачивается З ю г о й.

З ю г а

По-русски, так по-русски. Как еще?
Мы местные, и вы не полиглоты...

Б о р и с к а

Заговорите, если припечет,
И на иврите!

З ю г а

Позабудем счеты!
Есть мнение: руль влево повернуть...

Б о р и с к а

Ты, понимаешь, поясни, в чем суть!

З ю г а

Двуглавному орлу всучить звезду,
Буржуев, подлецов, вогнать в икоту.
Колхозы обеспечат нам работу,
Заводы обеспечат нам еду.
Загоним журналистов за Можай,
Отрежем факсы, обесточим „телик“,
Введем войска к эстонцам-латышам,
А доллар будет семьдесят копеек!

Б о р и с к а

А мне какой из этого расчет?

З ю г а
Прямой расчет, мой друг...

Б о р и с к а
Конкретней, черт!

З ю г а
Под нашими знаменами пройдясь,
И тьмы, и света несомненный князь —
На миллионы голосов богаче
Вы станете под выборы; впридачу
Мы вам подарим жостовский поднос
С подпискою на „Правду“ и „Аль-Кодс“!

Б о р и с к а
Давай контракт! Опять кровить бумагу?

З ю г а
Без крови мы, ты знаешь сам, ни шагу...
Прощай, всея Союза Государь!

Б о р и с к а
Ступай, ступай...

З ю г а исчезает.

Посмотрим календарь.
До выборов остался только год,
А там...

(Выглядывает за дверь.)

За дверью сидит в ожидании стая огромных черных собак. Б о р и с к а поспешно захлопывает дверь.

А там и черт не разберет!

ОТПУСК ПРЕЗИДЕНТА

Гул вокзала.

Г о л о с. До отправления литерного поезда Москва—Россия осталось пять минут. Просьба к проводящим покинуть вагоны.

На перроне — вся компания.

Е р и к. Ну я не понимаю — зачем поездом-то? Что у нас, самолеты кончились?

С т е п а н ы ч. Согласен с замечанием. С самолета руководящий обзор лучше...

П а ш а. Да и бомбить удобнее!

К о р ж и к (*высовываясь из будки машиниста*). Отставить! Главный сказал „поезд“ — значит, поезд!

Е р и к. Ей-богу, скоро на велосипедах по стране ездить будем! Как вьетнамцы какие-нибудь, прости Господи!

С т е п а н ы ч. Велосипедов мы не допустим.

Е р и к. Золотая ваша голова, начальник!

А н д р ю ш а-К о з ы р е к. Перед Европой неловко.

П а ш а. Да видали мы эту Европу!..

С т е п а н ы ч. Нет, неловко, неловко...

П а ш а. Почему?

С т е п а н ы ч. Мы ж кататься не умеем.

П а ш а. А-а-а...

С т е п а н ы ч. Ладно, рубль — падает все время. Это они уж привыкли. Но если правительство навернется... да еще с велосипедов... В Страсбурге не поймут!

Е р и к. Страсбург не Страсбург, а нам падать никак нельзя!

С т е п а н ы ч. Почему?

Е р и к. Свои затопчут.

С т е п а н ы ч. Это да. В своих я верю. Затопчут.

К о р ж и к (из кабины). По ку-пе-е! Тридцать секунд до отправления!

Е р и к. Ну, началось...

Все рассаживаются по купе.

К о р ж и к. Двадцать пять секунд, двадцать... Пятнадцать! Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

Гудок паровоза.

Б о р и с к а. По-е-ха-ли-и-и!..

Стук колес. В купе.

Е р и к (поет). „Постой, паровоз, не стучите, колеса. Кондуктор, нажми на тормоза...“ Куда хоть едем-то?

Бориска. Вперед.

Ерик. А зачем нам вперед?

Бориска. Это вопрос государственный. Назад, понимаешь, уже некуда. А вбок поезд не ездит. Я пробовал.

Степаныч. Значит, в Россию?

Бориска. В нее, в матушку. Прямо туда...

Ерик. В глубь?

Бориска. В самую что ни на есть глубь!

Ерик. Ну ладно, я еще понимаю — вперед, но в глубь-то зачем?

Бориска. Да повидать, понимаешь, захотелось.

Ерик. Кого?

Бориска. Людей, кого. По многочисленным просьбам трудящихся.

Степаныч. А им-то это зачем?

Бориска. Трудящимся? Да они всю жизнь об этом мечтали! Даже не работал никто.

Ерик. А вам зачем?

Бориска. Так отпуск же! Все равно в Кремль охрана не пускает; говорят: отдохни, Николанч, не изводи себя работой, ты нам еще пригодишься... *(Зевает.)* А потом, других посмотреть, себя показать... *(Засыпает.)*

Паша. Ага, на своих двоих...

Степаныч. Перед выборами...

Ерик. А-а-а, так бы и сказали!

Степаныч. А ты думал?

Ерик. А я думал: с ума он, что ли, сошел — сквозь народ ездить?

Покосившийся полустанок. Кумачовый транспарант:
„Здравствуй, Президент!“

Г о л о с а Ура!
— Доехал!
— Ура!

Б о р и с к а. Где это мы? Как, понимаешь, называется?

К о р ж и к. Расхлебово называется.

Б о р и с к а. А это что?

К о р ж и к. Районный центр.

Б о р и с к а. Прямо вот — самый центр?

К о р ж и к. Практически.

Б о р и с к а. А по краям что?

К о р ж и к. А по краям — все то же.

Б о р и с к а. Понятно. Здравствуйте, россияне!

Г о л о с а Здравствуй!

— С добрым утром!

— Здорово, коли не шутишь!

Б о р и с к а. Живете хорошо?

Г о л о с а Ох, хорошо живем!

— Самим просто не верится!

Б о р и с к а. Как уровень, поднимается?

Г о л о с а А как же!

— Еще как поднимается!

— Намедни деревню смыло к ...
матери!

Б о р и с к а. Да я не про то! Денег хватает?

Г о л о с а Хватает!

— Особливо директор! Все хватает и
хватает!..

Б о р и с к а. Кончатся деньги — напишите. Мы
еще напечатаем. Нам для народа не жалко.

Г о л о с а Спасибо, кормилец!

— Напишем, напишем!

— Как прогонют — приезжай к нам,
трудоустроим!..

Ерик и Паша, оба в форме железнодорожных рабочих, с фонарями, обстукивают колеса состава.

Паша. Чего ты тут стучишь, внутренний мой?

Ерик. Да вот, смотрю... Как думаешь, доедет это колесо, коли придется, до Казани?

Ерик. Да.

Паша. Доедет. До Грозного доехало, доедет и до Казани!

Ерик. А до самой Москвы? Если придется? А?

Паша. А до Москвы оно уже несколько раз доехало, братец ты мой единокровный!

Ерик. То-то я смотрю: ты гоголем ходишь...

Митинг продолжается.

Бориска. Россияне! Как тут у вас с продуктами?

Голоса. Хорошо!

— С продуктами хорошо!

— Без продуктов плохо!

Бориска. Перебои бывают?

Голос. Постреливают иногда... Да мы привычные!

Бориска. Ассортимент растет?

Голоса. Расте-ет!

— Еще как растет!

— У Петьки, мерзавца, вот такой ассортимент вырос! (*Женский смех.*)

Бориска. То есть: самое необходимое у вас есть?

Голос. За это ты не волнуйся!

Бориска. Рождаемость выше смертности?

Голоса. Выше!

Бориска. Точно?

Голоса. Точно!

Бориска. Это хорошо. Но если что — вы напишите. Я еще приеду. И всю, понимаешь, исполнительную ветвь сюда привезу! И депутатский корпус. Мне для народа не жалко. Поехали отсюда.

Крики „ура“. Поезд трогается и последовательно проезжает мимо транспарантов: „Здравствуй, Президент!“, „Прощай, Президент!“, „Встанем грудью!“ и „Ляжем костями!“.

Купе. Бориска смотрит за окно.

Бориска. Эх, красота...

Степаныч. Нравится?

Бориска. Родные просторы! Едем, понимаешь, от света до света, а конца все нет!..

Степаныч. По концу света у нас Олег Иванович из Совета Безопасности, японка мать. Он Асахару курирует. Если что — могу соединить.

Бориска. Нет, я не в этом смысле. Я говорю: большая какая страна! Не ожидал.

Степаныч (*вздыхая*). Да уж, не Лихтенштейн.

Бориска. Чего?

Степаныч. Не Лихтенштейн, говорю.

Бориска. В смысле?

Степаныч. Лихтенштейн я бы весь себе приватизировал, а тут еще другим осталось.

Бориска. А ты не жадничай.

Степаныч. А я не жадничаю. Обидно просто.

Бориска. Да что там вообще есть, в Лихтенштейне этом?

Степаныч. Не знаю.

Бориска. Ничего там, понимаешь, и нет практически, кроме демократии.

Степаныч. Тогда не надо мне этого.

Бориска. Так и мне не надо. Слушай, как это они там живут? Что приватизируют?

Степаныч. Ума не приложу.

Бориска. М-да... Бедные лихтен, понимаешь, штейнцы!

Степаныч. Жалко и тех, и других.

Бориска. А у нас тут — просторы...

Степаныч. Да бог с ними совсем, с просторами! Главное — газ есть!

Бориска. Не только! Одно слово: Россия, мать!

Вечер. Все напевают, каждый свое.

Коржик (*в кабине паровоза*). „Наш паровоз, вперед лети...“

Ерик (*в купе*). „Постой, паровоз, не стучите, колеса...“

Бориска (*читает по книжке*). „И какой же русский не любит быстрой езды?“ (*Смотрит на Ерика.*)

Ерик. „Кондуктор, нажми на тормоза!“

Бориска (*многозначительно*). Ага!

Паша. „Потому, потому что мы — пилоты...“

Бориска. Распелась, понимаешь...

Паша. „Первым делом, первым делом — самолеты!“

Бориска. „Эх, птица... кто тебя выдумал?.. Знать, у бойкого народа родилась ты...“ Куда едем-то?

Степаныч. Да все туда же. В Россию.

Бориска. А зачем?

Степаныч. Зачитался. Главнокомандующий... За душами! За голосами то есть.

Бориска. Ах да. За душами... (*Смотрит в окно.*) А где же они все?

Степаныч. Кто где. Которые трудятся, а которые уже того... отдыхают.

Бориска. Отдыхают... Так-так... А вот все-таки интересно, как тут: рождаемость выше смертности?

Степаныч. А вам зачем?

Бориска (*тыча в книжку*). Да тут одна идея... судьбоносная, понимаешь... как раз к выборам... (*Высовываясь в окошко, Коржику.*) Тпр-ру.

Поезд со скрежетом тормозит.

Бориска. Дай-кось, прогуляюсь в одиночестве. Охранять не надо. Кого мне тут бояться, в своей стране? Тем более что и нет никого. Оцепили небось всю дорогу до самого, понимаешь, Сахалина. Один похожу, подумаю...

Ерик. А мы?

Бориска. А вы пока поруководите на местах. У вас какие места?

Степаныч. Со второго по пятое.

Бориска. Ну вот на них и поруководите.

Степаныч. Кем?

Бориска. Друг дружкой. И вам развлечение, и народу отдых. А я пошел... (*Выходит из вагона, вдыхает воздух.*) Красота! Я другой (*показывает пальцем*) такой! — страны не знаю!..

Слышно отчетливое „ку-ку“.

Бориска. Кукушка! Примета! Ну, кукушка, скажи, сколько мне еще тут реформировать? (*Кукушка кукует.*) Так, так... Ух ты! Еще? (*Смеется.*) Ну, я живучий, но все-таки, понимаешь, не бессмертный... Ну, спасибо, птичка. От всех россиян — спасибо! На ветке дерева сидит К о р ж и к и старательно кукует.

ЦАРЬ-СУЛТАН

Государевы палаты. Стол с разносолами. Во главе стола — Бориска, вокруг, как положено, Паша, Коржик и Ерик.

Г о л о с

Как уж в некоем государстве
Царь-Султан сидит на царстве,
А при нем министров туча
Сидют, шапки нахлобуча;
Да дружок его, стрелец,
Да опричный молодец.
Вот однажды с дальних стран,
Где то Коль, то Миттеран,
То сакэ, то кенгуру —
Воротился ко двору,
Чтобы делу дать венец,
Сам посольский удалец.
Ко Султану он идет,
Шапку ломит, речь ведет
О делах практических,
Внешнеполитических...

Бориска

Ты объездил семь морей.
Отвечай же мне скорей —
Где бывал, кого там встретил
И какое диво в свете?

Андрюша-Козырек

Я бывал за окяном,
В ихнем штатстве окаянном:
Там, надежа-государь,
Жисть, комар их забодай!
Всюду стриженный газон,
Всюду польза да резон,
Адвокатов пруд пруди,
Демократия, ети!
Партий там на всю страну —
Две. Как выберут одну —
Так потом четыре года
Тишь да гладь среди народа!
Те — ослы, а те — слоны...
То-то радость для страны!
Небоскребы до звезды,
До края земли мосты,
Остров в море-ветродуе,
А на острове — Статуя!
На лужайке — Белый дом,
Билли Клинтон в доме том
Вместе с Хиллари-женой
Управляет той страной:
Утром бегаёт трусцой,
Днем работает мозгой,
А потом, секвой на фоне,
Знай дудит на саксофоне!
А главней там всех — доллард,

Он зеленый, как бильярд,
Посередке — Вашингтон,
Весь цветущий, как бутон...
Нам взаимы бы тех долларов
(Штучек десять миллиардов!) —
Мы бы царствие твое
Укрепили...

Бориска

Е-мое!
Правда, славная картина?

Коржик

Это диво нам не диво!

Ерик

Не указ нам их резон,
Нам накласть на их газон,
На мосты, на небоскреб,
На Статую, мать их...

Коржик

Тоже чудо, вишь, нашел,
Что в Сенате там осел —
Наш расейский депутат
Тоже, чай, не мармелад!

Паша

А заморский саксофон
Мы, надежа, разогнем!

Ерик

Пусть сыграет на поляне
Ихний Билли на баяне!
Это — точно будет чудо...

Бориска
Да уж, брат... Ступай отсюда.

Андрюша
Ну а как же долларá?

Бориска
Чтоб добыл их до утра!

Голос
Вот другой раз из Дубай
Приезжает краснойбай...

Степаныч
Здравствуй, царь!

Бориска
Здорово, брат!
С чем вернулся ты назад?
Где бывал? Кого там встретил?
И какое диво в свете?

Степаныч
Я с охраною наружной
Был на ярмарке оружной:
Там, надежа-государь,
Чудо, что за инвентарь!
Самолеты без помех
С корабля взлетают вверх,
Пушки с берега палят,
Танки давят всех подряд,
А заморская пехота
В глаз дает с пол-оборота!
Кабы нам свою бы рать

Эдак реформировать,
Войско было бы у нас —
Загляденье!

Бориска

А сейчас?

Голос

А сейчас, надежа-царь,
Извини, уж все, как встарь:
Пули по полю летят,
Поле трупами мостят,
А потом опять с утра
Наше хриплое „ура“...
Это ежели война —
А в иные времена
Только пьянка да ворье,
Дедовщина да вранье!
Извини, коли обидел...

Бориска

Чей тут голос был?

Коржик

Не видел.

Ерик

Сквозняком надуло в уши.

Паша

Видно, это кто снаружи...

Бориска

Продолжай про чудо сказ.

Степаныч
Чудо видел я не раз,
Но что истинное диво
(Не поверил бы, вестимо,
В это я с чужих бы слов) —
Там у них не бреют лбов!

Бориска
Но они ведь служат как-то?

Степаныч
Служат, только по контракту!

Бориска
По контракту? Чудеса!
Ох, я дам тебе разá!
Что же ты молчал про то?

Паша
Кто молчал-то?

Бориска
Конь в пальто!
Ну, служака мой ретивый...

Паша
Это диво нам не диво!
Что контракт? Бумажка, тьфу!
Сунул слово во графу...
Писаришек батальон
Настрочит таких мильен!
Посреди родимой бучи
Есть диковина покруче:
Генерал, царю опора,

Служит весело и споро —
Пусть попробовал бы так
Из заморских кто вояк:
Чтоб и орден заслужить,
И полвойска положить,
И вконец провороваться —
И при должности остаться...
Вот где истинное чудо!

Бориска
Точно, брат... Ступай отсюда.

Голос
День прошел, другой проходит —
Новый гость к царю приходит:
Сын юристу, черту брат —
Либеральный демократ!

Жрик
Здравствуй, царь, надежа наша,
Как живет родная Раша?

Бориска
Ничего себе живет —
Из Канады хлеб жует!

Ерик
А кончается в Канаде —
Мы ложимся на полати
И зубами клацаем
Всей аграрной фракцией...

Бориска
Ты скажи-ка мне, пострел,

Где так славно загорел?
Кто тебя, мальчика, приветил —
И какое диво в свете?

Жирик

Я к тебе явился прямо
От товарища Саддама —
Вот уж диво-красота,
Разным прочим не чета!
Он нам лучшая из пар,
Вот те крест... аллах акбар!
У него звезда во лбу,
Он ООН видал в гробу,
И подраться не дурак,
И усы на весь Ирак!
С ним на пару, Государь,
Разгуляемся, как встарь;
А впридачу с Ким Чен Иром
Мы оттянемся всем миром!
То-то будет политес —
Просто чудо из чудес!
Без потехи сиротливо...

Бориска

Это диво — точно диво!

Паша

Да-а... Иметь такую власть,
Чтоб в нее, как в омут, — шась...

Коржик

Если это искушенье,
То в него приятно впасть!

Ерик

Царь наш батюшка, ей-ей,
Жить бы стало веселей!
С добрым курдом, милый город,
Сердце Родины моей!

Бориска

Было в прежние разы,
Что росли тут и усы...
Но боюсь, сегодня это
Не для средней полосы!
Тут пришпоривать народ
Больше, Жирик, не пойдет,
Так что ты ступай, болезный, —
Там тебя Каддафи ждет!
Мы уж сапой как-нибудь...
Лишь бы в троне не уснуть —
Больно много претендентов,
Понимаешь... Просто жуть!

Голос

Тут надежа загрузил,
Буйну свиту отпустил,
Повелел в конце концов
Не пускать к себе гонцов.
Он сидит, глядит в оконце —
Много дивного под солнцем...
Но чудеснее всего —
То, что любим мы его!

„В ОЖИДАНИИ ГОДО“

(юбилейная фантазия
по мотивам Томаса Беккета)

*125-й годовщине со дня
рождения Владимира
Ильича Ленина
посвящается...*

Посреди пустыря сидят Зюга и Жирик. На коленях у Зюги — советский транзистор, из которого некоторое время звучит песня „В маленьком и тихом городе Симбирске“, исполняемая в стиле „рэп“.

В маленьком и тихом! Городе Симбирске!
Там, где катит воды! Мать российских рек!
Всем народам мира! Дорогой и близкий!
Ро-дил-ся-ве-ли-кий-че-ло-век!
В праздники и в будни! Вместе с нами Ленин!
И живет он вечно! В памяти людской!
Радость нашей жизни! Солнце поколений!
Све-точ-на-шей-пар-ти-и-род-ной!“

Наконец песня заканчивается.

Женский голос (из транзистора). В Москве полночь. В Саратове, Омске и Владивостоке — тоже.

Мужской голос (с акцентом). „ЭМ-радио... Мне хорошо с тобой...“

Жирик. Напомни, чего мы тут сидим.

Зюга. Мы ждем, когда придет Он.

Жирик. Кто?

Зюга. Тот, кого мы ждали все это время.

Жирик. А Он придет?

Зюга. Придет, придет, придет! Обещал. С серпами-молотками, с едой.

Жирик. Значит, придет?

Зюга. Придет, придет, придет...

Жирик. А почему уже не пришел?

Зюга. Наверное, где-то задержался. Может быть, в Цюрихе. Он любил задержаться в Цюрихе...

Жирик. А откуда ты вообще взял, что он сюда придет?

Зюга. Он обещал!

Жирик. Мало ли что! Я обещал всем женщинам бесплатные бюстгальтеры и по мужику!

Зюга. Когда?

Жирик. Перед выборами.

Зюга. Неужели всем?

Жирик. Всем! Даже тем, у кого уже есть один!
А мужикам обещал дешевую водку!

Зюга. И что?

Жирик. А ничего!

Зюга. Ни мужиков, ни водки?

Жирик. Конечно!

Зюга. Ты обманул их, Жирик!

Жирик. Ничего, сопьются и без меня...

Зюга. Ты обманул их!

Жирик. Конечно, Зюга! А кто здесь не обманывал?

Зюга. Он. Он никогда нас не обманывал.

Жирик. Таких не бывает.

Зюга. Ей-богу. Вот, например, он сказал: „Из

всех искусств для нас важнейшим является кино!"
Сказал?

Ж и р и к. Ну.

З ю г а. И что? Разве неправда?

Ж и р и к. А какое кино, не сказал?

З ю г а. Наверно, мексиканское. Какая разница!

Ж и р и к. А еще чего он говорил?

З ю г а. Да много чего... Он только и делал, что говорил! Перед самой только смертью замолчал и начал думать.

Ж и р и к. Так он умер?

З ю г а. Не совсем.

Ж и р и к. Объясни.

З ю г а. Многие потом видели...

Ж и р и к. В Цюрихе?

З ю г а. У нас.

Ж и р и к. Так когда же он сюда придет?

З ю г а. Не знаю. Обещал.

Ж и р и к. Обманет... Ох, обманет.

З ю г а. Как тебе не стыдно! Архичестный человек!
„Революция, о необходимости которой так долго говорили большевики..." Помнишь?

Ж и р и к. Как сейчас.

З ю г а. Ну, и?.. Совершилась?

Ж и р и к. Не то слово.

З ю г а. Вот видишь! Он нас никогда не обманывал!

Ж и р и к. А других?

З ю г а. Другие не в счет. Дождемся!

Ж и р и к. Дождемся—то дождемся...

З ю г а. Ты веришь?

Ж и р и к. Верю. Дождемся, как пить дать... Такое придет, мало не покажется!

З ю г а. Какое?

Жирик. Откуда я знаю! Всегда приходит чего-то. Но не оттуда. И не то, чего ждешь.

Зюга. А солнце, Жирик?

Жирик. Какое солнце, Зюга?

Зюга. Ну, такое круглое, желтое... Помнишь, мы когда-то сидели в полной темноте, только у тебя зубы сверкали. А потом оно вдруг — раз! — и стало светло. Потом все светлее, светлее, а потом вниз, вниз... — фьюить! — и снова стало темно.

Жирик. Ну и что?

Зюга. Вспомни, Жирик! Если сидеть на месте и не шевелиться, то оно всегда появляется у помойки, а исчезает справа от трубы.

Жирик. Ну и что?

Зюга. Надо сидеть на месте и не шевелиться! Тогда придет именно то, чего ждешь. Он, наше солнце...

Жирик. Кто?

Зюга. Тот, которого мы ждем.

Жирик. Он появится у помойки?

Зюга. Это метафора.

Жирик. Кто?

Зюга. Метафора.

Жирик. Я спрашиваю: кто тебе вообще сказал, что он придет?

Зюга. Ты уже спрашивал это, Жирик.

Жирик. Я всегда повторяю одно и то же много раз. Только это приносит здесь успех.

Зюга. Почему, Жирик?

Жирик. Потому что здесь никто ничего не понимает с первого раза.

Зюга. Как ты сказал?

Жирик. Потому что здесь никто ничего не понимает с первого раза!

З ю г а. И поэтому ты повторяешь одно и то же много раз?

Ж и р и к. Да!

З ю г а. Зачем?

Ж и р и к. Потому что здесь никто... Как ты мне надоел, это что-то один раз!

З ю г а. Еще бы не надоест, ведь мы ждем тут с незапамятных времен!

Ж и р и к. Кстати, ты, случайно, не помнишь, кого мы ждем?

З ю г а. Помню.

Ж и р и к. Счастливый человек.

З ю г а. Да. Я человек коммунистического будущего.

Ж и р и к. Значит, коммунизм — есть?

З ю г а. Коммунизм — есть...

Ж и р и к. Не может быть.

З ю г а. Честно. Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!

Ж и р и к. Теперь понял.

З ю г а включает транзистор. Оттуда несколько секунд звучит песня „Ленин всегда живой...“, но почему-то на английском языке.

Ж и р и к. Слушай, Он точно сюда придет?

З ю г а. Конечно.

Ж и р и к. А как мы его узнаем, когда он придет?

З ю г а. Он скажет пароль.

Ж и р и к. Какой пароль?

З ю г а. В прошлый раз Он сказал: „Учиться, учиться и учиться“.

Ж и р и к. Это Он тебе сказал?

З ю г а. Нет.

Жирик. Заметно. А кому?

Зюга. Не знаю.

Жирик. Надо найти того, кому он это говорил. Вдруг он и вправду выучился.

Зюга. И что тогда?

Жирик. Тогда он объяснит нам, почему мы ждем тут какого-то человека, которого в глаза не видели, вместо того, чтобы куда-нибудь пойти.

Зюга. Куда мы можем пойти, Жирик?

Жирик. Куда угодно! Меня, например, все время посылают в разные места...

Зюга. Меня тоже.

Жирик. Ты ходишь?

Зюга. Нет.

Жирик. И я нет.

Зюга. Вот видишь. Значит, надо ждать здесь!

Жирик. Ладно, будем ждать здесь. Тем более здесь хорошо, как нигде.

Зюга. А ты где еще был?

Жирик. Я везде был.

Зюга. И что там?

Жирик. Там плохо. *(Пауза.)* Там меня бьют, Зюга. Гадостью всякой обливают. Обзываются.

Зюга. А здесь?

Жирик. А здесь я их всех...

Зюга. Знаешь, и мне тоже — только тут и нравится. Пейзаж вот этот родной, запах... *(Морщится.)* Тебе, кстати, как?

Жирик. Нормальный запах...

Зюга. Может, прибраться?

Жирик. Ну, прибери.

Зюга *(не трогаясь с места)*. А с другой стороны: зачем?

Жирик. Не хочешь с другой, прибери с этой.

Зюга (*не трогаясь с места*). Раньше было лучше.

Жирик. Ясный пень. Раньше кто-то все это хоть время от времени убирал!

Зюга. Нормальное время было... Все на месте. Урожай в закромах, Сахаров в Горьком...

Жирик. Ну! Прибалты у ногтя, узбеки на хлопке.

Зюга. Держава... Уважение... СС-20 опять же...

Жирик. Весь мир валидол сосал!

Зюга. Да что там валидол...

Жирик. А космос? „Сокол“, я „Беркут“, как слышишь меня, прием...

Зюга. „Беркут“, слышу тебя хорошо!

Оба вздыхают.

Жирик. Да-а... Чего говорить... Страна одна, партия одна, Брежнев в Кремле, Дудаев в Тарту...

Зюга. Пятого выпьешь, двадцатого похмелишься... И Он всегда был с нами. Начиная с червонца. А теперь?.. Слушай, но где же Он?

Жирик. Кто?

Зюга. Он! Тот, которого мы ждем! Который обещал реорганизовать Рабкрин и умер! Почему не идет? Мне что-то страшно.

Жирик. Не бойся, я с тобой.

Зюга. Потому и страшно. Слушай, давай повесимся?

Жирик. На чем?

Зюга. Ох ты, мать моя, ни деревца! Ну и пейзаж!

Жирик. Это не пейзаж, это натюрморт.

Зюга. А раньше-то, бывало, то березка, то рябинка...

Жирик. Сионисты обрезали. Скоро тут одни кактусы расти будут, звездно-полосатые.

Зюга. Может, застрелимся?

Жирик. Я пас.

Зюга. Почему?

Жирик. Не хочу.

Зюга. Тихо!

Жирик. Что такое?

Зюга. Какой-то звук...

Жирик. Это мы с тобой разговариваем!

Зюга. Нет, это Он!

Неподалеку открывается крышка люка. Оттуда вылезает Слепой в черных очках. Стуча белой тросточкой, Слепой идет прямо к Зюге и Жирику.

Слепой. Вам телеграмма.

Зюга. Кому именно?

Слепой. Один момент. (*Ощупывает руками лица у обоих.*) Без разницы.

Жирик. А от кого телеграмма-то?

Слепой. От Него, от Самого...

Зюга (*читает*). „Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым—Овсеенко. Он должен называться просто тов. Овсеенко. Подпись: Ленин“.

Тяжелая пауза.

Зюга (*читает дальше*). „Пятое Полное собрание сочинений, том 50, страница тоже 50“. (*С облегчением.*) Ну, вот...

Слепой (*открывая тетрадь*). Вот здесь, где галочка...

Жирик. Иди, иди с Богом.

З ю г а. Бога нет.

Ж и р и к. Точно?

З ю г а. Я тебе ручаюсь!

Ж и р и к (Слепому). Ну, так иди... Один.

С л е п о й. Совет вам да любовь. *(Скрывается в люке.)*

З ю г а. Я же говорил: Он придет!

Ж и р и к. Так это Он был?

З ю г а. Он не Он, а *(трясет телеграммой)* мы дождались.

Ж и р и к. Я предупреждал...

З ю г а включает транзистор, и оттуда — опять в стиле „рэп“ — начинает рваться песня.

Ленин! Всегда живой!

Ленин! Всегда с тобой!

В горе! В надежде! И в ра! дос! ти!

З ю г а. Нечеловеческая музыка!

„ДОН КИХОТ“

Паша-сосед стучится в дверь Бориски-Дон Кихота.

Паша. Сеньор Дон Кихот! Доброе утро! Вы дома или опять не в себе?

Бориска. Кто там?

Паша. Это я, ваш сосед, Пабло Мерседес!

Бориска. Кто?

Паша. Пабло Мерседес, ваша светлость! Меня назвал так народ за любовь ко всему, что движется!

Бориска. А-а. Ну, входи, входи... Пабло!

Паша входит. Бориска сидит в кресле, в ночной рубашке, с копьём в руках.

Бориска. „Мерседес“... Раньше, понимаешь, народ звал тебя по-другому...

Паша. Раньше народ и вас звал по-другому.

Бориска. Как он звал меня раньше?

Паша. Рыцарем, ваша светлость.

Бориска. А как зовет сейчас?

П а ш а (*подумав*). По-другому.

Б о р и с к а. Да, мы оба изменились.

П а ш а. Все изменилось в Ламанче с тех пор, как вы стали управлять провинцией.

Б о р и с к а. Правда?

П а ш а. Сушая правда, сударь. И, по-моему, изменилось к лучшему.

Б о р и с к а. Ты считаешь?

П а ш а. Да я со счета сбился! (*Загибает пальцы.*) Домик изменился к лучшему, факт! Вилла сильно к лучшему изменилась... Обслуга так изменилась, что лиц не видать! Опять же „мерседесы“...

Б о р и с к а. Что значит „сы“? Их сколько?

П а ш а. Два!

Б о р и с к а. Зачем тебе второй „мерседес“?

П а ш а. Для репутации. Мы с моей репутацией в одну машину уже не влазим.

Б о р и с к а. Да, много воды утекло...

П а ш а (*мечтательно*). Что вода? А сколько утекло крови!

Б о р и с к а. Я крови не хотел.

П а ш а. Кто же ее хочет? Сама течет! Бывало, нанесешь какой-нибудь точечный удар — его и не видно-то сверху, а они потом прямо всю душу вымотают!

Б о р и с к а. Кто?

П а ш а. Враги!

Б о р и с к а. А много у тебя врагов, Пабло?

П а ш а. Пол-Ламанчи.

Б о р и с к а. А другая половина — друзья?

П а ш а. Другой уже, слава Богу, в живых нет.

Б о р и с к а. Слава Богу? Пабло, ты что, верующий?

П а ш а. В настоящий момент — да!

Б о р и с к а. Вот, понимаешь, совпадение — и я тоже верующий... в настоящий момент.

П а ш а. Так что не сомневайтесь. Я, можно сказать, голубь мира!

Б о р и с к а. А я?

П а ш а. Вы тоже... та еще птица.

Входит К о р ж и к-С а н ч о П а н с а.

К о р ж и к. Хозяин! Одеваться будем — или поедем так?

Б о р и с к а. Санчо! Я в тягостных раздумьях!

К о р ж и к. Не время думать! У нас сегодня поездка по сельхозугодьям Ламанчи, потом две рабочие рыцарские встречи, а после обеда — поединок с мельницей.

П а ш а (*заинтересовавшись*). А что на обед?

К о р ж и к. Пабло, ты еще не наелся? Смотри, уже лицо в зеркало не помещается!

П а ш а. Ты тоже не выглядишь изможденным, Санчо!

К о р ж и к. Я телохранитель, Пабло! Если я не позабочусь как следует о своем теле — кто позаботится о теле сеньора?

Б о р и с к а. Кто позаботится, понимаешь, о моей душе?

К о р ж и к. Рыцарь, если вы не перестанете фантазировать, это может кончиться самым печальным образом...

Б о р и с к а. Да! Конечно! Так меня и называли когда-то... Рыцарь, Кончающий Печальным Образом... Нет, что-то не то; как-то по-другому меня называли... Как давно это было!

К о р ж и к. Не надо печалиться.

П а ш а. Вся жизнь впереди.

Коржик. А тебя не спрашивают! Хозяин, пора ехать в народ!

Коржик едет на ослике и ведет за собою под узды Росинанта с сидящим на нем Бориской.

Бориска (*напевает*). „Мы красные кавалеристы, и про нас былишники речистые...“ Что-то я опять не то спел! Мы сейчас куда?

Коржик. Не беспокойтесь, хозяин. Все по регламенту. Доставим в целости, в сохранности, на место.

Бориска. И что там?

Коржик. Что, что... Встреча с населением!

Бориска (*с тревогой*). Беседовать надо?

Коржик. Зачем беседовать? Не надо с ними беседовать, на кой вам черт сдались эти голодранцы! Сделать заявление, в целом ободрить — и по коням!

Бориска. Знаешь, что я заметил, Санчо? Они в целом все хуже ободряются.

Коржик. Не берите в голову, хозяин! В случае чего лягут вниз лицом всем трудовым коллективом.

Бориска. Зачем вниз лицом?

Коржик. Для бодрости!

Бориска. А потом?

Коржик. А потом — ногами, для профилактики.

Бориска. По регламенту?

Коржик. Можно и по регламенту.

Бориска. А потом?

Коржик. Потом дальше ободрять поедем.

Бориска. А они говорят, Санчо, дальше ехать некуда.

Коржик. Кто?

Бориска. Да эти, понимаешь, в газетах...

Коржик. А вы не читайте.

Бориска (*пораженный*). Санчо! Как бы я жил без твоей народной смекалки?

Коржик. Я еще много примочек знаю! Хотите, расскажу, как надо нефтью торговать, чтобы и вам было хорошо, и мне не обидно? Хотите?

Бориска. А у нас есть нефть?

Коржик. В том-то и дело, что у нас — нет! А в Ламанче есть. Я вам напишу докладную записку...

Бориска. Ты умеешь писать?!

Коржик. Ага. Правда, читать еще не получается.

Бориска. Ну, это, понимаешь, необязательно! Вот что, Санчо, я, пожалуй, сделаю тебя губернатором острова! Ты справишься.

Коржик. С островом? Не сомневайтесь. Никаких поблажек, хозяин. Либо я, либо остров!

Бориска. Нет, я имел в виду вообще... руководство. Сельское хозяйство там, художественная, понимаешь, самодеятельность... И права человека чтобы соблюдались на острове неукоснительно!

Коржик. А вот это вы зря. У нас в Ламанче так нельзя. Здесь любят, чтобы ближе к земле... лицом вниз... Тпр-ру! Приехали.

Бориска. Куда?

Коржик. На обед.

Бориска. А народ?

Коржик (*веско*). Народ кормить не договаривались.

Трактир. Бориска и Коржик — за столом. Их обслуживает трактирщик — Ерик.

Ерик. Кушайте, сеньор! Чем богаты...

Коржик. Что это?

Ерик. Еда.

Коржик. Какая еда?

Ерик. Наша, местная...

Бориска. Ты, понимаешь, давай меню!

Коржик (*тыча себе в грудь пальцем*).

И меню тоже!

Ерик подает меню.

Бориска (*читает*). „Черствый коржик, тертый жирик, зюган в красном томате...“ Это что, все?

Ерик. Еще есть маринованный сосковец, но сильно лежалый.

Бориска. И все?

Ерик. Все. Весь, извините за выражение, выбор Ламанчи...

Бориска. Но это же несъедобно!

Ерик. Некоторым нравится.

Бориска. А нет ли хоть, ну, я не знаю — балладюра какого-нибудь... мейджора там... ну, что-нибудь европейского качества?

Ерик. Европейского не держим.

Бориска. Почему?

Ерик. У нас в Ламанче этого не переваривают! А вот простую такую пищу, чтобы до костей пробирало... Баркашовки не желаете?

Бориска. А это что такое?

Ерик. Местная кухня, сеньор. Рецепт немецкий, соус наш. Кишечник выпрямляет так, что будьте любезны!

Коржик. Надо попробовать.

Бориска. Может, лучше сесть на диету?

Коржик. Это можно, хозяин. Святое дело. Только осторожно сесть, чтобы ее не раздавить...

Бориска. Ну, это, положим, не страшно. Раздавлю эту, сяду на другую. С моей конституцией уж как-нибудь не пропаду!

Коржик. И то верно!

Бориска и Коржик лежат на травке. **Коржик** смотрит в бинокль.

Бориска. Санчо!

Коржик. Что, хозяин?

Бориска. Доложи ситуацию по охране меня.

Коржик. Момент. *(В переговорник.)* Первый, я „Осел“, доложи ситуацию!

Бурчание в переговорнике.

Коржик. Отдыхайте. Все начеку. *(Смотрит в бинокль.)*

Бориска. Чего там, понимаешь, видно?

Коржик. Ветряные мельницы, хозяин. Все по регламенту. Сейчас организуем ветер, обеспечим информационную поддержку — и в бой!

Бориска. Что, опять воевать?

Коржик. Да упаси вас Боже, хозяин! Так, покажем немного вокруг, харизму покажем — и банички.

Бориска. Ага! А на самом деле, понимаешь, сражаться не будем?

Коржик. А зачем?

Бориска. Ну, я не знаю... Как тогда, помнишь, летом... Во имя этой, как ее... Дульсиной Деморосской! Против сил зла...

Коржик. Где вы видите зло, хозяин? Вон сколько добра вокруг, и все наше!

Бориска. Но ведь отнимут, Санчо! Отнимут!

Коржик. Кто?

Бориска. Да пруд пруди желающих! Дон Жирик, Дон Зюга и этот еще... Дон Грегорио. Не любят они меня, Коржик; просто, понимаешь, хлебом их не корми, дай выкинуть из седла. На турнир вызывают следующим летом!

Коржик. Хозяин, а перенести турнир нельзя?

Бориска. Перенести — нельзя. *(Подумав.)* Отменить можно. С моей, понимаешь, конституцией, зачем мне еще турнир!

Коржик *(злядя в бинокль).* Точно. *(Зевает.)* Мы уж сами как-нибудь... *(Засыпает.)*

Сон Коржика. Он едет на коне, за ним трусит на ослике **Бориска**.

Бориска. Санчо, ты так хорошо смотришься, когда ты на коне! Тебе так идет седло! И лицом вышел...

Коржик. Что?

Бориска. Я говорю: с твоим лицом — только руководить. И как я раньше не догадался дать тебе узды...

Коржик. Чего дать?

Бориска. Дать узды! Правления, понимаешь!

Коржик. Не болтай. Доложи ситуацию по охране меня.

Бориска. Все начеку. Не то что, понимаешь, враг — кислород не пройдет!

Коржик. Где мы?

Бориска. Сейчас узнаю. *(В переговорник.)* Первый, где мы?

Бурчание в переговорнике.

Бориска. Коржик, мы в глубокой Ламанче!

Коржик. Я тебе не Коржик!

Бориска. А кто?

Коржик. Я тебе теперь — хозяин!

Бориска. Мне?

Коржик. А кому же!

Бориска. А тогда я кто?

Коржик. А ты... *(Шепчет на ухо.)*

Бориска. Не может этого, понимаешь, быть!

Бурдюк ты с мясом, а не хозяин!

Коржик. Что?

Бориска. Проснись!

Коржик. А?

Бориска. Проснись! *(Бьет по щекам.)*

Коржик. Как? Это сон?

Бориска. Это не сон. Это, понимаешь, кошмар!

Вставай!

Коржик продирает глаза.

Коржик. Ой, хозяин... Мне тут такое приснилось...

Бориска. Знаю я, что ты спишь и видишь!

Коржик. Я не нарочно, хозяин!

Бориска. Ладно, понимаешь... Посмотри-ка лучше, кто это к нам скачет?

Коржик. Общественность.

Бориска. А чего, понимаешь, улюлюкают?

Коржик. Вообще-то, по регламенту, это они радуются. Но я бы на всякий случай отсюда дернул.

Бориска. Дернуть не дернуть, а уходить надо...
Н-но!

Коржик. Что „но“, хозяин?

Бориска. Я говорю: н-но!

Коржик. „Но“ — что?

Бориска. Ничего! Просто — н-но!

Коржик. Это вы мне?

Бориска. Это я (*тычет в коня*) ему. Н-но!

Росинант (*вдруг*). Что „н-но“? Что „н-но“? Я не могу больше скакать туда-сюда! Ты мне за четыре года весь хребет отсидел, рыцарь несчастный!

Осел (*Коржику*). А ты — мне!

Бориска. Вот это да. Вот это, понимаешь... Сначала шахтеры заговорили, теперь, понимаешь, лошади... Ох, не досижу я в седле до выборов, чует мое сердце, не досижу!

Росинант. До выборов? (*Ослу.*) Нет, брат, я вижу, они с нас с живых не слезут!

Осел. Эх, и зачем мы дали им себя взнуздать? Ну, твой-то хоть когда-то рыцарем был, а я... Одно слово — осел!

Коржик. Хозяин, если встреча с общественностью состоится, я ни за что не ручаюсь!

Росинант. Ладно уж, вывезу тебя. Мы, росинанты, отходчивые!

БУДКА ГЛАСНОСТИ

Переносная будка и множество рук, тянущих ее из стороны в сторону. И — гул голосов...

Г о л о с а Правей!

- Куда еще правей? Левей!
- Не слушайте его! Кого вы слушаете, посмотрите ему в глаза, он же мерзавец!
- А ты не мерзавец?
- Мы тут все мерзавцы, но я главное...
- Протестую! Я как заместитель помощника главы подкомитета...
- Слюной не захлебнись.
- А что это мы тащим?
- Будку гласности!
- Будку чего?
- Гласности.
- Зачем?
- Так, поговорить.
- А зачем нам говорить?
- А что нам, работать, что ли?

- Почему только одна? У нас у каждого должно быть по будке...
- Отойдите вы все, пустите честного политика!
- Кто честный? Ты честный?
- Я!
- А кто лоббировал пивную промышленность?
- Я лоббировал пивную промышленность?
- А кто же?
- Я вообще не пью!
- Товарищи! То есть, тьфу, я хотел сказать: господа!
- Козлы!
- Ну, в конечном счете это все равно, просто я хотел напомнить, что мы в прямом эфире...
- Как в прямом эфире?
- Так. Видите, лампочка горит?
- Эй, козел, погаси лампочку!
- Секундочку, господа, по порядку, по порядку...

В будку протискивается Егорка.

Егорка. Господа... Кардинальное решение проблемы создания новой макроэкономической модели в ситуации политического дисбаланса и острых инфляционных ожиданий в обществе в конечном счете неотделимы от решения отнюдь не простых вопросов социальной адаптации...

Отовсюду высовываются с десяток рук, и Егорку выволакивают из будки.

Г о л о с а Я те щас покажу „адаптации“!

— За „отнюдь“ — ответишь!

— По-русскому говори, гад!

— А-а-а!..

В будку входит З ю г а.

З ю г а. Товарищи! Антинародный оккупационный режим, снюхавшийся с международным империализмом, сионизмом и абстракционизмом, потерял остатки ума, чести и этой... секундочку! (*Заглядывает в бумажку.*) Да как же ее, б...? Да, совести! (*Читает.*) Родина распродана, идеалы посрамлены, армия разворована... (*отрывается от бумажки*)... а главное — все себе, все себе, а нам? Мы тоже хотим! (*Спихватывается.*) Так скажем наше громкое „нет!“ попыткам свернуть нас... свернуть нам... пардон... (*заглядывает в бумажку*)... в общем, не дадимся, товарищи! Наложим наше общее вето на беловежских предателей! Сплотимся вокруг меня и большой толпой пойдем обратно! Учение Маркса всеильно, потому что оно — Маркса! Что-то я не то... (*Заглядывает в бумажку.*) В общем, Ленин жив, Христос воскрес! Да здравствует СССР, оплот мира во всем мире! И еще этой оплот (*заглядывает в бумажку*) — да как же ее, б...? — демократии! Долой из Кремля старых супостатов! Даешь новых! Все на выборы меня!

К о р ж и к (*заглядывая в будку*). Сказал?

З ю г а. Сказал.

К о р ж и к. Выдь из будки.

З ю г а. Я еще хочу!

К о р ж и к. Потерпи. Вот станешь президентом — тогда и будешь делать, чего хочешь. А пока — выдь из будки!

Зюга выходит. Коржик подходит к камере и делает народу „козу“:

Коржик. Утю-тю-тю-тю!

Уходит. В кабину заглядывают Ерик и Паша, одеты панками.

Паша. Чо? Где?

Ерик (*указывая на камеру*). Да вон, ну вон, по центру!

Паша. Чо, в натуре? (*Видит камеру, издает панковский вопль.*) Уа!

Ерик. Уа! Лом! Пацаны!

Паша. Кня!

Ерик. Ща мы оттянемся!..

Паша. Кня!

Ерик. Мы ж силовые!

Паша. Кня!

Ерик. Опа! Шварценеггер отдыхает!

Паша. Кня!

Ерик. Мало не будет!

Паша. Кня! (*Ерику.*) Э, слышь, чувак, да они ж в самый прикол не въехали!

Ерик. Дед, ты гонишь!

Паша. Не въехали! Скажем для понту?

Оба хором. Мы не хотим в президенты! Уа!

Ерик. А почему, сказать?

Паша. Нам и без того хорошо!

Хором издают боевой клич. Затемнение. Свет. В кабине — Костик и Герашка-Банкир; стоят, взявшись за руки.

Герашка (*ища глазами камеру*). Нас видно?

Костик. Видно, да? А то нас давно не было видно.

Герашка. Вот мы и пришли.

Костик. А то всех видно, а нам обидно.

Герашка. Потому что — чем мы хуже?

Костик. Ничем не хуже, ничем не лучше. Такие же в точности. Так почему их всех оставили, а нас послали?

Герашка. Ага! Его-то хоть к Папе, а меня...

Костик. А я два года от его лица говорил! Так вжился — перестать не могу. В Ватикане пугаются.

Герашка. А денежки? Кто ему теперь денежки посчитает, чтобы сошлось? (*Всхлипывает.*)

Костик (*тоже всхлипывая*). Ну-ну, коллега, не надо! У вас же небось осталось?

Герашка. Еще бы не осталось! Сколько лет считал...

Костик. Ну вот. И я тоже, можно сказать, как у Христа за пазухой...

Герашка. Так чего же мы плачем?

Костик. А здешних жалко... Пропадут же без нас!

Рыдают друг у друга на плече. Затемнение. Свет. В будке стоит Андриуша-Козырек, в бейсбольной шапочке, с „Кэмелом“ в зубах.

Андриуша. Пользуясь случаем, я хотел бы выступить с коротким опровержением. В последнее время в российской прессе постоянно муссируются слухи, что существует два Андриуши. Хочу совершенно авторитетно заявить, что это неправда. Я один. Со всем один.

Г о л о с (рядом). Факт!

А н д р ю ш а (поворачиваясь). Что?

Г о л о с. Один я!

А н д р ю ш а смотрит вбок — там стоит еще один А н д р ю ш а, в вышитой косоворотке.

В т о р о й А н д р ю ш а. А второго никакого в природе нет! Верно говорю?

П е р в ы й. Аск!

В будку врывается Ж и р и к.

Ж и р и к. Я! Я! Я буду говорить! Я буду говорить в прямом эфире, пока меня не скривит самого! Я буду говорить, потому что мне есть что сказать россиянам! Россияне! Вы где? (Замечает камеру.) Ага, вот вы где!.. Слушайте сюда! Вас обманывают! Вас все обманывают! Только я вас не обманываю, потому что я патологически честен! Россия будет великой державой, если выберет меня — а если не выберет, будет маленькой и никому не нужной, как Люксембург. Народы России! Вам уже сейчас плохо, но вы еще не знаете, что ждет вас впереди! Впереди вас жду я! Я приведу вас к такому светлому будущему — вы закачаетесь! Причем некоторые — на фонарях! Да, да, мы не будем церемониться с демократами, космополитами и другими психически ненормальными меньшинствами! Исключение будет сделано только для членов ЛДПР и тех ненормальных, которые проголосуют за меня на выборах! Для них я лично обещаю небо в алмазах и ананасы в шампанском! Причем шампанское будет наше, и ананасы тоже наши, потому что Шампань я присоединю

к Воронежской области, а Африку к Туркестану! Прибалты! Ждите меня со стороны Финляндии! Что? Почему погас свет? Это провокация! Включите свет, я хочу улыбнуться своему народу!

Зажигается свет. Жирик в смирительной рубашке. За спиной у него — санитары. В кабину заглядывает Гриша.

Гриша. Вы уже?

Жирик. Уже.

Гриша. Ну и славно. Передавайте там привет.

Жирик. Кому?

Гриша. Всем. Наполеону, Юлию Цезарю... Кто там у вас еще из лидеров?

Жирика уводят.

Гриша (*в камеру*). Добрый вечер. Я жив. Вы еще меня помните? У меня все по-прежнему. Я все понимаю, но ровным счетом ничего не могу изменить. Так сложилось. Если бы я стал президентом, я бы, конечно, устроил тут все, как у белых людей, а пока — ничем не могу помочь. Живите как есть. (*Достаёт яблоко, протягивает.*) Не желаете? Ну, как хотите...

Уходит. Появляется Старик с аквариумом. В аквариуме плавает золотая рыбка. Расплескивая воду, ставит аквариум на столик перед камерой, сыплет рыбке корм.

Старик. У! (*Показывает на рыбку, а затем — большой палец*). Ы-ы-ы! (*Рисует в воздухе нечто, означающее полное благосостояние,*

и снова указывает на рыбку.) М-м-м! (Целует в восторге пальцы, забирает аквариум и уходит.)

Входит К о р ж и к.

К о р ж и к (*вытирая воду тряпочкой*). Вот еще новости! Не надо нам этого... обойдемся без рыбкиных...

Появляется С т е п а н ы ч.

С т е п а н ы ч. Я хотел бы сказать вот что. Вот это все глупость. Просто некоторым хочется раскатать ситуацию. А в стране все хорошо. Реформы идут, рубль стабилизируется, инфляция падает. Заводы работают, совхозы пашут. Летчики летают. Моряки плавают. Машинисты ездят. Шахтеры голодают. Опера поет. Балет выгоняет Григоровича. Если кого забыл — извиняюсь. Все нормально в стране! А вот эти все разговорчики — это ерунда. Работать надо. Дело делать. Трудиться. Вот правительство работает; с ошибками, конечно, без всякой пользы, но работает же! И все у него в порядке. А скоро будет совсем хорошо. Потому что ситуация у нас под контролем. Повторяю: у нас. А относительно выборов, хотя меня никто об этом не спрашивает, скажу так: меня это не интересует. Я — на хозяйстве. Мое дело — экономика. Ну, разве что совсем не будет достойных России кандидатур (а кстати, я их пока не вижу!)... — ну тогда — конечно... Потому что не оставлять же народ без руководства! Мы же великая страна! Ну, тогда, конечно, я. Кто же

еще? Не отдавать же вот это все экстремистам — и лес, и нефть, и газ тем более... Вот так вот, запросто... Слава Богу, есть еще кому всем этим попользоваться из нормальных людей. Так что блок у меня будет!

Голоса снаружи. Разойдись! Живо разойдись!

Степаныч. Кажется, мне пора. Пойду поручокову экономикой.

Уходит. Входят двое в масках. Осматривают будку, заглядывают в камеру. Выходят. Входит Коржик.

Коржик (*проверяет микрофон*). Ку-ку. (*Щелкает по микрофону.*) Можно.

Входит Бориска.

Коржик (*указывая на камеру*). Вот сюда. Бориска. Ты — погуляй.

Коржик уходит.

Бориска. Россияне! В тяжелый час обращаюсь к вам. Все хотят на мое место. Просто, понимаешь, какой-то кошмар. Все критикуют. А что я могу? Ну, Указ принять, ну, другой — так все равно ж, понимаешь, никто не слушается. Это ж Россия, мать... Раньше было легче. Раньше, понимаешь, Союз... В Кремле кулаком стукнул — на Курилах землетрясение. А сейчас — стучи, не стучи... Только вот этот топтун и услышит. И то, если меня охраняет, а не на банкиров охотится. Тяжело мне, россияне. Знаю:

вам тоже нелегко. Сочувствую. Но поймите и меня. Экономика, понимаешь, дуба дает непрерывно, в парламенте склока, иностранцы, того гляди, прямо на строительство прилетят, а тут еще эти, как же их? Промашки... рюмашки? Самашки? В общем, такая Чечня... Плохо здесь быть президентом, вот что я вам скажу. Честное слово, россияне, — плохо! Ну, разве что в теннис поиграешь в свое удовольствие. А в остальном — хуже нет работы. Лучше бы снова на строительство бросили. Но некому. У нас же тут по Конституции кто главный? Я. А Конституцию кто принял? Вы. Выходит, никуда мне с моего поста ни на шаг. Так что прошу за мной не занимать! Спасибо за внимание.

„ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ“

*Любимому фильму всех
времен и народов
посвящается*

Бориска-Сухов бредет по пустыне.

Бориска. ...А еще спешу сообщить вам, любезная Катерина Матвеевна, что государственная служба моя идет своим чередом и, закончив дела по окончательному благоустройству национальных окраин, направляюсь я теперь в наши края заниматься хозяйством...

Слышен чей-то заунывный голос. Из песка торчит голова. Это Ерик-Саид. Бориска приседает рядом.

Бориска. Ты кто?

Ерик (*шепчет*). Чайник...

Бориска. Что-о?!

Ерик (*хрипит*). Чайник...

Бориска. Кто чайник?

Ерик. М-м-м...

Бориска. Не понял.

Ерик. Дай воды!

Бориска. Так бы, понимаешь, сразу и говорил!
А то: чайник, чайник...

Даст **Ерику** воды из чайника. Тот жадно пьет.

Бориска. Ну-ну. Ты пей, да знай меру! Звать-то как?

Ерик. Не помню.

Бориска. Ну, ты голова!..

Ерик. Так точно!

Бориска. Ну-у, хоть что-нибудь ты про себя помнишь, голова?

Ерик. Дайте подумать... Звание помню! Генерал я!

Бориска. С кем же ты так закопался, генерал?

Ерик. Да с этим... как же его... Джавдет, не Джавдет...

Бориска. Ага! А ты, значит, Саид!

Ерик (*продолжая вспоминать*). Или Джохар он был?.. Полный газават с памятью!

Бориска. Ничего. Со склерозом руководить, понимаешь, сподручнее... Ну, что, Саид, откопать тебя — или, понимаешь, пусть все идет своим чередом?

Ерик. Не надо чередом! Мне здесь плохо!

Бориска. А кому здесь хорошо? Не надо, понимаешь, драматизировать ситуацию. Ты по горло в песке, а я... Так откопать тебя?

Ерик. Откопать.

Бориска. Хорошо. Я издам соответствующее распоряжение.

Ерик (*с тревогой*). А сам откопать не можешь?

Бориска. Я сам ничего не могу! Я только издаю соответствующие распоряжения! И контролирую неукоснительное их исполнение!..

Ерик. Ой, это хорошо...

Бориска. ...Если кто-нибудь вообще, понимаешь, соберется их исполнять!

Ерик. Ой, это плохо!

Бориска. Кому как. Главное — разделение властей. Я — издаю Указы...

Ерик. А потом?

Бориска. А потом другие издаю. И иду себе...

Ерик. Куда?

Бориска. Куда глаза глядят!

Ерик. А куда они глядят-то?

Бориска. А вот это — государственная тайна!

Бориска продолжает идти по пустыне. Свист. Бориска оглядывается. Невдалеке стоит Паша-Петруха, а рядом с ним — несколько женщин в чадре.

Паша. Сухо-ов!

Бориска. Ну, Сухов — и что?

Паша. Сюрприз тебе.

Бориска. Где?

Паша. А вон... Видишь?

Бориска. Что это?

Паша. А это он и есть — сюрприз... Советская власть республики тебе южные оставила — велела сохранить их в составе России до подхода „наших“...

Бориска. А ты сам-то кто?

Паша. Петруха!

Бориска. Это я как раз вижу. А что ты можешь, Петруха?

Паша. Путчи подавлять могу. Только дай.

Бориска. Дам, дам, не бойся. Ну, и где эти ваши... республики?

Паша. Они таперича — ваши. Вон стоят. Маленькие, но гордые.

Бориска. А почему лиц не видать?

Паша. Это скажите спасибо. Мне тут одна показала лицо — до сих пор кошмары снятся...

Бориска. Ну, нас-то кошмарами не напугаешь. Мы сами кому хочешь приснимся... *(Встает.)* Так... *(Проходит вдоль строя с бумажкой в руках.)* Кабарда, Балкария, Осетия, Ингушетия, Карачаево, понимаешь, Черкессия, Дагестания... Тут по списку еще одна должна быть... Где эта, понимаешь, Ичкерия?

Паша. А ее мы уже того... защитили.

Ерик. Оставь их и уходи. Это не твои республики...

Бориска. Не могу. Вернется этот бандит...

Ерик. Кто? Абдулла?

Бориска. Какой Абдулла! Абдулла у нас давно в Совете Федерации! Местный вернется. Шляпа с усами!

Ерик. А как же! Вернется, как пить дать. *(Пьет из чайника.)*

Бориска. Так он же, понимаешь, всех их того... склонит к сожителству.

Паша. Правильно! Ему только дай, бандиту... А мы на что? Правда, Николаич? Кабарда-а, покажи личико!

Бориска. От-ставить! Дон Жуан, понимаешь, воздушно-десантный! Мало мне своих забот... За мной, барышни!

Таможня. За столом сидят Степаныч и Паша.

Степаныч (поет).

Ваше благородие, госпожа карьера,

Время растаможило сильного премьера:

Он уж не директор, он наверх ползет...

Повезет по жизни — так уж повезет!

Раньше меня в этих краях каждая собака зна-
ла... А теперь и люди.

Паша. И лучшие люди, заметьте!

Степаныч. Чего тебе от меня надо, Петруха?

Паша. А просто так зашел!

Степаныч. Врешь небось как всегда?

Паша. Ага!

Степаныч. За новым пулеметом пришел?

Паша. А кроме пулемета, ничего нет?

Степаныч. Это как попросишь...

Паша. Кормилец! Дай денег на войну!

Степаныч. На какую такую войну?

Паша. Ты дай денег, а войну мы устроим!
С бандитами довоевать, то, се... Дай, у тебя же есть!

Степаныч. У меня все есть.

Паша. Ну и дай!

Степаныч. А другим?

Паша. А другим-то зачем?

Степаныч. Как? А на борьбу с урожаем? А на
мирный атом, ети его мать? И ведь все ко мне, все
ко мне... Всем дай. И этот еще просит, на культуру...

Паша. Кто?

Степаныч. Ну этот... Ну кто у нас по куль-
туре?

Паша. Нашел кого спросить...

Степаныч. Сидоров!

Паша. А, рыжий такой!

Степаныч. С Толиком путаешь.

Паша. Толик „Херши“ пьет?

Степаныч. Не морочь мне голову! Это другой — Сидоров!

Паша. А Толик?

Степаныч. Что?

Паша. Толик — тот?

Степаныч. Толик у нас, слава Богу, вообще один. Тебе чего от меня надо?

Паша. Я ж говорю: денег на бандитов!

Степаныч. Да я на вас, на бандитов, уже весь бюджет пустил! Себе вот только тарелку черной икры оставил, пару павлинов на избирательную кампанию, а остальное — все на бандитов!.. А тут еще эти... социально незащищенные... Учителя разные, врачи... На хлеб просят. Практически каждый день есть хотят!

Паша. Так ведь не хлебом единым!

Степаныч. Я им так и говорю! Зачем вам хлеб? Вы же интеллигенция! Вам эта нужна... как ее? — нравственность!

Паша. Ну! И я о том же! Дашь денег на войну?

Степаныч. А что мне с этого будет?

Паша. А я кампанию тебе составлю. Предвыборную. Скажу своим красноармейцам — они за твой „Дом“ проголосуют.

Степаныч. За „Наш дом...“

Паша. Наш, твой... Какая разница! Если он будет твой, будет и наш!

Степаныч. Эт-точно!

Паша. Значит, таможня дает добро?

Степаныч. Дает, куда ж она денется? У одних берет, другим дает... *(Пододвигает икру.)* Закусывай.

П а ш а. Слушай, красной нет? А то: ты — красный директор, я — красный командир, а икра — черная. Не в масть.

Степаныч. Красную всю съели.

П а ш а. Жалко...

Степаныч. Не то слово! А главное — за державу обидно! За наш дом обидно, за Россию! Эх...

Пьют. В окно влетает камешек, попадает в чашку к Степанычу. Тот встает и подходит к окну. Там на песке лежит Бориска.

Степаныч. Тебе чего?

Бориска. Уходи с баркаса!

Степаныч. Не понял. *(Паше.)* Кто это?

П а ш а. Это Сухов. Он теперь так шутит.

Степаныч. На выборах посмотрим, какой такой Сухов. *(Зажигает от свечки динамитную шашку, крестится.)* Прости, Господи!

Взрыв. Когда дым рассеивается, рядом с Бориской сидит Ерик.

Бориска. А ты тут откуда?

Ерик. Стреляли...

На привале.

Бориска *(Ерику)*. Слушай, голова, а чего мы никак этого бандита не поймаем?

Ерик. Которого?

Бориска. А тут их у вас сколько?

Ерик. Это как считать.

Бориска. Ну, если, понимаешь, считать по совести?

Ерик. Если по совести, то у нас тут все бандиты! Но которые в форме, те считаются правоохранительными органами.

Бориска. А которые не в форме?

Ерик. А которые не в форме, тут не выживают. Больно тяжелый климат.

Бориска. Ну, а этот, главный—то?

Ерик. А главный — я!

Бориска. Нет, ну этот... ну, которого мы всей страной ловим, а он интервью дает?

Ерик. Это который с усами?

Бориска. Ну. Почему никак не поймаем?

Ерик. Страшно.

Бориска. Такой опасный?

Паша. Очень опасный! Если поймать. А так — нет.

Бориска. Чего—то я не пойму.

Ерик. Восток — дело тонкое...

Бориска. Но, понимаешь, не до такой же степени!

Паша. Ну посуди сам... Вот поймаем мы его — и что?

Бориска. Как, понимаешь, что? Судить!

Паша. А если он рассказывать начнет?

Бориска. Что ему рассказывать? Что он, Шахерезада, что ли?

Ерик. Практически Шахерезада. То есть: если не остановить — все как есть расскажет, сукин сын!

Бориска. Про что?

Паша. Про все подряд! Кто ему нефть отдал, кто оружие...

Бориска. М-да... А если осудить молча?

Ерик. Это как?

Бориска. А так! Усы в рот, шляпу на глаза и — по всей строгости переходного, понимаешь, периода!

Паша. Ну, вы, товарищ Сухов, умный! Просто — государственное солнце пустыни!

Ерик. Не получится молча...

Бориска. Почему?

Ерик. Потому что у нас ничего не получается!

Бориска. Это я и сам заметил. А почему не получается-то?

Паша. Государственная тайна!

Ерик. Восток — дело тонкое...

Бориска. Какой, понимаешь, Восток? Мы ж Россия!

Ерик. В том-то и дело...

Бориска. Так что же нам со всем этим делать?

Паша. Да пожечь тут все к такой-то матери — и уходить с победой!

Бориска. Пожечь?

Паша. Конечно! Нефть знаете как красиво горит?

Бориска. Знаю. Ты уже показывал. *(Пауза.)* Эх, жаль, Абдуллы нет!

Паша. Почему?!

Бориска. Да зарезать тебя, вояку, некому! Ну! *(Встает, идет вдоль строя женщин.)* Кабарда, Балкария, Осетия, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Дагестания... *(Останавливается возле места, где должна была стоять Чечня-Ичкерия, тяжело вздыхает.)* Эх... Пошли, что ли, в Россию... За мной, барышни!

Уходят по бархану.

Бориска. ...А еще хочу сообщить вам, любезная Катерина Матвеевна, что государственная служба моя подходит к концу и ежели не случится каких особенных приключений, то надеюсь вскоре увидеть вас... Как там наша средняя полоса? Прилетел ли из-за моря Иван Петрович с гарнитуром? Очень хочется отдохнуть наконец по-человечески...

„РОБИНЗОН КРУЗО“

В пещере сидит Бориска-Робинзон, на плече у него Попугай.

Бориска (*пишет, повторяя вслух*). „После крушения нашего краснознаменного корабля я единственный выплыл и теперь нахожусь на острове, как какой-нибудь Робинзон Крузо! Капитан потонул, боцман потонул, команда расплылась в разные стороны. Остров совершенно дикий, законов тут нет никаких, из предметов цивилизации — только я...“

Попугай. А я? А я?

Бориска. Ты не предмет цивилизации, ты, понимаешь, животное! (*Продолжает писать.*) „Остров большой, больше похож на материк. На юге тут жарко, на севере холодно, на востоке плавают маленькие спорные территории, с западного побережья в хорошую погоду виден большой друг Гельмут. Живу я тут уже четыре года. Еды завались, народу никого, как отсюда выбраться живым, непонятно. А впрочем, незачем отсюда и выбираться. Никто не беспокоит, самый главный на острове — я... По крайней мере, из реальных претендентов больше никто не выплыл.“

Попугай. Всех потопил! Всех! Кошмар!

Бориска. Ты, попка, дурак! Я никого не топил. Их накрыло демократической волной! Они пошли на дно совершенно цивилизованным образом.

Бориска откладывает перо и чернила, закрывает дневник.

Бориска. Пойдем, понимаешь, поглядим на линию горизонта. Вдруг какой-нибудь корабль...

Шум прибоя. **Бориска** и **Попугай** на берегу океана. **Бориска** смотрит в подзорную трубу.

Попугай. Корабли! Ур-ра, кор-раблы!

Бориска. Ну, корабль, ну и что?

Попугай. Плывет! На гор-ризонте!

Бориска. Ну и пусть себе плывет.

Попугай. Может, помахать?

Бориска. Зачем?

Попугай. Чтобы заметили!

Бориска. Очень нужно... Причалят, начнут, понимаешь, указывать, как мне тут на острове руководить, кого есть, кого не есть... Я уж отвык. Как-нибудь сам.

Попугай. Карамба! Зачем же ты все время ходил корабли смотреть?

Бориска. Да... Я тут из пальмы торпеду сделал. С ядерной головкой. Испытать хотел. Все-таки развлечение...

Попугай. Так чего ж не испытал?

Бориска. Да... Одна она у меня. Жалко. *(Внезапно наклонившись.)* Что это?

Попугай. Это следы.

Бориска. Чьи?

Попугай. Не мои!

Бориска. Человеческая нога!

Попугай. Даже две.

Бориска. Значит, точно — человек.

Попугай. Человек — это звучит гордо... (Подумав.) А выглядит — отвратительно!

Бориска. Ну, ты, понимаешь, лишнего-то не говори!

Попугай. У нас на острове — свобода слова! Да здравствует четвертая власть!

Бориска. Тогда говори, что хочешь...

Попугай. Ур-ра!

Бориска. ...Но кормить перестану совсем.

Попугай. Правду не утаишь!

Бориска. „Правду“, „Правду“... У меня, понимаешь, собственный орган имеется! Причем на полной дотации! Голову мне не морочь! Чьи следы?

Попугай. Не знаю.

Бориска. Небось враг?

Попугай. Или союзник!

Бориска. Это почти одно и то же. Но — как бы узнать?

Попугай. Надо пойти по следам!

Бориска. А ты, попка, не дурак...

Попугай. Я та еще птица! Стреляный воробей!

Бориска. Ну пошли. Ой, да тут еще следы... И еще! Это уже, понимаешь, какая-то фракция...

Попугай. Если фракция — надо линять.

Бориска. Что?

Попугай. Ноги надо делать, если фракция. Могут съесть.

Бориска. А вот мы и посмотрим...

Высовываются из-за куста над обрывом. Бориска — с подозрительной трубой. Разговаривают шепотом.

Бориска. Это кто там?

Попугай. Свои.

Бориска. Что значит „свои“?

Попугай. Местные.

Бориска. Так и говори... Что делают?

Попугай. Что они могут делать? Едят.

Бориска. Кого?

Попугай. Как всегда. Друг друга.

Бориска. Зачем?

Попугай. Местный обычай.

Бориска. А-а...

На берегу океана сидят Степаныч и Егорка — туземцы. Егорка связан по рукам и ногам, рядом с ним — костерок с булькающей в котелке водичкой.

Степаныч. Ну? Ты уяснил, чей дом Россия? *(Топа ножик.)* На-аш дом, на-аш!

Егорка. А где же наш?

Степаныч. Не знаю. Где-нибудь на другом острове.

Егорка. Я хочу на этом! Это нечестно! Это был мой остров!

Степаныч. А стал — мой! *(Цыкая зубом, доверительно.)* Обедать будем?

Егорка. Людоед!

Степаныч. Я не людоед. Я практик с хорошим аппетитом. И без фантазий. Которые с фантазиями, ча этом острове не выживают. Могу пояснить на примере. Хочешь?

Егорка. Не хочу!

Степаныч. Работать надо. Кто не работает — тот не ест. Ты понял, чей тут дом?

В кустах.

Бориска. Слушай, он его съест?

Попугай. Считаю уже съел.

Бориска. Может, взять его под защиту? Будет моим Пятницей.

Попугай. Так ты ж его на съедение и отдал!

Бориска. Ах да! Все время забываю.

На берегу океана.

Степаныч. О! Смотри! Приятель твой на огонек зашел.

У костра присаживается **Андрюша-Козырек.**

Егорка. Какой там приятель!

Андрюша. Ну что вы, я вам по-прежнему симпатизирую. (*Степанычу.*) Перекусим?

Степаныч. Сейчас перекусим.

Егорка. Ой. Он теперь тоже, что ли... практик?

Степаныч. Раньше только овощи ел. А с недавних пор действительно практикует. Потянуло к людям...

Андрюша. Цивилизованных люблю. (*Цыкает зубом.*)

Егорка. А как же права человека?

Андрюша. Вот-вот, я и говорю: имеет человек право поесть в охотку?

Степаныч. Погоди. Ишь, оголодал на чужбине! Что в мире-то слышно?

Андрюша. Да!.. Соседние острова протестуют. Говорят, зря мы то племя съели.

Степаныч. Которое?

Андрюша. Ну, в горах.

Степаныч (*поглаживая живот*). Наше внутреннее дело.

Андрюша. Я им так и сказал.

Степаныч. И пусть не портят аппетита.

В кустах.

Бориска. Ну вот, у этих, значит, дружеская беседа у костра. А тут что? (*Переводит подозрную трубу.*) Ага... Тоже пикничок.

На берегу. **Ерик** и **Паша** сидят у костра. **Паша** оживленно рассказывает.

Паша. ...Ну, я сплавал к ним на островок, а там, посреди пустыни, сидит такой вождь... ну, он, кроме песка своего, вообще ничего не видел! И он мне говорит: сынок, вот спасибо, что ты доплыл, я хочу купить у тебя дротики! У тебя, говорит, место в пироге есть? Вот тебе, говорит, вязанка акульих зубов, шмат верблюжьего сала и две корзины берцовых костей — всего, говорит, на четыре миллиарда...

Ерик. Врешь!

Паша. Когда я врал?

Ерик. Всегда!

Паша. Всегда врал, а сейчас не вру! Смысла нет врать! Пользуйся, говорит, сынок, грызи, натирайся, а

мне дай дровишек побольше и топоров, у меня душа горит! Вот тебе, говорит, список, я тебе верю, ты мне привези их, сынок! Я говорю: батя, итить твою мать, сам грызи свои кости, я ж оружием торговать права не имею, я на своем острове на этих дровишках как дурак сижу, а другой каннибал ими торгует, такой порядок! Он говорит: чего-то я не понял вашего порядка! Я говорю: я не Миклухо-Маклай — дикарю объяснять! И поплыл к себе в пещеру. Но обидно же, правда, обидно? Две корзины берцовых костей!

Ерик. Обидно.

Паша. Ну вот я меры-то и принял. Вон он уже в пироге лежит!

Из пирога высовывается тоскливое лицо связанного Коржика.

Ерик. А-а, торговец дровишками? Из охраны?

Паша. Он самый.

Ерик. А зачем ты ему руки отъел?

Паша. А чтобы он не мог дровишками торговать!

Ерик. А кто будет дровишками торговать?

Паша. Я!

Ерик. А почему ты, а не он?

Паша. Потому что я ему руки отъел, а не он мне!

Ерик. Логично.

В кустах.

Бориска (*шепотом Попугаю*). Слушай, может, этого отвязать?

Попугай. Да он и так уж отвязанный, дальше некуда!

Бориска. Ну, конечно, дикарь дикарем, но симпатичный! И лицо знакомое... Будет мне Пятницей...

Попугай. У тебя семь пятниц на неделе! Ты же другого отвязать хотел!

Бориска. Ну-у, переменчивый я! Зато последовательный.

Попугай. Не понял.

Бориска. Не ты один. Этого никто понять не может!

Попугай. А ты сам?

Бориска. Я — понимаю. С трудом, конечно, не всегда... но — понимаю!

Попугай. Катастр-рофа!

Бориска. Сам ты катастрофа. Это — реальная политика... Когда сам себя понимать перестаешь. *(Глядя в подзорную трубу.)* О, а у этих один ушел куда-то!

На берегу океана. Степаныч и Андрюша беседуют. Егорки нигде нет.

Степаныч *(поглаживая живот)*. Ну... Какие еще новости?

Андрюша. Тут на острове еще рыбкин водится.

Степаныч. Крупный?

Андрюша. Так себе.

Степаныч. Прямо на острове?

Андрюша. Ну, иногда отплывет там в Америку на подкормку, но в основном — здесь...

Степаныч. Дай срок, доберемся и до рыбкина. Лишь бы самих... О, смотри-ка, наши с охоты вернулись! Вы хоть сытые?

Входят Паша и Ерик.

Ерик. Сытые, сытые...

Степаныч. Ну и слава Богу. Хоть свои, а все спокойнее, когда сытые... Особенно ближе к ночи...

Андрюша. Слушайте, правда: что же это мы расселись? Темнеет уже, страшно!

Паша. Ага! Тут ведь эти по берегу ходят...

Степаныч. Какие?

Паша. Незаконные формирования.

Степаныч. Ты же говорил, что берег под контролем!

Паша. Под контролем!

Степаныч. А чего ж они ходят?

Паша. А они по-нашему не понимают! Им говоришь: берег под контролем! А они ходят и ходят... И еще этот туда-сюда бегаёт...

Степаныч. Который?

Паша. Ну, этот, кореш мой! Сумасшедший! Который звал мыть ноги в другом океане!

Степаныч. Чем ему наш-то плох?

Андрюша. А в нашем он-никак не отмоется.

Степаныч (Паше). Чего ж нам его бояться, если он твой кореш?

Паша. Так я ж говорю: сумасшедший!

Ерик. Да! И этот еще... краснокожий! С большо-ой толпой ходит! С во-от таким серпом... Если он этим серпом...

Степаныч. Это нам лишнее.

Паша. Кому как.

Степаныч. Ты опять не понял. Уходим.

Ерик. А как же наш дом?

Степаныч (веско). Эти съедят вместе с домом.

Слышно дикое улюлюканье.

А н д р ю ш а. Поздно.

В кустах. С берега слышны улюлюканье, крики, гвалт.

П о п у г а й. Что сейчас будет!..

Б о р и с к а. А я вроде, понимаешь, как Центризбирком... Я вмешиваться — то не стану, а посмотреть...
(С удовольствием прикикая к подзорной трубе.) Ну и островок...

В пещере. Б о р и с к а пишет дневник.

Б о р и с к а (скребет пером, диктуя сам себе). „Сегодня сделано важное открытие: на острове, оказывается, есть жизнь! Здешние вожди готовы дойти буквально до каждого человека...“ (Задумывается.) Слушай, сколько их тут на острове, людоедов этих?

П о п у г а й. Да все тут людоеды.

Б о р и с к а. Как это все? А я?

П о п у г а й. Ты — нет.

Б о р и с к а (давая Попугаю зерен). Точно?

П о п у г а й. Даже не сомневайся.

Б о р и с к а. То есть, конечно, случилось...

П о п у г а й. Никто не видел.

Б о р и с к а. ...За компанию, чтобы не обидеть...

П о п у г а й. Ни-ни!

Б о р и с к а. Опять же — традиции...

П о п у г а й. Самый человечный человек!

Б о р и с к а. Ну то-то...

НА КАРТОШКЕ

В вертолете у иллюминатора сидит **Бориска**. На пилотском месте — **Коржик**.

Бориска (*глядя вниз*). Красота! Все как на ладони... (*Пауза.*) А что если не спускаться?

Коржик. Как не спускаться?

Бориска. А так! Порхать, понимаешь, на этом драндулете взад-вперед... и сверху на них на всех...

Коржик. А керосин?

Бориска. Хорошая мысль. Можно и керосином...

Коржик. Да нет! Керосин, говорю, кончается.

Бориска. Жаль.

Коржик. Так что (*вздыхает*) придется сесть...

Бориска. Не хотелось бы. Конечно, родная земля и все такое, но... сверху оно, знаешь, как-то приятнее.

Коржик. Что „оно“?

Бориска (*кивок вниз*). Да вот оно все.

Коржик. Еще бы. Сверху-то.

Бориска. А то внизу сразу набегут, понимаешь, с вопросами... Журналисты! Зачем да когда...

Коржик. А вы не отвечайте.

Бориска. Неудобно.

Коржик. Очень даже удобно: ездайте себе мимо — и все дела.

Бориска. Они так просто не отстанут...

Коржик. Отстанут. Журналисты — они так быстро не бегают, как мы ездим.

Бориска. Ага! А потом гадость напишут...

Коржик. А у нас на этот случай собственный орган имеется... На вот такой дотации!

Бориска. А выборы?

Коржик. А что выборы? У нас ведь, кроме вас, никого нет!

Бориска. А у них?

Коржик. Раз у нас нет, то и у них не будет!

Бориска. И эти еще... думцы, понимаешь!

Коржик. А что думцы?

Бориска. Да заладили свое: „225“ и „225“... Я им говорю: таких цифр в русском языке нет! Надо так: сто пятьдесят — и потом еще два раза по сто пятьдесят!

Коржик. А они?

Бориска. А они не понимают. Просто, понимаешь, как иностранцы какие-то!

Коржик. Вы только не волнуйтесь. Вам сегодня еще сельское хозяйство подымать.

Бориска. А оно что, лежит?

Коржик. Лежит в лежку.

Бориска. Где?

Коржик. А вон. Во-он, внизу, видите? Оно!

Бориска. Ага... Ну сейчас мы его...

На поле, задрав головы, толпится **Н а р о д**.

Н а р о д Ой, что это такое большое летит?

— И правда: большое — и летит!

— Садится!

— Это к нам, что ль?

— Не то слово. Прямо на голову!

— Ага, бабы, это НЛО.

— Сам ты НЛО, закусывать надо!

— Че-ем?!

— А гуманоид — там?

— Сейчас увидишь.

Бориска (*на трапе*). Здорово, россияне!

Н а р о д Кто хотел гуманоида? Получай.

— Ой, что это?

Бориска. Это я.

Г о л о с. Ой, не может быть. Нешто сам?

Бориска. Самолично!

Г о л о с. А кто же в Кремле?

Бориска. Не волнуйтесь, все схвачено.

Г о л о с. Кем?

Бориска. А это не ваше, понимаешь, дело!

Н а р о д Конечно, не наше.

— Нам это без разницы!

— Нам — лишь бы еды вовремя привозили, благодетели!

Бориска. Погодите-ка... Что значит „еды“?
(*Коржику.*) Ты меня где опустил?

К о р ж и к. Где велели.

Бориска. Это я сюда велел?..

К о р ж и к. Конечно!

Бориска. Ты все-таки, понимаешь, переспрашивай. Я в совхоз хотел.

К о р ж и к. Так это совхоз и есть.

Бориска. А что же они про еду говорят?

Коржик. Сделать, чтоб замолчали?

Бориска. Нет, я спрашиваю: кто им сюда пищу привозит?

Коржик. Сегодня — мы.

Бориска. А вообще? Вообще они что едят?

Коржик. А вообще они не едят. Вообще они пьют.

Бориска. Ага. Понятно. Ну! Телевидение хоть здесь? А то мне без телевидения сельское хозяйство поднимать скучно.

Народ. Здесь, здесь телевидение...

— С утра!

— Мы все думали: чего их принесло?

— Не иначе — комаров фотографировать.

— И эти еще, с автоматами... Лес оцепили.

Бориска. Это со мной.

Голос. Во-от... А ты говорила: немцы, немцы...
Дура!

Бориска. Немцы уже улетели. Это я авторитетно заявляю. Ни Гельмута, ни Коля! С десятого мая, слава Богу, снова одни!

Народ. Ура-а-а!

Бориска. Значит, давайте сюда телевидение, сейчас будем сеять.

Голос. Где?

Бориска. Вот здесь. Вертолет только сгоним — и все тут засеем до самого, понимаешь, горизонта!

Народ. Зачем?

Бориска. Надо.

Народ. Так мы тут уже сеяли вроде...

Бориска. Когда?

Н а р о д. Вчера только сеяли...

Б о р и с к а. Досадно. *(Коржику шепотом.)*
Куда ты меня привез?

К о р ж и к *(шепотом)*. Не волнуйтесь. Все, что они закопали, мы выкопали.

Б о р и с к а. А-а. То есть можно снова сеять?

К о р ж и к. Сёйте. Спасибо вам скажет сердечное русский народ.

Б о р и с к а. Куда он денется. Россияне! Вчера вы работали зазря!

Н а р о д. Ну и черт с нами!

Б о р и с к а. А сегодня потрудитесь на славу!..

Н а р о д. Ура-а-а!

Б о р и с к а. На мою.

Г о л о с. А это нам без разницы!

Б о р и с к а *(Коржику)*. Что будем сеять?

К о р ж и к. Момент, сейчас поглядим... *(Смотрит в бумаги.)* Тефтели!

Б о р и с к а. Что-о-о?

К о р ж и к. А, это меню... *(Смотрит в другую бумагу.)* Картошку будем сеять, вот что!

Б о р и с к а. Ну, это другое дело!

Г о л о с. Конечно, другое. Если б у нас тут тефтели росли...

Б о р и с к а. Размечтались. Тефтели им, понимаешь... Может, вас еще и охранять?

Н а р о д. От кого нас охранять?

— Ну не скажи. Вот Семеныч выпил чего-то и с коровника упал... Охранять надо.

Б о р и с к а. В общем, есть такое мнение, что сеять тефтели мы пока переждем. Не сезон. Картошку будем сеять.

К о р ж и к *(подсказывает)*. Сажать.

Бориска. Ну, и сажать тоже. Нашу русскую, понимаешь, картошку! Любите нашу-то?

Народ. Нашу-то? Как не любить!

— Под огурчик! Холодненькую!

— Семеныч вчера хряп три стакана — и на коровник...

Бориска. Вы о чем?

Народ. О ней, о нашей...

— О чем же еще?

Бориска. Повторяю в последний президентский раз для невменяемых тружеников села: будем сеять картошку!

Коржик (*поправляет*). Сажать будем.

Голос. Так бы сразу и сказал.

Бориска. Камеры работают?

Коржик. С чем, с чем, а с камерами полный порядок.

Бориска (*с отмашкой руки*). Давай! (*Откашливается.*) Россияне! Я прилетел к вам, чтобы собственноручно посадить тут у вас и, можно сказать, закопать в землю культуру! — эту, сельскохозяйственную... как ее... — картошку! Причем не какую-нибудь, понимаешь, импортную, тьфу! — а нашу, отечественную!

Народ. Вот это правильно!

— А то все без руководства росла, как попало... Непорядок.

Бориска. Импортная картошка плохо варится, и жевать ее физически тяжело. Пять челюстей в год уходит. А нашей, рассыпчатой, наварись с маслицем и селедочкой — и практически ничего больше от жизни не надо! Ну, может, самую чуточку. Потому шта-а... наши российские овощи самые лучшие! У нас, если вдруг морковь вырастет, — так это же

морковь! То же самое капуста. Нашим отечественным кочаном убить можно, а у них? Вы брюссельскую видели когда-нибудь?

Н а р о д. Нет.

Б о р и с к а. Ну и слава Богу! Потому шта-а... это позор, а не капуста! И пшеница наша выше ихней на целую заверюху. И свиньи наши отечественные гораздо крупнее европейских! И вообще! „Форды“, понимаешь, БМВ — а чем „Москвич“ хуже?! Он не хуже ничуть, я проверял — он просто гораздо меньше, плохо выглядит и медленно ездит! И японцам отныне никаких поблажек! С ними надо держать ухо востро! А то они сначала норовят подсунуть гуманитарную помощь, а потом опять свои четыре острова назад потребуют...

Г о л о с. А всего у них сколько?

Б о р и с к а. Я не считал.

Г о л о с. Может, махнем не глядя?

Б о р и с к а. Предлагал! Не хотят! Да, и вот еще что: отдельно хочу сказать насчет обвинений в популизме. Мол, президент все время занимается этим самым популизмом... Взаимовыгодное, понимаешь, сотрудничество — это было, но чтобы популизм!.. Мы великая держава. А то, понимаешь, забыли, с кем дело имеют — а мы уже один пограничный столб спилили, к чертовой матери!

Г о л о с. А остальные?

Б о р и с к а. Остальные... Дайте время! Я не дровосек, понимаешь, — у меня от одних Указов рука отнимается! А тут еще вы с вашими тефтелями... Ну что, готовы сеять-то?

К о р ж и к (*подсказывает*). Сажать.

Б о р и с к а. Ну, сажать... В общем, пошли!

Г о л о с. Кому идти?

Бориска. Всем. Все идите...

Голос. Куда?

Бориска. Ну, это... Не знаю... Мальчики налево, девочки направо! Идите вы, куда хотите, не приставайте, дайте человеку поруководить в свое удовольствие... Это еще что такое?

Невдалеке, у комбайна, стоит Зюга — в костюме-тройке, но с серпом.

Зюга. Здравствуйте, люди труда!

Голос. Это вы кому?

Зюга. Вам.

Голос. А-а. И что?

Зюга. Идите сюда.

Голос (*опасливо*). Зачем?

Зюга. Будем сажать хрен!

Голос. Чего вдруг?

Зюга. Выборы скоро.

Голос. А картошка?

Зюга. Хрен с ней, с картошкой! Что вы в ней нашли? Империалистический продукт! Пусть ее колорадский жук жрет!

Егорка. Господа!

Все оборачиваются. У края поля стоит Егорка со снопом на плече. За его плечом уже торопится к месту действия Гриша.

Егорка. Господа! Айда молотить с нашей фракцией!

Гриша. А вот кому „Яблочка“?

На тракторе проезжает Степаныч.

Степаныч (*из трактора*). Пахать надо, пахать!

Истошный крик. Россияне!

Прямо из толпы выныривает Жирик — во фраке, в шапочке и с косой.

Голос. Ну вот и смерть наша пришла.

Жирик. Никого не слушайте, идемте косить!

Голос. Чего?

Жирик. Косить!

Голос (*озадаченно*). Дожили. Китайцы провались.

Бориска. Да-а... Развелось, понимаешь, аграриев! Не продохнуть.

Коржик. Сильно не беспокойтесь. Я тут читал: Россия еще не вырастила нового лидера...

Бориска. Ну, это я сам и писал. Хотя — на здешней, понимаешь, почве чего только не растет... Такие, понимаешь, злаки из земли лезут... Ну? Где наш вентилятор?

Коржик. Всегда готов.

Бориска (*с трапа*). Россияне! Я полетел.

ШАМИЛЬ БАСАЕВ, ГОВОРИ ГРОМЧЕ!

В операционной. Хирурги — Паша и Ерик — суетятся вокруг стола.

Ерик. Скальпель! Еще скальпель! Еще два скальпеля! Еще!

Паша. Куда тебе столько скальпелей-то?

Ерик. Тебе что, жалко?

Паша. Почему жалко? Просто интересно.

Ерик. Мне чем больше, тем лучше.

Паша. Зачем?

Ерик. А про запас!

Паша. Ты что, уже в запас собрался?

Ерик. Размечтался. Я тебе не Лебедь.

Паша. Да, ты другая птица... Еще чего-нибудь передать?

Ерик. Передай.

Паша. Чего?

Ерик. А до чего руки доходят, то и передай!

Паша. Зачем?

Ерик. Такая работа. Жадность, коллега, — это у нас профессиональное. Кабы не наша жадность,

бандиты бы до самой Москвы добрались! Но мы на чеку!

П а ш а. Рук-то хоть хватает — брать?

Е р и к. Хватает, хватает... Только давай.

П а ш а. Ты просто Шива какой-то.

Е р и к. Сам ты вшивый! Давай assistiруй молча!
(*Оперируют.*)

Наверку. Над операционной — смотровой зал. Иностранцы в сопровождении гида Бориски наблюдают за идущей внизу операцией. Одновременно идет пресс-конференция...

Б о р и с к а. Господа! Вы наблюдаете операцию по вырезанию из большого отечного, понимаешь, то есть отечественного, тела маленькой злокачественной чечни. Проводит операцию профессорский коллектив нашей клиники. Историю болезни пересказывать не буду, там у нас такая латынь, что вас вырвет... Лечили три года, как могли.

Г о л о с. Неужели безрезультатно?

Б о р и с к а. Почему безрезультатно? Обижаете... Стало гораздо хуже! Совершенно запущенный случай! Больной были показаны инъекции оружием во Временный Совет... Причем — показаны по телевизору! Так загноилось, понимаешь, еще больше! Потом планировалось небольшое оперативное вмешательство — буквально силами одного парашютно-десантного полка... Думали, понимаешь, за два часа все вырежем — и по домам.

Г о л о с. Что же явилось причиной осложнений?

Б о р и с к а. Чечня в натуре оказалась значительно больше, чем на больнично-штабной карте. На карте-то мы ее всю вырезали по контуру за минуту, на

спор, кто быстрее, а тут... В общем, сначала чечня была только на левой ноге, но в настоящее время уже успешно оперируются почки, грудная клетка и мозжечок.

Возгласы восхищения.

Операция продолжается. По операционной бегают, хлопча, санитарка — А н д р ю ш а — К о з ы р е к.

П а ш а. Тампон! Еще тампон!

А н д р ю ш а. Ох, крови-то, крови!

Е р и к. Твое дело отмывать. А без крови настоящего порядка не бывает!

П а ш а. И чем больше, тем лучше!

А н д р ю ш а. Немного мутит с непривычки...

Е р и к. Обвыкнешь!

П а ш а. Когда по локоть в крови, милая моя, там самое лечение и начинается!

Е р и к. Мы ж не терапевты какие, упаси Господи!

А н д р ю ш а. Аккуратнее бы. *(Показывает наверх.)* Смотрят... Неловко!

Е р и к. Пущай смотрят! Не ухо-горло-нос! Нам бы чего отпилить... *(Смеется.)*

П а ш а. Эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! Уж вылечим, так вылечим!

А н д р ю ш а. Беда мне с вами, огольцы... Ох, беда! Что людям скажу?

П а ш а. Скажешь, чтоб готовились. Помню, оперировал я Афган...

Е р и к. Ну, пошло-поехало! Мумуарист!

П а ш а. А что? За шесть лет почти миллион афганцев заживо вылечили! А наших сколько ко мне на штабной стол полегло...

А н д р ю ш а. На Родине—то, поди, легче оперировать, милоч?

П а ш а. Да если б под руку не вякали гниды всякие, я б ее, матушку, уже бы всю как есть вылечил! Забыла бы, как звать!

А н д р ю ш а. Тяжелая работа... Грязноватая. Дай—кось, я приберу тут у вас.. Нехорошо все—таки, смотрят...

П а ш а. Молчи, дура! Зажим! Еще зажим!

А н д р ю ш а. Чего зажимать—то будем?

П а ш а. Как обычно: прессу, телевидение... Кислород?

Е р и к. Перекрыли.

П а ш а. Давление?

Е р и к. Да уж давим, как можем!

П а ш а. И что?

Е р и к. Никак не выдавим!

П а ш а. Может, совсем отрезать?

Е р и к. Что?

П а ш а. Да что попало!

Е р и к. Что попало мы уже отрезали.

П а ш а. И как?

Е р и к. Как попало.

П а ш а. И что?

Е р и к. Ты уже спрашивал.

Наверху.

Б о р и с к а (*отвечает на вопросы журналистов*). Главврач, то есть я, был выбран пять лет назад демократическим собранием тяжелобольных. С тех пор лично руковожу операциями. Причем работы у нас тут столько, что персоналу некогда даже получить медицинское образование...

Г о л о с. Как же вы оперируете без образования?

Б о р и с к а. Нетвердое владение предметами и руками успешно, понимаешь, компенсируется волей и приверженностью реформам! А интуиция у меня — (*жест на Коржика*) хоть вот у него спросите — просто поразительная! Отрежу — посмотрю со всех сторон, с санитаром каким-нибудь посоветуюсь — и хоть со второго раза, но, понимаешь, обязательно отрежу что-нибудь жизненно важное для всей страны! И вообще, в нашей клинике образование — не главное...

Г о л о с. А что главное?

Б о р и с к а. Главное — убедить всех, что ты главный врач. Если убедил — режь, что хочешь, ничего не бойся!

Г о л о с. Как у вас обстоят дела с гигиеной?

Б о р и с к а. С гигиеной дела обстоят хорошо! Руки умываю регулярно!

Г о л о с. Вы не устаете?

Б о р и с к а. Я выносливый. Когда устаю, уезжаю в Сочи...

Г о л о с. А кто же тогда оперирует?

Б о р и с к а. Завхоз. А устанет завхоз — фельдшерá резать начинают, сантехники, шоферы... У нас незаменимых нет. Правда, и живых все меньше.

В операционной.

Е р и к. Слушай, тетка, а где главный наш?

А н д р ю ш а. Улетел, милоч.

Е р и к. Куда?

А н д р ю ш а. Далеко, милоч. Я уж и сказать стесняюсь.

П а ш а. Давай, все свои!

А н д р ю ш а (*шепотом*). На восемь букв.

Е р и к. На сколько?

А н д р ю ш а. На восемь. Ну, это такое слово...

Е р и к (*посчитав*). Чо-то много...

П а ш а. Говори, не тяни душу! Что за слово такое?

А н д р ю ш а (*шепотом*). Галифакс! В Галифаксе он. (*Смущается.*) По-ихнему если писать, то получается, правда, семь, но если по-нашему, то все ж таки — восемь!

П а ш а. Кто ж его так далеко послал-то?

Е р и к. И зачем?

А н д р ю ш а. Так он каждый год летает. На это... на промывание. Иначе денег не дают... На оборудование, на скальпеля вот эти... Вентиль закручивают, неруси!

П а ш а. Ну, вентиль мы сами кому хочешь... Снимки есть?

Е р и к. Полно!

П а ш а. Давай.

Е р и к. На.

П а ш а. Что это?

Е р и к. Снимки, как просил. Вот он — в обнимку с лауреатами Госпремин, вот — с Большой семеркой...

П а ш а. Что-то не вижу...

А н д р ю ш а. Ну, я ж говорю, никак среди них не поместится. Большая очень семерка.

П а ш а. Я рентген просил показать!

А н д р ю ш а. Чей? Его?

П а ш а. Его и так насквозь видно! Ее! Ее, матушки нашей! Которую мы оперируем!

Е р и к. Какой рентген? Нерусское слово, не понимаю я...

П а ш а. Ну, просветить-то ее надо!..

Ерик. Не надо ее просвещать, что ты! Лучше, когда темная. Оперировать сподручнее!

Пресс-конференция продолжается.

Голос. Что они делают! Ей же больно!

Бориска. Вы уж простите...

Голос. Как простить? Это же варварство!

Бориска. Да вы, понимаешь, долги простите!
А по части лечения мы уж как-нибудь сами...

Голос. А права человека! Как же права человека?..

Бориска. Очень просто. У нас и прав нет, и людей практически скоро уже не будет. Так что — не валяйте дурака, а простите, пока не поздно, долги...

В операционной.

Паша. Слушай, я уж забыл: диагноз в последний раз какой поставили?

Ерик. Мне?

Паша. Твой диагноз на тебе написан. Ей!

Ерик. Наше дело кровь пускать. А диагноз пускской другие ставят.

Андрюша. Мы — ее диагноз...

Ерик. Правильно! От чего лечим, от того пусксай и умирает! А то непорядок получается...

Паша. Слушай, коллега, чо-то, я гляжу, она у нас совсем плохо выглядит... Может, отправить ее, Расею-матушку, от греха подальше, на Запад, а? Первым самолетом, как Солженицына! А?

Андрюша. Солженицын здесь давно!

Паша. Здоровый вернулся?

А н д р ю ш а. Не то слово!

П а ш а. Вот видишь!

Е р и к. С ума ты сошел! На Запад отправлять — это ж сколько валюты нужно! А у нее, у матушки, в кармане шаром покати...

П а ш а. Так еще, помню, оставалось на доньшке...

Е р и к. А ремонтник во врачебной комнате кто делал? Паркетик швейцарский, мрамор каррарский... А турки-строители? А на операцию по восстановлению конституционного здоровья сколько уже ушло! А ты говоришь — валюта...

П а ш а. Нету, значит?

Е р и к. Не то чтоб совсем... Но на нее — нету.

А н д р ю ш а. Так, может, тогда на Восток ее, болезную? К китайцам?

Е р и к. За что?!

А н д р ю ш а. Ну так... Иглоукалывание там. Народная медицина...

П а ш а. Это еще смотря какой народ. А то так уколешься...

Е р и к. А что? И к китайцам! Тяньаньмэнь ее, матушку нашу Расею, — и все дела!

П а ш а. Не выйдет.

Е р и к. Почему?

П а ш а. У нас свой путь.

Е р и к. Куда?

П а ш а. Все туда же. Но свой.

Е р и к. На восемь букв?

П а ш а (*посчитав*). Меньше. Но, главное, путь совершенно неповторимый!

Е р и к. А то бы, братцы, правда — Тяньаньмэнь ее, и никаких проблем! Эх, только где взять столько китайцев, чтобы потом еще и работали?

П а ш а. Но что-то же надо срочно предпринять, хоть понарошку...

Е р и к. Да, а то нас сейчас из больницы-то, из кабинетов повыведут!

П а ш а. А-а, не хочется из кабинета?

А н д р ю ш а. Это даже мне не хочется, милочк! Уж на что я интеллигентная женщина, а и то привыкла...

Е р и к. Сейчас о людях надо думать, о людях! Пару дней хотя бы.

П а ш а. Что, среда заела?

Е р и к. Какая среда?

П а ш а. Последняя. Когда тебе в Охотном ряду, на консилиуме прямо, клизму ставили!

Е р и к. А то тебе не ставили!

П а ш а. Ну, меня этими детскими средствами не возьмешь... Теоретики!

Е р и к. Теоретики-теоретики, а клизма у них, я тебе скажу, — до сих пор голова болит!

А н д р ю ш а. Страшно-то было, ребята! Они ж сами оперировать хотят! А меня даже прибинтовать не возьмут, вот ужас!

Е р и к (*выглядывая за окно*). Вон, стоят, ждут... Кто справа, кто слева... Ждите-ждите... Дождетесь.

П а ш а. Смотри. У того антибиотиков чемодан, у этого вообще трансплантация мозгов...

Е р и к. Может, Жирика к инструментам пустить? Хотя — это уже полная клиника будет!

П а ш а. Не скажи. Жирик сам по себе ничего, ему только воды в руки давать нельзя!

А н д р ю ш а. Почему?

П а ш а. Водобоязнь у него! Сифилиса вроде нет,

а водобоязнь есть. Сразу, чуть что, собеседнику в лицо плещет! А потом стаканом...

Ерик. Вот мужчина хоть куда!

Андрюша. Я даже знаю куда.

Паша. Может, хоть он с ней, с матушкой, справится?

Ерик. Он-то да! Он справится!

Андрюша (*вздыхает*). Ей только не жить, а план хороший!

Паша. Ты чего это вдруг опечалилась.

Андрюша. Задумалась я!

Паша. Ты этого не делай больше никогда!

Андрюша. Виноватая. Больше не повторится.

Паша. А ты чего размахался?

Ерик. Режу.

Паша. Зачем?

Ерик. А что мы еще можем?

Андрюша. Как же все-таки с ней быть?

Ерик. С кем?

Паша. А вот с матушкой-Расеей нашей? Которая тут раскинулась, лежит...

Андрюша. „Касаясь трех великих океанов...“

Ерик. Пусть лежит.

Паша. Раз лежит, не встает, значит, ей нравится!

Ерик. „Нра-авится...“ Она ж под наркозом!

Паша. То-то я гляжу...

Андрюша. Так она у нас почти всегда под наркозом!

Ерик. Под газом то есть...

Паша. Ну и слава Богу! Не приведи Господи очнется — знаешь, куда нам этот шланг засунут?

Ерик. Знаю.

Паша. Ну и режь, пока дают!

Наверху.

Бориска. Операция, как видите, проходит успешно. Причем больная, когда приходит в себя, полностью одобряет действия врачей! Потому шта-а мы ведь не какие-то, понимаешь, бандиты с черными повязками — мы врачи в законе! Люди, можно сказать, в белых халатах! Хотя есть в нашем врачебном коллективе отдельные, понимаешь, деятели, которые много на себя берут! Говорят: не надо резать...

Голос. Но...

Бориска. Не берите в голову. Наше дело.

Голос. Но ведь кровь, много крови...

Бориска. Вот я и говорю: наше, понимаешь, кровное дело!

В больничном коридоре из старого телефона-автомата звонит **Степаныч**. Он в белом халате и шапочке.

Степаныч (*напряженным шепотом, в телефонную трубку*). Алло! Шамиль Басаев, говори громче! Шамиль Басаев, говори громче!

„ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ“

(по мотивам Гр. Остера)

Наши симпатичные герои дают их, занимаясь на досуге разными домашними делами.

Ж и р и к
(*гладит на даче белье*)

Если ты попал в Госдуму
По мандату от народа,
Ты сиди там, сколько хочешь,
И не бойся ничего:
Можешь окна бить в столовой,
Ехать запросто на красный,
Жечь дома, плевать в соседа
И печатать деньги сам.

А когда придут в фуражках
Злые милиционеры —
Покажи им смело фигу,
А другой рукой — мандат.
Пусть они откозыряют
И идут себе обратно —
Ты им кинь в окно гранатой,
Чтоб шагалось веселей!

Писай в урны, мучай кошек,
Грабь по пятницам сберкассы.
По субботам тещу смело
Шпарь горячим утюгом —
А коллеги-депутаты
Не дадут тебя в обиду:
Ведь у каждого есть теща,
И сберкасса, и утюг...

П а ш а

(чистит ножи на кухне)

Если ты имеешь доступ
К разным всяким драндулеткам,
А лежит все это плохо,
Хуже некуда лежит,
Ты не жди, когда утянут
Это прапорщики-воры,
И прими немедля меры —
Пусть хранится у тебя.

Этот правильный поступок
Вся общественность одобрит,
И тебя за это дело
Непременно наградят.
Ты начисть поярче орден
И орлом пари над миром...
Это ж только пуля — дура,
Генерал — не идиот!

З ю г а

(в баньке, с кружкой пива и воблой)

Если раньше было лучше
Исключительно тебе,
Убедить людей пытайся
В том, что лучше было — им.

Это сделать очень просто
С тем, кто выжил из ума.
А кому отшибло память,
Тот возглавит орготдел!

Собери толпу побольше,
Сунь ей в руки транспарант,
Дай портрет с усатым дядей —
И кричи про коммунизм!
Если кто-то несогласен,
Вынь из кейса мегафон
И тому, кто несогласен,
Дай сильней по голове.

А потом кричи, что хочешь
(Что — не важно никому),
Главное — маши руками
И скандируй по складам.
А чтоб людям полюбиться,
Надо правду им сказать:
В том, что нет в сельпо сметаны,
Виноват нудаизм!

Степаныч
(*подстригает кусты*)

Если ты пришел ко власти,
А назад идти не хочешь
(Потому что возле власти
Много всякого лежит) —
Позвони по регионам,
Пусть найдут побольше денег
И движенье хоть какое
Поскорее создадут!

Ты возглавь движение это,
Назови его покраше —
И дави по вертикали,
В хвост и в гриву погоняй!
Пусть поддержат через прессу,
Попотеют в исполкомах —
Ты ж московское начальство,
А не просто хрен с горы!

И на выборах, конечно,
Победишь ты дилетантов,
У которых ни бюджета,
Ни вертушки, ни газет...
Был министр — стал сенатор,
И живи себе, как раньше:
У законной нашей власти
Много всяческих ветвей!

Егорка

(вяжет, сидя на лужайке перед домом)

Если ты уже однажды
Был начальником в России
И тебя на этом месте
Заместитель подсел —
Ты ступай сажать капусту,
Выжигай по деревяшке...
Уж не быть тебе начальством,
Можешь даже не мечтать!

Удались от дел державных,
Окружи свой дом забором
И народу в назиданье
На заборе напиши:
Мол, забудьте все плохое,

Вас ограбили случайно,
Это был несчастный случай,
Тут никто не виноват!

Г р и ш а

(играет сам с собой на бильярде)

Если ты такой красивый,
А вокруг одни уроды,
Консерваторы сплошные,
Прохиндеи и вруны —
Не пускай к себе их близко,
Отбивайся что есть мочи,
Отгоняй метлой поганой,
Не блокируйся ни с кем!

И когда они склубятся
Меж собою, как собаки,
И когда они, как змеи,
Друг на друга зашипят,
Пусть народ российский видит —
Ты стоишь от всех отдельно!
Толку, правда, никакого,
Но зато хорош собой!

Ю р ь М и х а л ы ч

(кладет кирпичи)

Если ты дороги сделал,
Укрепил свое хозяйство,
И не выглядишь дебилом,
И физически здоров —
Тут-то всем и станет ясно —
Метишь, значит, в президенты.
А зачем народу это,
Когда есть уже один?

Лучше плюнь на все на это,
Зря не рой себе могилу
И не жди, когда положат
В Моссовете вниз лицом, —
Чтоб сложились отношенья,
Развали скорей хозяйство,
Выйди с кепкою на паперть —
Вот увидишь, наградят!

Е р и к

(с двустволкой в лесу прячется за елкой)

Если сильная преступность
Возле дома появилась,
Если честно жить не хотят
Кое-где у нас порой,
Ты найди другую банду
И сведи их ненароком —
Пусть они друг друга мочат,
Ты им, братец, не мешай!

Зря не лезь в чужое дело,
Не рискуй авторитетом —
Вдруг пристрелишь ненароком
Сослуживца своего!
Он у нас в Доске почета,
Хоть и в розыске два года...
Если станет депутатом,
Нас в помощники возьмет!

К о р ж и к

*(сидит на террасе перед раскрытым школьным
дневником)*

Учиться надо на пятерки,
Ну в крайнем случае — четыре,
А если троечником станешь

Или ваще получишь кол —
Не обижайся на училку,
А дай ей по балде портфелем
И уходи служить в охрану,
Там кадры позарез нужны!

Там служат brave ребята,
И генерал у них чудесный,
Тебя там только не хватает
С твоей накачанной башкой!
Что охраняешь, то имеешь —
А охраняешь президента...
Поэтому порви учебник
И получай скорее кол!

А н д р ю ш а-К о з ы р е к
(сидит в кресле-качалке с „Плейбоем“ в руках)

Если ты одновременно
На Восток глядишь и Запад,
У тебя от косоглазья
Может сделаться бо-бо.
Ты тогда на свежий воздух
Выходи гулять под вечер:
На одной ноге — версачи,
А онучи на другой.

Если встретится прохожий,
Не оставь его вниманьем:
Молви слово по-английски —
И ударь его, козла!
Пусть ползет за валидолом,
Ничего не понимая...
Сам же он и виноватый —
Пусть не ходит там, где ты!

Бориска
(стоя перед зеркалом, беседует со своим
отражением)

Если стал ты президентом
Удивительной страны,
Никогда не удивляйся,
Понимаешь, ничему!
Дважды два тут тридцать восемь,
Компас кажет на восток;
Здесь царевны — из лягушек,
А супы из топора!

Турки — в ГУМе, урки — в Думе,
Коммунисты во Христе...
Оттого тут, понимаешь,
И реформа не идет!
Так что жарь себе Указы
И последствий не бойсь —
Все равно у нас, в России,
Их не выполнит никто!

А хорошего захочешь —
Станет хуже в тыщу раз!
Тут опасно править честно —
Люди могут не понять.
В общем, я в недоуменье,
Очень страшная страна!
Лет на пять еще останусь —
Разобраться, что к чему...

„НА ДНЕ“

*Повышению размеров
минимальной пенсии до
54 тыс. 400 руб. 00 коп.
в месяц посвящается...*

Захламленный чердак. Железная кровать без сетки, гнилые доски, тусклая лампочка, расписанные стены, загаженные углы. Коржик играет на баяне, Бориска запекает...

Бориска.

По приютам я с детства скитался,

Не имея родного угла...

Ах, зачем я на свет появился,

Ах, зачем меня мать родила!

Степаныч, Паша, Ерик и Андрюша-Козырек подхватывают...

Ах, зачем ты на свет появился,

Ах, зачем тебя мать родила!

На улице, вслушиваясь в доносящиеся с чердака звуки, сидят у мусорной урны два бомжа — Костик и Герашка-Банкир.

К о с т и к. Не знал, что он поет. Что дирижирует — знал, а что поет...

Г е р а ш к а. Хорошо они живут там, наверху. Бедно, но дружно...

К о с т и к. Да уж. В тесноте, да не в обиде!

Г е р а ш к а. В своем законе...

Песня обрывается на полуслове. Звук удара, чье-то „ой“, еще звук удара, грохот на лестнице... Наконец дверь распаивается, и оттуда появляется упирающийся Е р и к. Чья-то рука выволакивает его наружу.

Г о л о с Б о р и с к и. Спортил песню, дурак!

Чья-то нога дает Е р и к у пинок под зад.

К о с т и к (*прослеживая траекторию полета*).
О! Еще один полетел...

Г е р а ш к а (*наливая в грязный стакан из мутной бутылки*). Ну! Чтоб не последний!

Ранние сумерки. П а ш а и Е р и к стоят возле помойки — в каких-то обмотках, рваных треухах; холщовые сумки; серые лица... В руках у Е р и к а — только что добытые из контейнера прохудившийся башмак и рваный зонт.

Е р и к. Ну, как?

П а ш а. А у тебя?

Е р и к. У меня — отлично! У меня теперь — никаких забот... Смотри, чего нашел...

П а ш а. Зонтик, чур, мой!

Е р и к. Вот еще. Я нашел!

П а ш а. Ага! А мой погон кто заныкал?

Е р и к. Какой погон?

П а ш а. Маршалльский!

Е р и к. Потерпи, погонят еще...

П а ш а. Отдавай зонг!

Е р и к. Зачем тебе зонг? С тебя как с гуся вода...

П а ш а. Сам ты гусь!

Е р и к. Я — не гусь!

П а ш а. А кто?

Е р и к. Я министр... То есть... Дай вспомнить-то, кто ж я теперь? Просто, выходит, человек!

П а ш а. Ну ты сказанул... В зеркало-то посмотри. Люди — они, знаешь, как выглядят?

Е р и к. Как?

П а ш а. Не помню. Но не так...

З ю г а лежит под парковым репродуктором на скамейке в скверике у набережной, укывшись „Советской Россией“, „Правдой“ и газетой „Завтра“. Гудит баржа на Москверреке. На соседней скамейке, укывшись „Коммерсантом“, „Известиями“ и „Аргументами и фактами“, лежит Е г о р к а.

Женский голос из репродуктора. Господа! Фирма „Зевс и братья“ приглашает вас в круиз по Средиземному морю на комфортабельном теплоходе „Емельян Пугачев“. Впервые в жизни Кипр и Мальта, Венеция и Ницца, Пальма да Мальорка увидят вас своими глазами. Теплое море, мягкий песок и эротический массаж сделают ваш отдых, в натуре, незабываемым!

Е г о р к а. Слышь! Ты в этом году уже отдыхал?

З ю г а. Отдыхал.

Е г о р к а. А где ты отдыхал?

З ю г а. А вот тут и отдыхал.

Е г о р к а. Ну и как?

З ю г а. Хорошо. Только жестковато.

Егорка. Зато воздух хороший, когда ветер не с фабрики.

Зюга. А мне нравится, когда с фабрики.

Егорка. Правда?

Зюга. Ну. Забываешься быстрее.

Егорка. Слушай, а ты, когда забываешься, что видишь?

Зюга. Я, когда забываюсь, — все вижу...

Егорка. Тогда, конечно, лучше, если с фабрики...

Зюга. Самое хорошее вижу, что было в жизни! Обком, кабинет, знамена переходящие...

Егорка. Слушай, давно у тебя спросить хотел — это они что, сами переходили?

Зюга. А ты что, не помнишь?

Егорка. Смутно. Помню, красные такие, большие... А как ходили — не помню.

Зюга. Еще вспомнишь.

Егорка. Не дай Бог.

Вход в метро. У стенки, обвешанный с ног до ушей своими же портретами, газетами и книгами, стоит **Жирик.**

Жирик. Покупайте газеты „Сокол Жириновского“ и „Правда Жириновского“! Куда вы идете, мужчина, идите ко мне! Вы женщина? Тем более, идите ко мне! Журнал „Плейбой“ с фотографией голого Жириновского, где вы еще такого увидите! Дешевое представление! Сегодня и каждый вечер на Манежной группа дрессированных депутатов! Кашпировский без псорназа! Марычев без страховки! Нинзя-Невзоров! Водка „Жириновский“, лимонад „Немцов“! Купите хоть что-нибудь, мерзавцы, мне деньги на выборы нужны!

К Жирику подходит Ваня-Рыбка в форме дежурного по станции.

Ваня. Прекратите этот цирк, здесь не место!

Жирик. Вы кто?

Ваня. Я дежурный. А вы?

Жирик. Не ваше дело!

Ваня. Тут теперь все мое дело.

Жирик. Я секс-символ России!

Ваня (*рассмотрев*). Меня не возбуждает.

Жирик. Уйди, аграрий, добром прошу!

Ваня. Я уже не аграрий. Я тут до зимы назначен следить за порядком. Слева по центру.

Жирик. Порядок будет, когда следить буду я, раньше и не мечтайте! А я буду тут стоять, пока не продам все, что у меня еще есть! Включая самое дорогое!

Ваня. Самое дорогое — это Родина.

Жирик. Вот-вот, включая Родину! Вас все равно продали Киссинджеру, вам нечего терять, а у меня есть все, что надо для народа!

Ваня. Нет, это у нас есть все, что надо для народа!

Жирик. Что? Что у вас есть для народа, кроме триппера?

Ваня. У нас есть Дума!

Жирик. Вот это самый триппер и есть! Народу нужен герой-освободитель!

Ваня. А вас разве уже освободили?

Жирик. Не выводите меня из себя!

Ваня. Вывести вас? Хорошая мысль...

Жирик. Так! Все! У меня ангельское терпение, повторяю, ангельское, но оно кончилось! Я вас сейчас всех оболью в прямом эфире!

Час пик. Пробка. К машинам подходит Зюга — в подвязанных тапочках, стареньком пальто, пионерской пилотке и с красным вымпелом на палочке... В другой руке — коробка с накорябанной надписью: „Помогите на восстановление обкома“. Ему подают из „мерседесов“ и БМВ.

Зюга. Дай вам Бог „Капитала“! *(Кланяется.)*

Вагон метро. Двери закрываются. В проходе стоит Бориска с Коржиком на руках.

Бориска *(жалобно)*. Люди добрые! Простите, что обращаемся к вам! Сами мы не местные...

Коржик. Я-то местный...

Бориска. Молчи! *(Жалобно.)* Отстали от поезда...

Коржик. Сели на самолет...

Бориска. Молчи! *(Жалобно.)* Живем вторую неделю на вокзале. Документы у нас украли, деньги украли...

Коржик *(плачет)*. Гы-ы...

Бориска *(показывая на Коржика)*. Маленький болеет, лекарства ему никакие не помогают, растет и растет, гуманитарной помощи ни на что не хватает...

Коржик. Гы-ы...

Бориска *(жалобно)*. Помогите, люди добрые, не откажите, ради Христа и демократического централизма, на хлеб, кому сколько не жалко! Вот сюда кладите, в большую шляпу... Храни вас Конституция! Сашенька, скажи тете „спасибо“!

Коржик. Пиф-паф!

Бориска. Молчи!

Толчок у магазина. На раскладном стульчике сидит Степаныч в майке и панаме, вокруг него — несколь-

ко старых некомплектных газовых плит, у ног на ящике разложены горелки, трубки, жестянки...

Г о л о с. Это — почему?

С т е п а н ы ч. Пятнадцать. Отдам за десять.

Г о л о с. А эта хреновина?

С т е п а н ы ч. Хреновина за семь.

Г о л о с. А вот эти ржавые?

С т е п а н ы ч. Ржавые — по четыре пара.

Г о л о с. А что это, вообще? Куда вставляется?

С т е п а н ы ч. Сам найдешь. Я — по газу специа-
лист. Плита не нужна?

Г о л о с. Хорошая?

С т е п а н ы ч. Наша.

Г о л о с. Ну хоть комплектная?

С т е п а н ы ч. Обижаешь...

Г о л о с. Зачем же мне ее покупать?

С т е п а н ы ч. Из патриотизма.

Г о л о с. А на чем я пищу готовить буду?

С т е п а н ы ч. А вот на нем и будешь.

На рынке. Ю р ь М и х а л ы ч в одежке старушки медленно проходит вдоль фруктового ряда, глядя то на лотки, то в лица продавцов. Наконец останавливается.

Ю р ь М и х а л ы ч. Милок, нет ли какого фрукта с бочком? Я бы его съела...

Г о л о с. Иди, иди... Нету денег — так и не ходи сюда!

Ю р ь М и х а л ы ч. Откуда ж мне взять денег?

Г о л о с. Не мое дело!

Ю р ь М и х а л ы ч. А чье?

Г о л о с. В правительство пиши!

Ю р ь М и х а л ы ч. Так уж я пишу, пишу...

Г о л о с с а к ц е н т о м. Ты в какоэ пишэшь?

Юрь Михалыч. В наше.

Голос с акцентом. Ну и дура. В американское пиши. Далжны памагать нэимуцим!
Тот же чердак и компания, что и вначале, только на месте, где сидел Ерик, — пусто.

Паша (*поет*).

У кошки четыре ноги,
Позади у нее длинный хвост,
Но трогать ее не могли-и
За ее малый рост, малый рост...

Все.

Но трогать ее не могли-и
За ее малый рост, малый рост...

На улице у мусорной урны все те же два бомжа — Костик и Герашка-Банкир.

Герашка. Хорошо все-таки, что в этот раз они промеж собой помирились...

Костик. Почему хорошо?

Герашка. Потому что, когда мимо меня танки ездят, у меня голова болит...

Костик. А ты не там сидишь. (*Наливает.*) Знаешь, где надо сидеть, когда начинают танки ездить?

Герашка. Где?

Костик. В танке! Будем здоровы.

НЕ ТЯНИ РЕЗИНУ!

(фантазия по мотивам возбуждения
в Генеральной Прокуратуре РФ...)

Зал суда. Пустующее место судьи под гербом. На скамье подсудимых — Бориска, Степаныч, Паша, Ерик, Зюга, Жирик, Егорка, Андрюша-Козырек... В зале — какие-то зрители.

Г о л о с. Встать, суд идет!

Все встают. Входит К о з е л в мантии. Садится за стол, кладет папку с материалами дела.

Е р и к. Батюшки святы!

Б о р и с к а. Обещали, понимаешь, показать козью морду, но чтоб такую!..

Следом входят „кивалы“ — народные заседатели К о т и С в и н ь я.

Е г о р к а. Сейчас засудят...

Е р и к. Звери...

К о з е л. Прошу садиться.

П а ш а. Не хочу садиться! Не хочу! Не хочу!

Степаныч. Кто хочет-то? Никто не хочет.
Надо...

Зюга. Кому?

Степаныч. Кому-то надо.

Козел. Слушается дело об оскорбле-е-янии
высших должностных лиц государства группой ку-
кол...

Рыдания со скамьи подсудимых.

Козел. К порядку!

Егорка. Ах, это невозможно!

Козел. Почему?

Егорка. Мы собою не владеем!

Рыдания.

Козел. Подсудимые, держите себя в руках!

Бориска. Мы и так, понимаешь, в руках!

Ерик. Нами все время манипулируют!

Козел звонит в колокольчик.

Козел. ...дело по факту передачи...

Ерик. „Передачи“. Ну, точно сядем!

Козел. Об оскорбле-е-янии высших должност-
ных лиц государства, совершенном группой кукол...

Ерик. Групповуху шьют... *(Смотрит кодекс.)*
До червонца включительно... *(Падает в обморок.)*

Все. Эфир! Эфир!

Ерику дают эфиру. Он пьет из склянки.

Козел. Подсудимые! Прекратите паясничать!

Жирик. Да вы что! Я если паясничать переста-

ну, мне вообще каюк!

Зюга. Мы так старались... Одних артистов сколько перепробовали...

Жирик. Для нас ведь главное — голоса...

Зюга. Еще бы!

Ерик. Эти все о своем...

Степаныч. А денег-то, денег на нас ушло...

Егорка. И каких денег!

Бориска. Да-а... Мы, понимаешь, очень дорогие!

Ерик. Дорогой ты мой! *(Обнимается с Пашей.)*

Козел. Хватит! Допаясничались! *(Продолжает по бумагам.)* Дело об оскорбле-е-янии высших должностных...

Ерик *(смотрит кодекс)*. Вышак ломится... *(Пьет из склянки.)*

Бориска. А если, понимаешь, по закону?

Егорка. Если по нашему закону, то головы сгниют на складе, а тела выдадут родственникам!

Зюга. У нас нет тел!

Ерик. И родственников нет!

Андрюша. Мы круглые резиновые сироты!

Рыдания.

Козел. Прекратить! Слушается дело...

Бориска. Ну, это, понимаешь, не дело! Это какой-то бред!

Ерик. И что за муха их там укусила?

Коржик. Это не муха.

Ерик. А кто?

Коржик. Это секрет!

Козел. Никаких секретов! Борьба с преступно-

стью, в натуре!

Егорка. А что, остальных уже поймали?

Козел. Остальных искать надо, а вы тут...

Ерик. Ну правильно! Им же нужно хоть кого-нибудь поймать!

Козел. Молчать! Слушается дело...

Бориска. Так это, значит, Фемида развязала глаза?

Степаныч. Просто повязка сползла.

Жирик. Это он-то Фемида?

Козел. Я!

Егорка. По-моему, непохож. А по-твоему?

Андрюша. Весы... У Фемиды весы должны быть!

Паша. Да, чтобы все по-честному.

Козел. Вы не в магазине!

Бориска. Ну, понимаешь, не в магазине, но купить-то при желании можно всю лавочку...

Козел. Прекратите оскорбление суда! Дело возбуждено...

Егорка (Зюге). Да-да, я заметил — они ближе к выборам стали такие возбудимые!

Жирик. Боюсь, нами они не удовлетворятся!

Козел. Дело возбуждено по фак... фак... фак... ну, почерк! (Углубляется в бумаги.)

Бориска. Я чего-то не понял. Что за „фак, фак, фак“?

Андрюша. Это по-английски...

Козел. Ага! По факту выхода в эфир передачи...

Ерик. „Передачи“? Ну, точно садимся.

Козел. Смотрим материалы обвинения!

На экране возникает отрывок из программы „На дне“.

Козел. Ну? Стыдно вам, преступники?

Бориска. Тебе стыдно?

Коржик. Мне — нет.

Бориска. И мне нет.

Коржик. А чего он тогда к нам пристал?

Бориска. Так ведь он, этот...

Егорка. Ой, не говори этого слова, не говори!

Бориска. ...Козел, понимаешь!

Паша. Не надо было его оскорблять!

Ерик. Действительно! Мало ли кто на кого похож.

Жирик. Я вот тоже всем кого-то напоминаю...

Ерик. И я.

Степаныч. Ты вообще — одно лицо!

Ерик. Но это ничего не значит!

Козел. Что значит — „не значит“! Как это — „не значит“? Вы вышли к телезрителям в виде, оскорбле-е... оскорбля!.. (Свинье.) Еще хуже получилось. (Подсудимым.) Оскорбили в неприличной форме!

Бориска. Ты что, голым снимался?

Степаныч. Я — нет.

Бориска. И я нет.

Ерик (кивая на Жирика). Все из-за него. Это он голым снимался, либерал чертов...

Козел. Появлялись в телевизоре в виде, задевающим за честь вот этих... (тычет копытом наверх) ну, которые там, надо мной... Или не появились?

Бориска. Ты, понимаешь, объясни по-человечески.

Ерик. Кого имеешь в виду?

Козел. Вы что, сами не знаете, на кого вы похожи?

Паша. Да, нам говорили...

Егорка. Но мы — сами по себе!

Козел. Доказательства!

Егорка. Ну вот хочешь, я его сейчас поцелую?
(*Целуется с Жириком.*) Вот, и даже совсем не
противно!

Зюга. А я — его! (*Целует Бориску.*) Убедил-
ся? Живые, если поцелуются, — умрут оба. А мы с
окупантом этим резиновым, можно сказать, не раз-
лей вода! Из одной коробки вылезли!

Ерик. Те тоже из одной коробки вылезли...

Андрюша. Да все мы тут искусственные, чего
там!

Козел. Продолжаем заседание! Тут еще одно
возбуждено... (*Роемся в бумагах.*)

Ерик. Слушай, у него их, оказывается, два!

Паша. Кого?

Ерик. Ну, этих... И оба возбуждились.

Андрюша. Кошмар!

Козел. Э-э... Возбуждено дело о финансовой
дисциплине! Ага! Небось нарушали?

Степаныч. Ты нарушал?

Бориска. Я — нет.

Степаныч. И я не нарушал.

Ерик. Здесь никто не нарушал!

Егорка. А он?

Ерик. И он не нарушал. Так только, пару джипов
родственникам самолетом отправил, и все...

Козел. Не ваше дело!

Ерик. Конечно, не наше.

Степаныч. Ваше...

Козел. Продолжаем заседание!

Степаныч. Я не могу продолжать заседание.
Я себе уже всю резину отсидел!

Козел. Тогда суд удаляется на совещание.

Егорка. Может, не надо? Посидели бы тут, как люди... *(Смотрит на Козла, Свинью и Кота, смущается.)* В смысле, по-человечески...

Бориска. Они не могут по-человечески.

Паша. Почему?

Бориска. Да потому что они все...

Ерик. Ой, не говори этого слова, не говори!

Бориска. Потому что они...

Козел хлопает дверью, уходя.

Бориска. Но ведь это же правда!

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

*12 июня — День выборов
первого Президента России.*

*14 июля — День взятия
Бастилии. Начало Великой
Французской революции.*

Из календаря

Бывают странные сближенья...

А.С.Пушкин

Баррикады. На них вдохновенно размахивает флагом Франции прекрасная полуобнаженная девушка, в точности воспроизводящая Марианну — героиню классической картины Делакруа. Прямо на баррикадах идет празднование. **Бориска** — в камзоле и парике, остальные — **Степаныч**, **Ерик**, **Паша**, **Коржик** и **Андрюша-Козырек** — в аналогичном одеянии: кто санкюлот, кто якобинец...

Бориска. Месье! То есть, в общем, сограждане! Поздравляю вас с очередной годовщиной совместного взятия, значит, этой крепости... (*наливает*) — то есть, в общем, Бастилии! — ознаменовавшего собой конец тирании и начало совершенно, понимаешь, новой жизни!

В продолжение его речи **Ерик** вертит так-сяк трехцветное полотнище, которое становится то французским, то российским флагом.

Бориска. Виват!
Все. Виват!

Пьют, начинают закусывать.

Ерик. Пардон, а когда мы ее брали—то? Всем коллективом...

Степаныч. Кого? *(Шепотом, про девушку с флагом.)* Ее?

Ерик. Нет! Вот эту, что он сказал...

Степаныч. Бастилию?

Ерик. Ага. Забыл чего—то.

Коржик. И как ты с такой памятью еще на службе?

Ерик. Я? Прекрасно! Главное, чтобы память от службы не отвлекала! Куда поставят, там и служу в полном забвении!

Андрюша. Нехорошо, мон шер ами, славные даты забывать!

Степаныч. Забывать нехорошо — помнить страшно!

Ерик. Так когда мы ее брали, Бастилию эту?

Андрюша. В восемьдесят девятом, кажется.

Паша. Я — позже.

Бориска. Я — в девяносто первом!

Степаныч. Давно ее берем, давно... Без резких движений, но почти всю уже взяли... *(Отрезает кусок.)*

Коржик. В общем, тогда лето было, как сейчас...

Бориска. Девятнадцатое августа!

Паша. Октябрь был, октябрь! Помню: шар—рах с набережной по окнам!

Ерик. Не—не... Это после уже. Это девяносто третий.

Бориска. Точно. Вандея, понимаешь...

Ерик. Какая Вандея?

Бориска. Обычная, значит, антиконституционная Вандея! С кровью.

А н д р ю ш а. А река, какая была река? Сена?

П а ш а. Солома! Какая разница! Главное: шар-рах с набережной!..

С т е п а н ы ч. Тебе лишь бы „шарх“, а я потом ремонтирую.

Б о р и с к а. К черту ваши подробности! Век какой был?

Е р и к (*подумав*). Отвратительный! Как вспомню, так вздрогну! (*Пьет.*)

А н д р ю ш а. Да уж. Прав нет, одна Декларация... И потом: самодержец этот... как же его... Людовик Ильич?

Б о р и с к а. Что? Кто?

А н д р ю ш а. Ну, такой, в общем... Король-Солнце!

С т е п а н ы ч. А, да-да! Солнце, практически. Как встанет, бывало, утром, так и стоит весь день, в этом, как его...

Е р и к. В зените!

А н д р ю ш а. В камзоле.

С т е п а н ы ч. В ступоре! Стоит, значит, бровями шевелит... И народ, как с утра пораньше увидит его, тоже рот откроет — и стоит...

Б о р и с к а. То есть — полный застой?

П а ш а. Не то слово! Трава не росла.

Е р и к. Лошади останавливались!

Б о р и с к а. Да-а... Тоталитаризм, понимаешь! Философы в сторожах, энциклопедисты в психушках... А очереди!

А н д р ю ш а. В Пантеон?

К о р ж и к. В Мавзолей!

Е р и к. За едой!

Б о р и с к а. Это же кошмар! С утра выйдешь, значит, на Елисейские поля, в гастроном...

С т е п а н ы ч. В какой гастроном?

Бориска. В Елисеевский!

Степаныч. Вы? В гастроном? Самы?

Бориска. Нет, ну не сам, конечно. Нас-то отоваривали. Ты помнишь...

Степаныч. А то!

Бориска. А которые не прикрепленные, не из дворян, те за прованским маслом так из самого, понимаешь, Прованса и пилили!

Паша. Бургундское с одиннадцати! Коньяк по карточкам! Парижаны с утра злые, непохмелившиеся! Ужас!

Бориска. Одно слово — тирания... И ни либертэ тебе, ни, понимаешь, эгалитэ...

Степаныч. Полный Версаль!

Ерик. Ну, вот и правильно мы их, значит, того...

Андрюша. Кого?

Ерик. Да всех подряд!

Бориска. Когда?

Ерик. Я ж говорю: летом...

Паша. Ага! В октябре! Шар-рах с набережной!..

Бориска. Я, понимаешь, запомнил. Зачем мы все это „шарах“ делали?

Ерик. А чтобы все это (*жест вокруг*) у супостатов отобрать! Чтобы народу досталось...

Бориска. Ну и как?..

Ерик. Замечательно! (*Ест.*)

Бориска. То есть: народу досталось?

Ерик. Народу? Еще как!

Бориска. Ну то-то. (*Коржику, указывая на девушку с флагом.*) Слушай, скажи ей, чтоб, понимаешь, больше не махала. Уже освежились.

Конвент, сильно напоминающий Думу. Возбужденные депутаты в париках и камзолах.

Ж и р и к. Все куплены! Кругом измена! Тут напустила туману Англия!
В а н я-Р ы б к а. К порядку!
Ж и р и к. Плевать я хотел на ваш порядок!

В а н я звонит в колокольчик.

З ю г а. Господа! Республика в опасности! Шайка диктаторов, продавшихся Соединенным Штатам...

Е г о р к а. Позвольте, я что-то не пойму: каким Штатам?

З ю г а. Соединенным!

Е г о р к а. Но их же еще нет!

Ж и р и к. Тем более! Их еще нет, а им уже продались!

З ю г а. Позор!

Г р и ш а. Это не позор.

З ю г а. А что это?

Г р и ш а. Это предоплата!

З ю г а. Плебейство Франции не допустит, чтобы гидра сионизма...

Е г о р к а. Мон дье! Что вы такое говорите!

З ю г а. Как ты сказал?

Е г о р к а. Это по-французски.

Ж и р и к. Повтори, кто мандые?

В а н я. Выбирайте, выражения, вы в парламенте!

Ж и р и к. Сам дурак!

З ю г а. Культура в опасности! Нет денег даже на Реставрацию! Продали Родину, продали по плавающему курсу!

Ж и р и к. Кто это сделал, кто посмел без меня?!

Е г о р к а. Шерше ля фам...

В а н я. Убедительно прошу вас, прекратите говорить гнусности!

Е г о р к а. Пуркуа гнусности?

Ж и р и к. Вас опять обманули, вы опять попались на удочку! Пока мы тут сидим, нас снова продали, а вас купили!

В а н я. Объявляю термидор! — то есть, тьфу! — Перерыв!

Ночь. Особняк. Табличка на двери: „Комитет общественного спасения“. Тайное заседание.

Б о р и с к а. Что слышно в этом... в Конвенте?

Е р и к. Где?

Б о р и с к а. Ну, в законодательном, понимаешь, собрании...

Е р и к. Ничего не слышно.

Б о р и с к а. Почему?

Е р и к. А они двери закрыли.

Б о р и с к а. А внешняя разведка у нас на что?

Е р и к. Не знаю. *(Ест.)*

С т е п а н ы ч. Это вы про него, что ли, насчет разведки?

Б о р и с к а. Про него.

С т е п а н ы ч. Может, лучше флотом его послать командовать?

Б о р и с к а. Почему флотом?

С т е п а н ы ч. Ну, может, утонет наконец...

Б о р и с к а. Я спрашиваю: как там эти, сенаторы?

С т е п а н ы ч. Да не беспокойтесь вы... Как всегда — голосуют!

Б о р и с к а. За что?

С т е п а н ы ч. Как всегда. Кто за что.

Б о р и с к а. Ну тогда пусть голосуют.

А н д р ю ш а. Чем бы дитя ни тешилось...

К о р ж и к. Я бы этих детей... А ну как меж собой договорятся и отлучат от власти?

Б о р и с к а. Кого?

Коржик. Вас.

Бориска. Нас?

Коржик. Тебя!

Бориска. А я не уйду.

Паша. И я не уйду.

Коржик. А тебя никто не спрашивает.

Паша. А я не уйду!

Степаныч. Пускай, пускай голосуют! Раз они все равно с нами ничего сделать не могут.

Ерик. А мы с ними?

Бориска. Мы с ними — можем.

Ерик. Давай сделаем?

Бориска. Зачем?

Ерик. А зачем в прошлый раз делали?

Паша. Ох, помню: шар-рах с набережной!..

Бориска. Вот у него спроси.

Ерик. У него? Ну, у вас юмор — такой тонкий, французский... Да, слушайте, а в Бастилии этой, ну которую мы по очереди брали, — там чего раньше было?

Коржик. Тюрьма.

Ерик. Хорошая тюрьма?

Коржик. Просто прелесть!

Ерик. А теперь?

Паша. Теперь небось под офисы сдали.

Андрюша. Или под стриптиз.

Бориска. Ничего там теперь нет. Срыли до основания!

Коржик. Зря.

Ерик. Зачем же срыли?

Бориска. Революционный подъем.

Ерик. Ну и что?

Бориска. Когда революционный подъем — что-нибудь обязательно надо расфигачить, понимаешь, до основанья.

Андрюша. До основанья? А затем?

Бориска. А затем — опять это же построить.

Степаныч. Да... Поторопились...

Бориска. Ну-у... Все-таки, понимаешь, либертэ... Эгалитэ эта. Фратернитэ опять-таки...

Ерик. Либертэ не либертэ, а без хорошей тюрьмы — это не демократия. Это я вам как специалист широкого профиля говорю.

Коржик. Слушайте! Тут недавно один доктор местный такую штучку изобрел — никакой тюрьмы не надо. Гильотен фамилия... Я и адресок записал.

Бориска. Ну-ка, расскажи.

Коржик. Лучше один раз увидеть.

На пустой предрассветной площади стоит гильотина.

Коржик. Вот, видите — вроде как два стояка, а между ними — косою ножик на пружинке. Кладется вниз лицом человек, сверху ножик на него с разгону — чик, и все.

Бориска. Само, значит, чик делает?

Коржик. Само.

Бориска. Что значит — прогресс. Не стои́т мысль! Да, а чегой-то он туда кладется, человек-то? С какой радости?

Коржик. Ну мало ли! Может, он, мерзавец, зубы не чистит! Может, народу враг. А может, просто надел хуже горькой редьки со своим импичментом! Главное — механизация труда. А кого положить — это дело наживное!

Бориска. Только ведь он сам не ляжет!

Ерик. Нет, ну бывают, конечно, эгоисты! Которые только о себе думают. Но надо же и о других, правда? Нам-то что же — терпеть, пока сам не помрет?

Бориска. Нет, не ляжет сам, не ляжет. (*Через паузу.*) Я бы не лег.

К о р ж и к. Сам, конечно, не ляжет. Но ради такого случая можно поддержать. Как считаете?

Б о р и с к а. Ну, ежели, понимаешь, дело свободы в опасности, отчего не поддержать.

П а ш а. Мы всегда под рукой... руки развязаны...

Б о р и с к а. Да, симпатичное изобретение. Надо попробовать. И поскорее, пока опять какие-нибудь бурбоны не пришли... Как, говоришь, фамилия доктора?

К о р ж и к. Гильотен.

Б о р и с к а. Вот на нем и попробовать... А потом уж наладить выпуск для народа. Чтобы, понимаешь, всем хватило... Первое лезвие бреет чисто, второе — еще чище! Раз — и в корзине!

Заглядывает в корзину под гильотиной. Там лежат головы, уже отделенные от тел: его, К о р ж и к а и П а ш и.

Г о л о в а П а ш и *(как бы продолжая разговор)*. Шар-рах с набережной! Шар-рах с другой!

Г о л о в а К о р ж и к а понимающе кивает, а голова Б о р и с к и подмигивает самому Б о р и с к е.

Б о р и с к а. Не понял. Это что такое?

К о р ж и к. Не берите в голову.

Б о р и с к а. А куда, понимаешь, брать?

К о р ж и к. Да никуда не берите. Считайте, что почудилось.

Б о р и с к а. А-а, ну это другое дело. Славная машинка. Надо будет, понимаешь, обзавестись... А либертэ эти, эгалите... В другой раз!

ИЗ ЖИЗНИ ГРИБОВ

В эфире проскакивают позывные „Европы-плюс“, сообщения о погоде и курсе доллара и, наконец...

Г о л о с Б о р и с к и. Я рад сообщить всем любителям природы, что сегодня моим указом в России открыт грибной сезон! Ходите, собирайте, кто сколько сможет, до самой, понимаешь, зимы!

По лесу, искоса поглядывая вниз, с идиллическим видом гуляют с корзинками в руках **Ж и р и к** и **З ю г а.**

Ж и р и к. Хорошие места. Возду-ух...

З ю г а. Воздух — замечательный.

Ж и р и к. И пейзаж... Настоящий такой русский пейзаж.

З ю г а. Просто Левитан...

Ж и р и к. Тьфу на тебя!

З ю г а. Прости, я не хотел. Я хотел сказать: Шишкин!

Несколько секунд гуляют молча.

Ж и р и к. Да-а... Вот она где, благодать... А то круглый год все Дума, Дума...

З ю г а. А ты не думай.

Ж и р и к. Не могу. Голова болит.

З ю г а. Выпей.

Ж и р и к. Так она за народ болит.

З ю г а. Еще выпей.

Ж и р и к. А здесь... Просто... Как думаешь, больше в этом лесу никого нет?

З ю г а. В этом — никого. *(Резко метнувшись в сторону, возвращается с грибом.)*

Ж и р и к. Что? Опять валуй?

З ю г а. А что? Валуй — гриб хороший. Внешне, может, противный, но на вкус...

Ж и р и к. Не доверяю я твоему вкусу...

З ю г а. Молчал бы. Ты вообще поганки берешь!

Ж и р и к. Так их же много! А у нас что шампиньон, что поганка — все равно считается гриб, потому что демократия... А при демократии что главное?

З ю г а. Количество.

Ж и р и к. При демократии главное — здоровье. Вот мой организм, например, все эти поганки переварит — и будет навоз; навоз повезем в поля — и будет хороший урожай, потом крестьяне будут все косить, молотить, однозначно! Потом солома пойдет на корм скоту, из скота будет колбаса, для нас будут бутерброды, гамбургеры, макдональдсы, хот-доги, и все будет хорошо! При демократии главное здоровье, поэтому — будь здоров!

На полянке сидит на пеньке **С т е п а н ы ч**. Рядом, с телефоном в руках, **Т о л и к - В а у ч е р**. В отдалении стоит **Ю р ь М и х а л ы ч**.

С т е п а н ы ч *(в телефонную трубку)*. Ну, договорились! Договорились, сказал! Вопросы твои мы тут

решим, а ты давай обеспечи сбор грибов... Не подведи. По всей чтоб территории края, прямо по спецификации гони — подберезовики там, подосиновики, сыроежки! Вместе с грибницами. Ну, будь здоров. А то отключим газ. Газ, говорю, перекроем. Это я шучу. Юмор такой! Давай, рули там у себя. *(Кладет трубку.)* Какой регион у нас дальше?

Т о л и к *(заглядывая в блокнот)*. Дальше у нас только Дальний Восток.

С т е п а н ы ч. Это точно, дальше некуда... Как там с грибами?

Т о л и к. Контрольный пакет — у нас.

С т е п а н ы ч. Но вообще — растут?

Т о л и к. Еще бы! Три года американцы по сыроежкам консультируют. Весь Принстон на ушах стоит.

С т е п а н ы ч. Надо собрать.

Т о л и к. Все?

С т е п а н ы ч. Не оставлять же!

Т о л и к. Да, а то сейчас как налетит грибников из Москвы...

С т е п а н ы ч. Кустари! Что они понимают в природе! Соединяй.

Т о л и к набирает номер.

С т е п а н ы ч. Алло! Дальний Восток? Ближний? Ну все равно... Как там у вас с гриба... *(Толику.)* Ты что набрал?

Т о л и к. Это коммутатор.

С т е п а н ы ч. Меня фамилия не интересует! Давай крути снова!

Т о л и к набирает номер.

С т е п а н ы ч. Алло! Дальний Восток? Точно Дальний? Ну, слава Богу! Что? *(Толику.)* Просят уточнить

по факсу, какому именно Богу слава. С ума сойдешь с номенклатурой. *(В трубку.)* Алло! При чем тут Бог? При чем тут, спрашиваю, Бог? Это я звоню. Забудьте про Бога! Бога нет! Грибы собираете? Что значит — ночь? Все на грибы, а то отменю рассвет. А так! Слушай внимательно! Утром доложишь ситуацию по сыроежкам! По правительственной связи. Все! *(Кладет трубку.)* Ночь у них, понимаешь! Совсем распустилась страна! *(Юрь Михалычу.)* Что тебе?

Юрь Михалыч. А что всем, то и мне.

Степаныч. Денег?

Юрь Михалыч. Их.

Степаныч. Неужели не хватает?

Юрь Михалыч. Мне-то хватает, а на Москву надо добавить.

Степаныч. А как насчет грибков?

Юрь Михалыч. Мы люди с понятием. Подмосковье большое... Замаринуем! Только вы уж осторожней: тяжелая пища. Отравиться можно.

Степаныч. Ничего... Не такое съедал. Значит, так... Страна — моя, Москва — моя... *(Насвистывает окончание песенки, набирая номер.)* Кемерово? Это шахтеры? Шахтеры, все по грибы!

Утро. Щebet птичек. Из электрички, остановившейся на каком-то полустанке, выходит Егорка. В руках у него корзинка для грибов, за спиной — рюкзачок. Егорка спускается с перрона и направляется к лесу. Его нагоняет „мерседес“. Окошко опускается, и за ним — улыбающаяся физиономия Свинья.

Свинья. Слышь, братан! Далеко собрался?

Егорка. Да так... Прогуляться. Вон в тот лесок...

Свинья. Да ты че? За грибами, что ль? Уи-и!
(Смеется.)

Егорка. Ну и грибков, конечно. Почему нет?

Свинья. За грибами, за грибами... Я же вижу. Уи-и! (*Визжит от смеха.*)

Егорка. Ну, за грибами, и что!

Свинья. Чувак, ты фильтруй базар ваще! А там, в леске твоём, с самого утра этот ходит... Гриша. Е-мое!

Егорка (*с тревогой*). Какой Гриша?

Свинья. Тот самый, в натуре!

Егорка (*упавшим голосом*). Ну и хорошо. Пусть себе ходит, вместе будем супчик варить...

Свинья. Накрылся ваш супчик медным тазом! Там, кроме Гриши этого, народу из городу понаехало. Там эта, слушай, японка — ну, я завис ваще! — потом эти... однофамильцы — один, значит, банкир, а другой из клинки... который взгляд ремонтирует. Все с ножами.

Егорка. Батюшки, ножи-то зачем?

Свинья. Чувак, зачем демократам ножи? Ножи резать... Друг другу. Разбрелись кто куда, каждый со своим лукошком... А один потешный такой — сам бороной, а туда же! Небось все уже там почикали. Слышь, мужчина, не ходи туда! Ты свое отъел уже!

Ваня-Рыбка ходит по лесу в полном одиночестве, тоскливо аукает...

Ваня. Ау! Ау!

Из-за деревьев выглядывает Бориска.

Ваня. Ау! Ау!

Бориска. Как, говоришь?

Ваня. Ау.

Бориска. Понятно. Это ты, значит, заблудился.

В а н я. Заблудился.

Б о р и с к а. И долго блудил?

В а н я. Я блуждал.

Б о р и с к а. Будешь вносить поправки — перестану оказывать поддержку. Тебе помощь нужна?

В а н я. Нужна.

Б о р и с к а. То-то. Помочь — это всегда пожалуйста. В трудные для демократии минуты я особенно решителен... Ты ведь демократ?

В а н я. Демократ.

Б о р и с к а. Ну тогда... *(Достаёт компас, смотрит.)* Север — вон там.

В а н я. Зачем мне север? Не хочу я на север...

Б о р и с к а. Вот теплолюбивый какой... Ты же говорил: заблудился!

В а н я. Заблудился! Но на север не хочу!

Б о р и с к а. Хорошо. Тогда будь рядом со мной, никуда, понимаешь, не отходи — а я позвоню моему пресс-секретарю и спрошу, где находится президент. Он должен знать.

В а н я. Да я не в том смысле заблудился! Я своих потерял...

Б о р и с к а. У тебя свои были? Много?

В а н я. Девать некуда было! Кругом свои, как договаривались! Вместе по грибы пошли, слева по центру, одной компанией...

Б о р и с к а. И где же они все?

В а н я. Отвалили куда-то, мерзавцы, вместе с моей корзиной.

Б о р и с к а. А много ли было в корзине?

В а н я. Много не много, а на жаркое бы хватило.

Б о р и с к а. Ну вот они и отвалили. Настоящие грибки...

В а н я. И что теперь?

Б о р и с к а. Ничего.

В а н я. А грибков?..

Б о р и с к а. А зачем тебе грибков? Это же, понимаешь, если вдуматься, — плесень, и больше ничего! Так походи, подыши...

В а н я. Но ведь хочется!

Б о р и с к а. Хочется — перехочется — расхочется, понимаешь! Сказано тебе: в другой раз!

В а н я. А вам?

Б о р и с к а. И мне тоже — в другой. Я ведь так просто гуляю. Из любви к топографии. А вот ближе к следующему лету открою сезон. Пройдусь, понимаешь, с косой... Я ведь знатный уральский грибник, секреты знаю...

В а н я. Какие?

Б о р и с к а. Ну, тебе это не поможет...

В а н я. Пожалуйста! Вдруг поможет!

Б о р и с к а. Не поможет. *(После паузы.)* Меня грибы любят.

В а н я. Эх...

Б о р и с к а. А то бы я уже и не ходил: возраст, то, се — но, сам понимаешь... Назвался груздем...

В а н я. Вы не груздь.

Б о р и с к а. А кто я?

В а н я. Вы этот... Вы — настоящий белый!

Б о р и с к а. А неграм в Кремле делать нечего!

По лесу с корзинкой для грибов и миноискателем бредет
С а ш а-Г е н е р а л.

С а ш а *(напевает)*. А для тебя, родная, есть почта полевая... Трудно, очень трудно плыть в соляной кислоте с отрубленными ногами. *(Поднимает голову и видит стоящих в ужасе Жирика и Зюгу.)*

Ж и р и к. Кошмар. Это еще что такое?

С а ш а. Упал — отжался. Считаю до трех, уже два.

Ж и р и к падает и начинает отжиматься.

Ж и р и к. Раз-два, три-четыре, три-четыре, раз-два... Кто шагает дружно в ряд? Президентский наш отряд... *(Встает.)* А что вы тут делаете?

С а ш а. Я собираю грибы.

Ж и р и к. Какие грибы?

С а ш а. Трюфеля.

З ю г а. Что? Не понял.

С а ш а. Повторяю для глухих: я собираю трюфеля!

Ж и р и к. Откуда здесь трюфеля?

С а ш а. От верблюда.

Ж и р и к. А мы вот просто природой любимся, ходим туда-сюда... Шишкин, Левитан, Айвазовский, Малевич...

С а ш а. Матом ругаетесь. А потом этими самыми руками будете есть хлеб... Фенологи... К зиме в лесу вообще не пройти будет. Придется затапывать...

Ж и р и к. Ну ты, дембель, не надо обижать...

С а ш а. Если хочешь что-нибудь сказать — стой и молчи!

КОМ-МУТАЦИЯ

(телефонная фантазия)

Свинячьи копытца втыкают штекер в пульт телефонной станции...

Кабинет Степаныча.

Степаныч (*сидя над списком*). Алло! Алло! Иван Петрович! Опять у тебя что-то с телефоном... Замени ты к чертовой матери аппарат! Что значит — „привык“? Ты какой аппарат имеешь в виду? Я тебе про телефон говорю! Ага... Ну, давай, исключенный, бери список, пока слышно... Та-ак, генералов поделили — теперь, значит, насчет песен! Что-нибудь слышно?

Ваня. Еще как слышно. У либералов Антонов поет, у Конгресса — Ножкин...

Степаныч. Пуска-ай... Мы на них Зыкину выпустим — мало не покажется!

Телефонный кабель уходит в розетку и выходит из розетки в кабинете Вани.

Степаныч (*из трубки*). А вы их сверху — Кобзоном...

В а н я. А репертуар?

С т е п а н ы ч. Патриотический репертуар! Чтобы с души воротило. И смотри там, не балагань! Теперь артисты... Алло!

Крик Степаныча звучит в наушниках у Сви-
н ь и, сидящей у пульта на телефонной станции. Похрюки-
вая от удовольствия, она переключает туда-сюда телефон-
ные штекеры, и вот уже голос Степаныча звучит
из телефонной трубки З ю г и.

С т е п а н ы ч. Алло! Давай, говорю, пройдем по ар-
тистам...

З ю г а (*разговаривает из кабинета, напоми-
нающего обкомовский*). Какие, к матери, артисты?
(*Жмет на рычаг, референту.*) С филармонией за-
чем-то соединили... (*Набирает номер.*) Артистов
мне только не хватало... Алло! Это Аграрная? Михал
Иваныч? Так мы, значит, договорились? Устюг тебе,
Волочек нам!.. Алтай бери, Урала не трожь. Записал?
Потом Анпилыч стоит на атасе, а мы едем в Поволжье
и делаем скок в пополаме... Камчатка? На фига тебе
Камчатка, там, кроме Жирика, ничего не растет...
Давай лучше Воронеж окучивай. Как с электоратом?..
А ты удобряй его, удобряй — он и поднимется... Сам,
что ли, не знаешь, чем удобряют?.. Вот-вот... Чем его
больше, тем нам лучше! А что „запах“? У политики во-
обще запах такой! Выше знамя социалистического со-
ревнования между братскими партиями! (*Смеется.*)
Это я так шучу... Как съезд прошел?

С в и н ь я, хихикая, тычет туда-сюда штекеры — и голос
З ю г и начинает звучать в трубке у Гриши. Он
едет в машине.

З ю г а. Как съезд прошел, спрашиваю?

Г р и ш а. Какой съезд?

З ю г а. Ну, партии вашей.

Г р и ш а. Нормально прошел...

З ю г а. Исключили этого отщепенца?

Г р и ш а. Отщепенца? Никто его не исключал, сам ушел! Ну, бай! (*Шоферу.*) С кем это я?

Г р и ш а начинает набирать на кнопчном телефоне другой номер. Соответственно набору начинает попискивать мембрана возле уха у **З ю г и**.

З ю г а. Кто бай? Алло! (*Бьет по рычагу.*)

А в трубке у **Г р и ш и** начинает разговаривать автоответчик.

Автоответчик. Hi! Here we are...*

Г р и ш а. Черт! Опять автоответчик...

З ю г а (*в своем кабинете*). Михал Иваныч! Кто сам ушел? Не надо мне лапшу вешать! Лап-шу! Никого я не имел в виду... Михал Иваныч, давай через голову это делать! Это же выборы, а не план по зерну! А то я вас, аграриев, знаю! Сначала „выполним-перевыполним“, а потом опять из Канады ввозить!.. Кого? Нет, избирателей ввозить не будем! Они там, в Канаде, только и умеют, что пшеницу растить — а как голосовать, так за буржуев! У нас-то, слава Богу, все наоборот... Алло! Тьфу ты! Михал Иваныч, что это там у тебя за хрен в трубке? Не в трубке? А где?.. Кто не уродился?.. При чем тут твой урожай — я говорю, опять в разговор влез кто-то!

*Привет! Это мы... (*англ.*)

Последние слова Зюги слышны теперь из наушников, которые держит в копытцах Свинья, сидящая у коммутатора.

Зюга. Алло! Алло!..

Свинья, довольно похрюкивая, переключает штекеры, и голос Зюги подхватывает голос Егорки, говорящего из телефонной будки.

Егорка. Алло! Крестьянская партия? Я перезвоню! *(Кладет трубку, тут же снимает снова и набирает номер, бормоча.)* „Хрен в трубке“... Сами вы хрен! *(В трубку.)* Алло? Крестьянская? Юрий? Ну, говорите... А зачем звонили? Это я вам звонил? Ах, ну да... Консолидироваться надо, Юрий! Что? Вы уже консолидировались? Надо же, и я. Вы с кем? Со мной? Надо же, а я с вами! Мир тесен... Теперь бы остальных демократов собрать... Где? *(Оглядывая пейзаж за будкой.)* Да вот хоть вокруг меня.

Копытца Свиньи переключают штекеры.

Голос Жирка. Правильно! Собрать всех демократов в одном месте — и в Боснию! В Боснию!

Егорка *(дует в трубку)*. Фу! Фу! Что с телефоном?! Алло! Юра!

Жирк. Я не Юра!

Егорка. А кто?

Жирк. Я Володя!

Егорка. Володя, повесьте, пожалуйста, трубку!

Жирк. А вас не повесить?

Егорка. Меня не надо.

Жирк. Если передумаете, позвоните мне следующим летом!

Егорка. Куда?
Жирик. В Кремль.
Егорка. Спасибо.
Жирика. Не за что! Все в Боснию!

Гудки. Егорка снова набирает номер, бормоча.

Егорка. Кошмар какой-то... Алло, Крестьянская? Юра, представляете, меня тут с сумасшедшим домом соединили. Естественно. Про что мы говорили? Про демократов? Разбежались, Юра! Разбежались и прыгнули в разные стороны! Вот если бы всем опять консолиди... Алло! Алло! Да что же это с телефоном, а? На одни жетончики все деньги партии просажу... Что за свинство...

У коммутатора, держа в копытцах по штекеру, сидит довольная Свинья в наушниках.

Свинья. Свинство — не свинство, а техника шалит! *(Всхрюкивая от удовольствия, втыкает штекер.)*

На столе звонит телефон с гербом на диске. Юрь Михалыч снимает трубку. Он сидит за своим рабочим столом, но в кепке. Рядом референт с бумагами.

Юрь Михалыч *(подписывая бумаги)*. Алло! Слушаю! Ну, Юрий. Что? Консолидация демократических сил? Конечно, мы же договорились... Мы же тут не дурачки сидим. Раз договорились — всех на уши поставим, а сделаем. Конечно-конечно, чтобы всем вместе... со всем „Нашим домом...“ *(Перестает подписывать.)* Что значит „с каким домом“? С „Нашим домом Россней“! А? Почему „идiotы“? *(Темнея*

лицом, отводит трубку от уха и дает послушать референту.)

Из трубки слышен истошный крик **Егорки**.

Егорка. А как же мы? Как же мы?

Юрь Михалыч. Кто — „мы“?

Егорка. Это кто говорит? Юрий, вы?

Юрь Михалыч. Я. А это кто?

Егорка. Это Егор.

Юрь Михалыч. Какой Егор?

Егорка. Позвольте... Это Крестьянская партия?

Юрь Михалыч. Вы с ума сошли! Набирайте правильно номер! *(Бросает трубку.)* Егора мне только не хватало! *(Смотрит на телефон с гербом.)* Это он что же — по правительственной связи звонил? Опять? *(Крестится.)* Бог тронцу любит... *(Снимает трубку, бьет по рычагу.)* Алло! Девушка, соедините с Белым Домом!

Свинья *(сидя на телефонной станции).* Девушка! *(Хрюкает от удовольствия.)* Сейчас будет тебе... *(В трубку.)* Одну минуточку! *(Радостно перetyкает штекеры.)*

Голос. Hi! Here we are, Billy and Hillary. We are absent now... Please, speak after the musical „bir“!

В трубке звучит музыкальная тема „Глори, глори, аллилуйя!“

*Привет! Это мы, Билли и Хиллари. Сейчас нас нет дома... Пожалуйста, говорите после музыкального сигнала! *(англ.)*

Юрь Михалыч. Чего?

Свинья (*в трубке*). Белый Дом, как заказывали!

Юрь Михалыч. Давай к нашим звони!

Свинья. К „нашим“? Секундочку!

В каком-то кабинете звонит телефон. Трубку снимает Саша-Генерал. Он сидит в бункере, рисуя на карте России цветными карандашами стратегические стрелки.

Саша. Ну...

Юрь Михалыч. Алло! Это Юрь Михалыч.

Саша. Ну и что?

Юрь Михалыч (*прикрыв трубку ладонью, референту*). Что-то у Виктора Степаныча с голосом... Басом говорит.

Референт. Это он для солидности.

Юрь Михалыч (*в трубку*). Тут мне по правительственной связи Егор звонил...

Саша. Ну и что?

Юрь Михалыч. Как что? Он опять в правительстве?

Саша. Кто?

Юрь Михалыч. Егор.

Саша. Чего от меня-то нужно?

Юрь Михалыч. Виктор Степаныч!..

Саша. Кто?

Юрь Михалыч. Что?

Саша. Кто Степаныч?

Юрь Михалыч. Вы.

Саша. Это я потом буду Степаныч. Бог даст — и Николанч буду! А пока Иваныч я.

Юрь Михалыч. Не может быть.

Саша. Повторяю для дураков: Александр Иваныч! И больше попрошу меня не отвлекать! Я занят!

Юрь Михалыч. Чем?

Саша. Рису. (Кладет трубку.)

Юрь Михалыч (референту, в ужасе). Он рисует. Глазунова нам мало... (Кладет трубку, и тут же раздаётся звонок.) Алло!

Бориска. Кто это?

Юрь Михалыч. Это я.

Бориска. А это я. Куда-то не туда попадаю все время. Ты случайно не знаешь, куда я звоню?

Юрь Михалыч. Не знаю.

Бориска. Почему здесь никто ничего не знает? До каких, понимаешь, пор это будет продолжаться?

Юрь Михалыч. Долго.

Бориска. Да знаю... Ну, ладно. Если вспомнишь, куда я звонил, напиши!

Телефонная станция. Довольно хихикающая Свинья переключает штекеры. В пульте что-то замыкает, начинает идти дым... Голоса в наушниках перебивают друг друга...

Голоса Алло! Мне бы кого-нибудь из республиканцев...

— Каких, к черту, республиканцев? Не в Алабаме!

— А где?

— Сам догадайся!

— Это конституционалисты?

— От конституционалиста слышу!

— Алло! Мне бы „Державу“!

— А скипетра тебе не надо?

— А „Скипетр“ — это что? Это „За Родину“ — или за „Отечество“? На какой платформе?

— Ляля, если на платформе, то бери размер в размер!

— Это ЦК КПР или ЦК ВКП(б)?

— Это ЦК ВПК!

— Ляля, и если будет блейзер...

— А если Россель?

— Алло! „Зеленые“?

— Это голубые.

— Простите, не туда попал...

— Ну, почему не туда (*ласково*), может, как раз и туда...

— Это левый центр?

— Это правые полусредние!

— Это сухие крепленые!

— „Гляжу в озера синие...“

— „Я прошу, хоть ненадолго...“

— „А на кладбище все спокойненько...“

— Алло! Это Михалков или Федосеева-Шукшина?

— А вы куда звоните?

— Да вот я и пытаюсь понять, куда я звоню!

— Ляля! Ну, в общем, ты выбери там чего попрличнее.

ВЫБОРЫ. КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ БЫ В ОДЕССЕ...

(по мотивам рассказов И.Э.Бабеля)

Кладбище. На стене, в ермолках и пейсах, сидят, свесив ноги, двое кладбищенских нищих — Ваня-Рыбка и Егорка.

Егорка. Поговорим о власти, Ваня.

Ваня. Поговорим о молниеносном ее начале и ужасном конце...

Егорка. Три тени загромождают пути моего воображения. Вот Володя Симбирский. Бешенство этого человека содержало в себе все, что нужно для того, чтобы властвовать. Вот Иосиф Грузин. Сталь его поступков — разве не выдержит она сравнение с силой Короля? И неужели Миша Ставропольский имел на что-то рассчитывать, не сумев различить блеск новой звезды? Но почему же один Беня взошел на вершину веревочной лестницы, а все остальные повисли внизу, на шатких ступенях?..

Ваня. Почему?

Егорка (*подумав*). Понятия не имею!

Ресторация в Аркадии. За столиком сидит Бориска-Беня Крик. Рядом — Коржик.

Бориска. Ну! И что вы скажете за Генерала?

Коржик. Он будет спрашивать меня за Генерала!

Бориска. А что, нет?

Коржик. Я вам скажу так: Саша-Генерал — это не кило инжиру с Привоза. Это такой фрукт, что вы еще будете иметь оскомину...

Бориска. И что он себе потом думает: с компаньонами или так?

Коржик. Я знаю?..

Бориска. Нет, он, конечно, видный мужчина и даже умеет ходить строем, но держать этот извоз одному...

Коржик. Кто держит этот извоз, я извиняюсь, еще не ясно! А он в их конторе коренной биндюг...

Бориска. Но биндюг-то, понимаешь, подкованный...

Коржик. Рязанское десантное...

Бориска. Он будет мне рассказывать...

Коржик. Между нами, с хорошими пристяжными этот ломовик таки пойдет в гору...

Бориска. Но их же всех надо кормить! Кто держит этот извоз?

Коржик. Я знаю?

Бориска. Узнай. И — что там еще слышно, у этих шлимазлов?

Коржик. Ай! Делят Одессу, как пирожок.

Бориска. Интриги?

Коржик. Или!

Бориска. Шутишь.

Коржик. Вы знаете Ришельевскую? Так этот Ришелье был ребенок!

Бориска. И что хотят эти босяки?

Коржик. Вы будете смеяться. Они хотят отдать Молдаванку молдаванам...

Бориска. Ты знаешь, что мне сдается? Мне сдается, что у нас горит левый центр.

Коржик. Папаша, выпивайте и закусывайте, и пусть вас не волнует этих глупостей.

Бориска. Есть люди, умеющие пить водку. И есть люди, не умеющие пить водку... *(наливает)*, но все же пьющие ее. *(Пьет.)*

Одесский дворик. На балкончике сидят за чаем Юрь Михалыч и Степаныч.

Степаныч. Ну и?

Юрь Михалыч. Я имею вам сказать пару слов.

Степаныч. Ты всегда имеешь сказать пару слов... Дальше.

Юрь Михалыч. Меня послала тетя Хана с Костецкой. Вы знаете тетю Хану?

Степаныч. Я знаю тетю Хану.

Юрь Михалыч. В Избирком вчера пришли пятнадцать новых блоков, велела вам сказать тетя Хана.

Степаныч. Я знал об этом позавчера. Дальше.

Юрь Михалыч. Они хотят места.

Степаныч. Все хотят места. Когда будут выборы, ты знаешь, мальчик?

Юрь Михалыч. Они будут в декабре.

Степаныч. Мальчик, они будут в июне!

Юрь Михалыч. Кстати, я имею интерес, чтобы мы получили свой гешефт с этого предприятия, не будем говорить о нем громко...

Степаныч. У каждого свой интерес... Ты живешь с Привоза...

Юрь Михалыч. Почему с привоза? С увоза тоже...

Степаныч. А наш дом — Россия!

Юрь Михалыч. Какая Россия, папаша, мы ж на Украине!

Степаныч. Уже?

Юрь Михалыч. Вы будете смеяться, но да.

Степаныч. Тогда наш дом и Украина тоже.

Юрь Михалыч. Я вам скажу, это у вас не голова, это что-то один раз! Будем жить на два дома?

Степаныч. А шо нам делить? Черномырский флот?

Юрь Михалыч. Папаша, пока мы еще не совсем перешли под Кучму, вы таки говорите по-русски!

Степаныч. Боже ж мой, он будет мне учить манерам! Черномы... Черноморский!

Юрь Михалыч. Это две большие разницы, папаша, или четыре маленьких. Так мы будем иметь дело — или гори оно газовым факелом?

Степаныч. Или.

Юрь Михалыч. И что сказать тете Хане за Избирком?

Степаныч. Скажи: Степаныч знает за Избирком!

Юрь Михалыч уходит.

Степаныч (*в сторону кухни*). Человек! Собирай вечерять, пока не переизбрали!

Выстрелы. В контору врывается Паша.

Паша. Кто будет здесь, наконец, за хозяина?

Степаныч. Я здесь буду за хозяина.

П а ш а. Тогда отчини нам, с божьей помощью, бюджет! *(Стреляет в воздух.)*

С т е п а н ы ч. Холоднокровнее, Паша. Вы не на маневрах. И, не будем вспоминать об этом при дамах, но я уже вам все вынул на прошлом налете!

Молдаванка.

З ю г а *(скребет бумагу, бормоча)*. „Мосье!..“ *(Отвлекаясь от письма, с ненавистью.)* Монпасье! Ничего, всех на русский язык переведем! *(Пишет.)* „Положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софиевскую, 17, сорок тысяч рублей...“ *(Отвлекаясь.)* Каких, к маме, рублей!.. Закат в голове... *(Пишет.)* „... сорок тысяч долларов США, мелкими купюрами до девяностого года, на мою избирательную кампанию... Если вы этого не сделаете, так вас ждет такое, что это не слыхано, и вся Одесса будет о вас говорить. С почтением, защитник трудового народа“. Гм-гм-гм... *(Расписывается.)* Бог поможет нам, и мы накажем всех бакалейщиков!

Входит Ж и р и к.

Ж и р и к. Они отбирают у мене голоса, Зюга! Они отбирают у мене голоса и берут их себе!

З ю г а. Кто делает это, Вольдемар?

Ж и р и к. Они это делают все. Скажи, зачем столько партий, зачем, когда уже есть я?

З ю г а. Тебя уже нет, Вольдемар!

Ж и р и к. Что ты сказал? Что сказал?

З ю г а. Клади себе в уши мои слова. Сейчас я буду говорить тебе, как Господь из горящего куста. Биндюжники не пойдут за тобою больше. И не имей эту привычку быть нервным на работе!

Ж и р и к. Он будет мне говорить из куста! Я сам горю, как свечка! Или я не лечился от нервов! Но дай мне вздохнуть, дай мне развести руками!

З ю г а. Тебе некуда девать руки?

Ж и р и к. Войди в положение, Зюга! Если у меня не будет голосов, меня убьют спонсоры. Это дважды два. Это четыре. Это однозначно!

З ю г а. Убей спонсоров, Вольдемар, и забудь про эти цоресы. Садись за пять копеек на трамвай, поезжай в Пароходство и плыви отсюда...

Ж и р и к. Куда мне отсюда плыть?

З ю г а. В Ливию, Вольдемар. Там сейчас такой урожай Каддафи, что хоть завались, и ты не будешь сидеть со своим товаром безо всякого почину...

Ж и р и к. В Ливию! Отличная идея! А личная жизнь?

З ю г а. Там много женщин — можно их бить.

Ж и р и к. Хорошо, поплыли вместе!

З ю г а. Мне нет расчета, Вольдемар. Мой товар берут и здесь.

Ж и р и к. Смотри, как бы не оторвали с руками.

З ю г а. Мы должны держаться нашей пролетарской бранжи!

Ж и р и к. Да, но кто знает, что у него творится под шапкой, у этого Бенчика?

З ю г а. Мы имеем Закон, Вольдемар!

Ж и р и к. Закон кончается там, где начинается Бенья! Притом у нас есть Конституция, а Конституция — это такая дама, у которой сам Бог не узнает, чего она хочет... Если ты возьмешь больше голосов, так Бенья рассерчает, и уйдет много крови...

З ю г а. Но если подойти к нему с деликатными руками... Плыви один, Вольдемар!

Ж и р и к. Мне скучно одному! Мне нужна публика! И зачем мне плыть! Я не водоплавающее! Я не Лебедь, это однозначно!

З ю г а. Ты не Лебедь. Но плыть можешь смело.

Ж и р и к. Почему?

З ю г а. Не утонешь.

Все та же ресторация в Аркадии. Бориска, Коржик. Входит Паша, очень похожий на биндюжника Фроима Грача.

П а ш а. Здоровычка, Беня!

Б о р и с к а. Почтение, Грач! Что вдруг?

П а ш а. Беня, я пришел до вас, как до родной мамы!

Б о р и с к а. Садись, что ты стоишь, как Дюк?

П а ш а. У них у всех генералы, это просто смешно!

Б о р и с к а. За кого ты держишь меня, Грач? Или я не знаю своих раскладов?

П а ш а. У них у всех генералы, Беня! А я сам по себе, как последний поц.

Б о р и с к а. Армия не хочет тебя, Грач.

П а ш а. Почему, Беня? Я же всех забомбил!

Б о р и с к а. Хулиганская морда! Хорошую моду себе взял — убивать живых людей!

П а ш а. Побегите смотреть, если хотите!

К о р ж и к (*Бориске про Пашу*). Что вы скажете на это несчастье? Это же кошмар...

Б о р и с к а. У Грача душа убийцы, но он наш. Он наш, как будто одна мама нас родила. Грач, если бы ты был идиот, я бы отвечал тебе, как идиоту. Но ты умеешь читать и даже играешь в теннис... Говори, чего ты хочешь, человек, и перестанем размазывать белую кашу по чистому столу!

П а ш а. Возьми меня. Я хочу прибиться к твоему берегу. Тот берег, к которому я прибьюсь, будет в выигрыше!

Б о р и с к а. Что-то незаметно, Грач.

П а ш а. Скажи им, пусть попробуют меня...

Б о р и с к а. Где ты хочешь, чтобы они пробовали тебя, Грач?

П а ш а. Пусть попробуют в каком-нибудь списке, Бенья! Я бы хорошо смотрелся в списке!

Б о р и с к а. Ты бы хорошо смотрелся в списке потерь, Грач. Сделай мне, если не трудно, чтобы тебя искали, но не смогли найти.

П а ш а выходит из ресторации.

Б о р и с к а. И вот я один, как один Господь на небе.

В кафе, в большой белой шляпе и белом костюме, весь элегантный и с цветочком в петлице, сидит скучающий Саша-Генерал. Рядом Гриша. Длинная пауза.

Г р и ш а. Саша, шо вы все молчите? *(Пауза.)* Скажите уже что-нибудь, все ждут. *(Пауза.)* Не надо уводить историю в боковые улицы. На боковых улицах не цветет акация и не поспевают каштаны... Между нами, Саша, вы тигр. Вы лев, вы кошка. Вы можете переспать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна. Зачем вам эта головная боль с выборами? В ваших руках нет этого ремесла. Вы не устали так мало говорить?

С а ш а *(задумчиво)*. Саша говорит мало, но он говорит смачно. Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь! Россияне! Слушайте меня ушами!

Кладбище. На стене сидят, продолжая разговор, Егорка и Ваня-Рыбка.

Ваня. Нужны ли тут слова? Они — короли, а мы с вами сидим на стене второго еврейского кладбища и отгораживаемся от солнца ладонями...

Егорка. Ошибаются все, даже Бог. Вышла громадная ошибка, Ваня! Но разве со стороны Бога не было ошибкой поселить демократов в России, чтобы они мучились, как в аду? И чем было бы плохо, если бы мы жили в Швейцарии, где нас окружал бы первоклассный парламент, умная Конституция и сплошные французы?

Ваня. Ошибаются все, даже Бог... Я понимаю...

Егорка. Но что пользы, если на носу у нас по-прежнему выборы, а в душе осень?

СОБАКИ БАСКЕРВИЛЯ

(по мотивам новеллы
Артура Конан-Дойла)

В кэбе едут Степаныч и Ваня-Рыбка. Степаныч с трубкой в зубах и кепке — ни дать ни взять Шерлок Холмс, Ваня-Рыбка — с саквояжем (вылитый Ватсон).

Степаныч. И что же говорит легенда?

Ваня. Легенда говорит о проклятии, висящем надо всем родом Баскервильей.

Степаныч. О проклятии — подробнее.

Ваня. Да вот, знаете... Живут себе, живут, а как кто вступит во владение замком, так сразу и начинается... (*Шепотом.*) Едят их собаки!

Степаныч. Всех?

Ваня. Практически всех.

Степаныч. Что за собаки, Ватсон?

Ваня. Большей частью дикие, сэр. Хотя встречались и с университетским образованием.

Степаныч. Очень странно. (*Закуривает трубку.*) Откуда в этих болотах университет?

Ваня. Ну, наши университеты, вы же сами знаете... КГБ, ВПШ...

Степаныч. А чего мы туда едем?

Ваня. На помощь едем.

Степаныч. Собакам?

Ваня. Баскервилю!

Степаныч. Ага. Еще не съели!

Ваня. Как вы догадались, Холмс!

Степаныч. Элементарно, Ватсон!

Жуткий собачий вой. У камина, в классической обстановке английского родового замка, с газетой „Президент“ в руках сидит в кресле Бориска. На столике возле него стакан молока. Рядом стоит слуга — Паша. В дверях — дворецкий — Андриюша-Козырек. Вой повторяется снова.

Бориска. Почему она, понимаешь, все время воеет?

Андриюша. С голодухи, сэр.

Бориска. Так, может, накормить ее?

Андриюша. Чем?

Бориска. А что она ест?

Андриюша. Все, что может догнать, сэр. *(Уходит.)*

Бориска. Я что-то не догоняю... Что он имел в виду?

Паша. Вас, сэр.

Бориска. Странно. Все имеют меня в виду...

Паша. Ничего странного, сэр. Крупная личность. Куда ни повернешься, везде вы.

Бориска. Так она что же: хочет меня съесть?

Паша. Вне всякого сомнения, сэр.

Бориска. Но зачем?

Паша. Чтобы пожить по-человечески.

Бориска. По-человечески? Это как?

Паша. Вам ли не знать, сэр. Замок, обслуга, охрана...

Бориска. Но она же собака!

Паша. Собака, сэр. Еще какая!

Бориска. Она же не сможет жить в замке!

Паша. Сможет, сэр!

Бориска. Не понимаю.

Паша. Вы тоже не всегда жили в этом замке, сэр... Вас тоже когда-то держали на цепи.

Бориска. Было дело... Но я сорвался. Ты помнишь?

Паша. Еще бы! Как вы их всех...

Бориска. Это была самооборона. Иначе бы они меня пристрелили.

Паша. Как собаку, сэр.

Бориска. Что?

Паша. Я говорю: аппетит приходит во время еды.

Бориска. Кстати, что на обед?

Паша. Бифштекс.

Бориска. С кровью?

Паша. Как обычно, сэр.

Бориска. Давай.

Паша уходит. Вой собаки.

Бориска. Да слышу, слышу...

Паша (*входя с подносом, торжественно*).
Шерлок Холмс и доктор Ватсон!

Бориска. Ты же говорил: бифштекс!

Входят Степаныч и Ваня-Рыбка.

Бориска (*идя навстречу*). Наконец-то! Дорогой Холмс! Что вы думаете про это чудовище?

Степаныч. Это не чудовище. Это мой друг, доктор Ватсон...

Бориска. Я — про собаку.

Степаныч. Про собаку слышал. Но я ничему не верю. Я — практик. Газа у вас тут не найдется?

Бориска. Может быть, лучше стаканчик виски?

Степаныч. Зачем?

Бориска. А зачем газа?

Степаныч. Травануть собаку.

Бориска. Газа нет.

Степаныч (Ване). Зря приехали.

Ваня (напоминает). Мы приехали помочь сэру Баскервилю.

Степаныч. Ах, да! Так что у вас тут с фауной?

Бориска. С фауной у нас порядок. А собаки едят людей.

Степаныч. Хорошо.

Бориска. Чего ж хорошего?

Степаныч. Хорошо, что не наоборот.

Бориска. Так это ж, понимаешь, Англия, а не Чукотка...

Степаныч. Вы уверены?

Бориска. Сейчас уточню. (Паше.) Это Англия?

Паша. Не то слово.

Ночь. По скрипучей лестнице поднимается Андриюша-Козырек. В руке у него фонарь. Подойдя к окну, он несколько раз сигналил фонарем в темноту и начинает спускаться. У поворота лестницы его подстерегает Степаныч.

Степаныч. Что вы там делали?

Андриюша. Где?

Степаныч. У окна.

Андриюша. Дышал воздухом, сэр.

Степаныч. А почему с фонарем?

Андриюша. Дурная привычка, сэр.

Степаныч. Кому ты сигналил в темноту?

Андрюша. Просто так. *(Степаныч припирает его к стене.)* На Запад сигналил.

Степаныч. Зачем?

Андрюша. А они там за нас боятся, на Западе. Вот я и сигналю: мол, живые мы. Движемся курсом реформ. Не съели нас еще...

Степаныч. А кто вас должен съесть?

Андрюша. Ну, эта, которая на болоте...

Степаныч. Ты веришь в собаку Баскервильей?

Андрюша. Я верю в победу демократических сил. А собаку я слышу. Она тут воев каждую ночь. *(Слышен жуткий вой.)* Примерно вот так.

Степаныч. О Господи...

Ваня *(появляясь в ночном колпаке и со свечкой)*. Холмс! Холмс!

Степаныч. Не бойтесь, Ватсон. Она далеко.

Ваня. Кто?

Степаныч. Собака.

Ваня. Какая собака?

Степаныч. Которая сейчас выла.

Ваня. Это выл я, Холмс!

Степаныч. Зачем?

Ваня. Мне приснился сон.

Степаныч. Какой сон, Ватсон?

Ваня. Мне снилось, что от меня что-то отделяется слева. Руки, ноги...

Степаныч. Тут плохой климат, Ватсон. Будьте осторожны.

Андрюша. Чистая правда, сэр. Может само отделиться, а могут и ампутировать. *(Вздыхает.)* Вплоть до головы.

Вой с болота. Бориска в ночном колпаке и со свечой ходит по спальне. Вой с болота повторяется. Потом к собаке присоединяется другая, третья...

Бориска. Развылись, понимаешь. Оголодали без власти. *(Открывает окно.)* И сколько их?.. *(Кричит.)* Зюга, Жирик! Генерал, фу! *(Закрывает окно.)* Ишь, как заходятся. *(Прислушивается.)* Особенно которые слева. Которые справа, те как-то хоть повоспитанней воют. Тоже жутковато, конечно, но как-то, понимаешь, по-человечески. А которые слева... *(Жуткий вой.)* Во! И близко как! Совсем они отвязанные, что ли? *(Всматривается через окно в темноту.)* Ну, ладно... Пугать они меня, понимаешь, будут... Сейчас я им дам... пресс-конференцию! *(Снова открывает окно и жутко, по-собачьи, воеет в сторону болота. Вой оттуда тут же срывается на визг и прекращается.)* То-то. Я сам себе оппозиция! Власти им... Да я на этом деле собаку съел! И еще не одну съем...

Степаныч в сопровождении **Андрюши-Козырька** идет по галерее вдоль вереницы портретов. В портретах угадываются черты советских вождей.

Степаныч. Что это?

Андрюша. Семейная галерея.

Степаныч. Владельцы замка?

Андрюша. Они...

Степаныч. То-то я гляжу — похожи!

Андрюша. А как же! Одной крови...

Степаныч. А кто пустую раму повесил?

Андрюша. Семейная традиция.

Степаныч *(в изумлении).* А?

Андрюша. На всякий случай. Ежели что — чтобы, значит, сразу вставить портрет...

Степаныч. Чей?

Андрюша. Откуда мне знать? Свято место пусто не бывает...

Утро. Степаныч и Ваня-Рыбка гуляют вдоль болота.

Степаныч. М-да... Милое местечко...

Ваня. И чего они все в замок этот хотят? Между нами — жуткое дело, Холмс! Всю жизнь среди болот, под охраной... И потом — собаки эти...

Степаныч. Собаки — это лирика, Ватсон. А вот недвижимость... Замок вот этот, красного кирпича... *(Мечтательно.)* Такой бы замок да в собственность, годков, для начала, на пять... Это, Ватсон, не комнатка на Бейкер-стрит... Чуете разницу?

Ваня. Чую, Холмс. Я ведь тоже... с нюхом. Чую!

Степаныч. Тут не то что среди собак — среди гадюк заживешь!

Ваня. Не хочу среди гадюк.

Степаныч. Тогда сидите в Лондоне, доктор, и лечите избирателей! А в борьбе за будущее Баскервиль-холла нужны люди с крепкими нервами! Держите футляр.

Ваня *(беря футляр)*. Вы будете играть?..

Степаныч. Первую скрипку, Ватсон!

Ваня. Здесь?

Степаныч. А где же, по-вашему! И-эх! *(С размаху швыряет скрипку в болото.)*

Ваня. Что вы делаете, Холмс?!

Степаныч. Начинаю предвыборную кампанию! Заткните уши, доктор. *(Приставив ладони ко рту, истошно, по-собачьи, воет в сторону замка.)*

ЭЛЕН И ЕЕ РЕБЯТА

(по мотивам „Илиады“)

Развилка дорог, дорожные указатели: „ТРОЯ — 1 км“, „ИТАКА — 100 км“, „МАРАФОН — 42 км 195 м“. Ночь, костер, привал. Возле походной кухни сидят: Гриша, Жирик, Зюга, Саша-Генерал. Едят и пьют. Возле них штандарты с лозунгами: „Присоединим Трою к Помпеям“, „Даешь метаморфозы!“, „Свободу Церберу!“.

Зюга. Греки! На повестке исторические задачи...

Гриша. Дожили... Опять задачи.

Жирик. Какие еще задачи?

Зюга. Очередные задачи эллинизма! К лету взять эту крепость! Восстановить законную власть богов по всей территории Средиземноморья. Выполнить план по лаврам, национализировать Фивы, вернуть Крит. Героям — по бюсту, предателей — на Ахерон...

Гриша. На что?

Зюга. На что слышал! И вообще — надо больше думать о нуждах простого греческого народа!

Жирик. Я не могу больше думать.

Гриша. Думай меньше.

Жирик. И меньше не могу. Я вообще не могу думать... *(Кричит.)* Я ее хочу!

Зюга. Кого?

Жирик. А то вы сами не знаете? Ее! Из-за которой мы все сюда сбежались!

Пауза. Все тихонько вздыхают, глядя на крепость.

Зюга. Хоть бы потрогать ее...

Гриша. Вам только дай... Сначала потрогать, потом семьдесят лет не слезете!

Жирик. Я ее хочу!

Зюга. Какое совпадение.

Гриша. Будем откровенны: мы все ее хотим. Но она одна, вот в чем проблема.

Саша. Так точно. Всех она не выдержит.

Троя. У стены, глядя вниз, на костер осаждающих, стоят **Бориска** и **Степаныч**.

Бориска. Как ты думаешь, они, все — чего от меня хотят?

Степаныч. Ясно чего... Ее.

Бориска. Ага! Чтобы, значит, отдал?

Степаныч. Именно.

Бориска. Насовсем?

Степаныч. Не напрокат же.

Бориска. А кому?

Степаныч. А вот это они еще не решили.

Бориска. Нахалы. Пускай, понимаешь, сначала между собой разберутся!

Степаныч. Между собой они до зевсовых поминок не разберутся!

Бориска. Во-от, а туда же... Ахейцы, понимаешь!

Степаныч. Клейма ставить негде.

Бориска. Ну, наши тоже... не боги. *(Кивает в сторону, где Коржик, Паша и Ерик играют в кости.)*

Степаныч. Хвала небесам. С такими лицами — они бы весь Олимп распугали...

Бориска *(Ерику)*. Эй, любимец богов, сходил бы что ли в разведку по собственному желанию.

Пир у стен Трои.

Гриша. Ну вот скажи, хитроумный, зачем она тебе?

Жирик. Ишь ты! А тебе?

Гриша. Я — другое дело. Я доблестный муж. Практически, Аякс.

Жирик. А я — практически Фейенорд.

Гриша. Я бы правил этой Троей... по-божески.

Зюга. Не ты один...

Гриша. Нет, я бы как раз один!

Зюга. А как же коллективное руководство?

Гриша. А никак.

Саша. Коллективом хорошо сортир драить. А командовать надо кому-то одному!

Зюга. Кому?

Саша. Повторяю для глухих: одному. А остальным — драить сортир.

Гриша *(декламируя)*. Правду речет, не стесняясь, Ахилл Приднестровский. Как шлемоблещущий Фаллос, копьё воздымает.

Саша. Упал — отжался. „Фаллос“...

Гриша. Простите, занесло...

С а ш а. Ты смотри у меня..

Г р и ш а. Это гекзаметр.

С а ш а. Будешь выпендриваться — убью как последнюю Андромаху!

Г р и ш а. Но мы же интеллигентные люди. Как же без гекзаметра, когда у нас тут Троя...

З ю г а (*пересчитав присутствующих*). Больше.

Троя. Бориска и Ерик. Чуть сзади — Степаныч и Ваня-Рыбка.

Б о р и с к а. Та-ак... А что про меня говорят?

Е р и к. А про вас, извиняюсь, говорят: мол, пользовался ею, и хватит...

Б о р и с к а. Не хватит. У меня еще сил — ого-го!

Е р и к. Я-то знаю. А они говорят: пора на покой...

Б о р и с к а. Значит, на покой меня хотят?

Е р и к. Это еще мягко сказано.

Б о р и с к а. Угу... (*Задумывается. Степанычу.*) А если, значит, отдам ее, то оставят в покое?

С т е п а н ы ч. Можно договориться...

Б о р и с к а. Потому что, действительно, с нею — какой покой? С нею — одни войны... Но кому отдать?

В А Н Я. Надо спросить совета у богов.

Б о р и с к а. Спрашивал. Говорят: если б в надежные руки... Так ведь ты у нас, говорят, на всю Элладу один, можно сказать, порядочный руководитель.

С т е п а н ы ч. Еще бы они по-другому сказали.

Б о р и с к а. И главное, все время требуют жертв. Ладно, пошли бы вы оба!

С т е п а н ы ч. Куда?

Б о р и с к а. А вот к ним! Поштурмовали бы для виду. Ты справа, ты слева... Только, чур, понарошку!

С т е п а н ы ч. А уж это — как получится...

У стен Трои. Все уже возбуждены.

З ю г а (*выпив, кричит в темноту*). Оккупант! Трудящиеся Древней Греции, объединившись под знаменами Гекаты... (*Срывает голос.*)

Г р и ш а. Отдохни.

З ю г а (*сипло*). Ренегат! Парис уральский! Похитил власть...

Г р и ш а. У кого?

З ю г а. У этого... у Менелая! Шесть лет владел ею Менелай этот... „Уперед... усей Грецией... к обновлению эллинизма...“

С а ш а. Действительно, Менелай...

З ю г а. А потом уехал в Форос, на Эвксинский Понт, — и с концами...

Ж и р и к. А не надо было отъезжать... С Понтом муж, называется! Я, когда ее возьму, шагу не отойду! Никто пальцем не коснется! Всех женихов в эшелоны и на Север, однозначно!

Г р и ш а. Эх, Троя, Троя, кто тебя выдумал?

З ю г а. Дед Пихто! Пей...

Ж и р и к. Не хочу!

З ю г а. А чего хочешь?

Ж и р и к. Я туда хочу, внутрь!

Г р и ш а. Зря возбуждаешься.

В Трое.

Б о р и с к а (*глядя вниз*). Ишь, обложили...

К о р ж и к. Осада...

Б о р и с к а. Я сам кого хошь осажу! Молоды еще!

К о р ж и к. В том-то и дело, что молоды. И все ее хотят. И, заметьте, одновременно!

Бориска. Ну, это уже, понимаешь, какая-то групповуха... Не отдам, и все!

Коржик. Ох, чую, штурмовать будут...

Бориска. Ну и пусть!

Коржик. Так ведь там героев... Что ни претендент, то какой-нибудь Агамемнон...

Бориска. И много их?

Коржик. Плюнуть некуда!

Бориска. И все герои?

Коржик. Не то слово! Некоторые даже Герои Советского Союза!

Бориска. Это еще что за эпос?

Коржик. Это такой эпос, что можно в Лету кануть!

Бориска (*задумчиво*). В Лету — к лету... Не хотелось бы, понимаешь.

Коржик. Еще бы не понять. Ой, кто это?

Входит в женской одежде **Егорка-Кассандра**.

Бориска. Да-а... Ходит тут одна, пророчит все время... Мы уж привыкли. Не бойся.

Егорка. Вижу, вижу национализацию руин! Вижу Троию во мраке! Вижу Илион, покрытый обкомами... Горе, горе всем нам!

Бориска. Ну уж не всем.

Егорка. Идет, идет караул на пост номер один! Бог Рейтинг отвернулся от нас, троянцы!

Бориска. Давай ступай отсюда... Кассандра, понимаешь!

Егорка. Боги, боги!.. Зачем вы отвернулись от демократии? (*Уходит.*)

Бориска. Боги ничего такого не делали! Правду я говорю?

Коржик. Всегда.

Бориска. Кстати... (*Жест на небо.*) Какие агентурные данные?

Коржик. Ну, вы же знаете: там, наверху, вечно свои разборки... Никак сферы не поделят... У Зевса контры с Посейдоном. Аполлон за нас, Афина за них... Аид поставил всех на счетчик. Держим на контроле.

У стен Трои. Все уже сильно разгорячены.

Зюга. Зима, греки!

Гриша. Ну и что?

Зюга. Согреться бы. Штурманем?

Жирик. Что толку штурмовать! Четыре года штурмуем...

Саша. Вам специалист нужен.

Жирик. На себя намекает.

Зюга (*Саше*). Штурманем вместе!

Гриша. Ничего у вас не получится.

Зюга. Почему?

Гриша. Опять небось копыя друг у друга выдирать будете, агамемпионы несчастные!

Зюга. А вызвать этого оккупанта один на один!

Жирик. "Один на один", однозначно! В прямом эфире!

Гриша. Опять возбудился.

Жирик. Поберегись!

Бросает в сторону Трои стакан. Через пару секунд из темноты доносится звон разбитого стекла.

Голос Бориски. Я тебе пошвыряюсь, приду-рок!

Из темноты вылетает другой стакан, со звоном бьет Жирика по шлему. Жирик падает. Общее смятение.

Жирик (*приходя в себя*). Греки! Не надо с ним один на один, однозначно.

Зюга. Почему?

Жирик. Убьет.

Саша. Нет, эту крепость нужно брать иначе...

Над стеной Трои начинает вырастать, становиться все больше и больше, заслонять все собою тень огромного коня. А на стене Трои, наблюдая за происходящим, сидят, играя в кости, Паша и Ерик.

Паша. Глянь-ка, чего там у нас внизу происходит?

Ерик. Сам не видишь?

Паша. Не-а.

Ерик. Слепой! Гомер, в натуре. Гуманитарная помощь пришла!

Паша. От данайцев?

Ерик. От нанайцев! Какая разница! Дареному коню в зубы не смотрят... Давай бросай свои кости!

ВЫБОРЫ. КАК БЫ ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ...

(по мотивам американского кино 90-х)

*Квентину Тарантино
посвящается...*

TWO DAYS BEFORE...*

Комната без окон. На стульях в два ряда сидят: Степаныч, Паша, Андриюша-Козырек, Жирик, Зюга, Егорка, Ваня-Рыбка, Саша-Генерал. Перед ними стоит Бориска.

Бориска. Операция состоится в воскресенье, 17 декабря. Всего один день, но очень тяжелый. Слушайте меня внимательно. По всей стране в тюрьмах сидят отличные ребята — медвежатники, мокрушники и извращенцы; — они сидят и спрашивают себя: почему мы здесь, а не в Государственной думе? Они говорят: ты виноват — нет, ты виноват, — и вешают друг другу дерьмо на уши. Но у них нет депутатской неприкосновенности, мать их, и они будут вешать друг другу это дерьмо еще десять лет с конфискацией. Поэтому запомните: главное — отход. Все должно быть в порядке; вся процедура займет несколько часов, потом подсчет — и вы в безопасности

*За два дня до... (англ.)

на пять лет. Но никто из вас не должен называть друг друга, понимаешь, по имени, никогда! Никаких фамилий, адресов там, подробностей, и как зовут жену или спонсора...

Гриша. А как мы будем называть друг друга?

Бориска. По цветам.

Паша. Тогда я Тюльпан.

Жирик. Я Нарцисс, однозначно.

Саша. Кактус.

Бориска. Это все ерунда, что вы тут говорите. Запоминайте, потому что второй раз я повторю это на ваших похоронах. (Егорке.) Ты будешь — Мистер Синий, (Ване.) ты — Мистер Зеленый, — ты Мистер Коричневый...

Жирик. Не хочу быть Коричневым.

Бориска. Почему?

Жирик. На говно похоже.

Бориска. Тогда тем более ты — Коричневый.

Жирик. Я не согласен!

Зюга. Кончай ты, дерьмо собачье, мать твою! Какая разница!

Жирик. Ага! Тогда давай махнемся.

Бориска. Никто не будет ничем махаться!

Жирик. Не буду Коричневым!

Степаныч. Хочешь, я его пристрелю?

Бориска. Не надо, мать его. Пускай мучается...

Ну, значит, про него все все поняли, о'кэй... Дальше. Мистер... э-э...

Зюга. Мистер Красный!

Бориска. Знаю...

Зюга. Переходящий...

Гриша. Куда, мать твою, ты все время переходишь?

Зюга. Заткнись, не твое дело! Красный, переходящий... Ежеквартальный!

Гриша. Ты голову себе в обкоме отсидел, парень. Так никто не запомнит!

Бориска. Слушайте, парни, у меня проблема. Вас больше, чем цветов... Какие у нас еще остались?

Андрюша. Голубой.

Бориска. Хорошо, вот ты и будешь...

Паша. А я давно замечал: как какой иностранец с визитом, мать его, — этот рядом...

Все отсаживаются от Андрюши.

Андрюша. Я хочу быть того же цвета, что и ты!

Бориска. Это невозможно.

Андрюша. Почему?

Бориска. Я их все время меняю, мать их!

Андрюша. Зачем?

Бориска. Для конспирации, мать ее! Кто остался без цвета?

Паша. Я!

Бориска. Мистер Черный!

Паша. Я — черный?

Бориска. А какой же, мать твою?

Паша. Я белый! Я весь в хаки, но белый.

Бориска. Я скажу тебе одну вещь, парень. Одну простую вещь, мать твою, парень, чтобы все стало на свои места. Ты просто белых не видел.

A DAY BEFORE...*

„Макдональдс“. Те же — едят. Звучит тема Мадонны — „As a virgin“.

*За день до... (англ.)

З ю г а. Слушай, про что это, „Как девственница“?

А н д р ю ш а. Один момент... (*Слушает, переводит.*) Это о девке, которая хочет найти парня с большим членом. И находит его.

Ж и р и к. Точно. Это про Чиччолину.

З ю г а. А где она нашла этого парня?

А н д р ю ш а (*показывая на Жирика*). Этого?

З ю г а. А она нашла этого?

А н д р ю ш а. Он сам ее нашел. Он все приключения на свою задницу находит сам.

Г р и ш а. При чем тут Чиччолина? Это метафора — большой член! Метафора, уроды, мать вашу!

Ж и р и к. Сам ты метафора, кретин!

Е г о р к а. Да нет, эта песня про нежную девушку, как она встречается со своим парнем...

П а ш а. Кончайте вешать мне дерьмо на уши, ублюдки, вашу мать!

С а ш а. Сам кончай, дерьмо собачье!

П а ш а. Что ты сказал?

С а ш а. Я сказал: собачье дерьмо!

П а ш а. Кому ты сказал „собачье дерьмо“?

С а ш а. Тебе.

П а ш а. Ну вот это другое дело. А то я сначала не расслышал.

С т е п а н ы ч. Про что вы говорите? Это не про какую-то там девственницу, которая встречается с хорошим парнем. Не может этого быть. Все, что вы говорите, это ерунда.

Е г о р к а. А ты помнишь „Йеллоу сабмарин“?

Г р и ш а. Такое старое дерьмо я и слушать не буду!

З ю г а. Да нет, про что мы говорим? Я говорю об этой песне! Про эту девку, которая только и думает: член, член, член, член...

Жирик. А я вышел!

Зюга. Что?

Жирик. Я был член, но вышел.

Степаныч. Откуда ты вышел, если ты был член?

Зюга. Заткнись, кретин, мать твою, при чем тут ты, я тебе толкую про девуку!

Гриша. Чего там с ней случилось, говори скорее!

Зюга. Я сам не знаю! Я хотел узнать у этого мерзавца, потому что только он тут понимает языки, мать его!

Андрюша (*слушает, переводит*). Она трахается, и ей больно. Ей не должно быть уже больно, она, слава Богу, натраhalась уже за это время, но этот парень трахает ее, и ей больно, и эта боль напоминает этой трахательной машине то, как она была девственницей. Отсюда и название песни: „Как девственница“.

Степаныч. Хорошо, что он все объяснил нам, этот парень. А то я пять лет слушаю эту песню и ума не приложу — чего ей надо, мать ее!

NEXT DAY AFTER...*

Саша-Генерал тащит на себе окровавленного Егорку.

Егорка. Хорошенькое воскресенье...

Саша. Воскресенье как воскресенье, мать его.

Егорка. Они убили меня. Я умру.

Саша. Ты врач?

Егорка. Нет.

Саша. Тогда откуда ты знаешь, что умрешь?

*На следующий день после... (англ.)

Егорка. Я знаю. Никто не даст за мою жизнь и пяти процентов.

Саша. Чепуха.

Егорка. Мне все говорили: этого воскресенья ты не переживешь. А я не верил.

Саша. Ты зря не веришь людям, парень. Эти ублюдки знают, что говорят, мать их.

Егорка. Зачем я ввязался в это дело? Надо было сразу сказать: я ухожу...

Саша. Хватит молоть это дерьмо! Повторяй: со мной все будет в порядке.

Егорка. Со мной все будет в порядке. А когда?

Саша. Не знаю. Но ты же крепкий парень. Кто у нас крепкий парень?

Егорка. Я.

Саша. Такой крепкий, мать твою. Держись, Мистер Синий!

Егорка. Я синий?

Саша. Синий.

Егорка. Они убили меня.

Саша. С тобой все будет хорошо, парень. Но ты будешь жалеть, что не умер.

Егорка. Зачем ты спасаешь меня?

Саша. Привычка.

Егорка. Кто-то здорово нас подставил. Какая-то гнида, мать ее.

Саша. Мы пришли. Представляешь, мы добрались, сука!

Егорка. Куда?

Саша. Сейчас увидим...

Входят в помещение склада. Там, привязанный к стулу, с заклеенным ртом сидит Зюга. Над ним — Жирик.

Егорка. Что они делают?

Саша. Сотрудничают. Пойду отмоюсь, Не буду им мешать. *(Уходит.)*

Егорка. Не уходи. Не оставляй меня! *(Теряет сознание.)*

Жирик. Наконец-то мы остались вдвоем...

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Давай познакомимся? Ты кто?

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Очень приятно. А я Мистер Коричневый.

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Что? Не расслышал. Ну ладно. Ты любишь суперзвук семидесятых? *(Включает радио.)*

Я — обожаю.

Звучит тема „Мой адрес — не дом и не улица...“ Дальнейшую часть диалога Жирик ведет, пританцовывая.

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Какая жалость, я опять не расслышал, что ты сказал.

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Какие планы на вечер?

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Не может быть. А кто хотел всех победить? Кто это был?

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Что?

Зюга. М-м-м-м!..

Жирик. Не может быть, чтобы я ослышался. *(Вынимает скальпель.)* Как интересно-то все. *(Отрезает Зюге ухо.)* Скажи, тебе так же хорошо, как мне?

З ю г а. М-м-м-м!..

Жирик. Не уходи никуда, я сейчас. *(Выходит со склада. Открывает багажник, достает канистру с бензином и шланг, возвращается.)* Ты любишь гореть на работе?

З ю г а. М-м-м-м!..

Жирик, отсосав из шланга, обливает Зюгу бензином и чиркает зажигалкой. Выстрелы. Жирик падает. Егорка с пистолетом в руке тяжело опускается на пол. В склад входят Саша, Гриша, Степаныч.

Степаныч. Что здесь произошло?

Егорка. Он хотел его сжечь.

Степаныч. Кого? Его? *(Стреляет в Зюгу.)*

Гриша. Если ему не помочь, он умрет.

Степаныч. Какие у тебя проблемы?

Гриша. Проблемы у него. Он может помереть.

Степаныч. Мне очень жаль. Где Мистер Зеленый? Где Желтый и Черный?

Гриша. За их жизнь тоже никто не дал пяти процентов.

Степаныч. Сколько дадут за нашу? Превратили обыкновенное ограбление в резню! Дешевки! Нас было слишком много! *(Целится в Егорку.)*

Саша. Опусть пистолет!

Степаныч. Он заслужил смерть!

Саша. Пусть помучается. *(Целится в Степаныча.)* Стоять — бояться!

Степаныч. Отойди!

Саша. Буду стрелять.

Гриша. Эй! Ребята! Вы что! Мы же профессионалы! Кому это надо? Эй!

Степаныч. Уйди с дороги, ублюдок!

Саша. Стреляй. Я тоже не промахнусь, мать твою.

Гриша. Эй! Кончайте! *(Целится в Сашу.)*

Егорка *(Грише)*. А вот от вас — не ожидал!

С этими словами Егорка стреляет в Гришу, тот, падая, — в Сашу, Саша — в Степаныча, Степаныч в — Егорку. Все помирают. Через несколько секунд дверь открывается и входит Бориска. За его спиной виднеется Коржик. Некоторое время оглядывают кровавый пейзаж.

Бориска. Вот оно, значит, как... Красный, Коричневый, Белый... Какая, понимаешь, незадача... Все такие перспективные...

Коржик. Оторваться хотели...

Бориска. Оторвались — дальше некуда...

Коржик. Когда пойдем на следующее дело?

Бориска. Летом. Кадровую проблему только решим — и пойдем. *(Показывая на трупы.)* Не с кем же работать...

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

*Увеличению срока срочной
службы посвящается...*

Несколько секунд мирной тишины и темноты. Потом вдруг — резкий свет и истошный крик: „Рота, подъем!“ Ничего не понимающий, жмурящий глаза от света **В а н я — Р ы б к а**. Вскрывающийся в испуге в кровати **Ж и р и к**. Перед рядом коек стоит с горящей спичкой в копытке **О ф и ц е р — К о з е л**.

К о з е л. Пока спичка сторит — рота должна стоять! Пять секунд... десять...

Это — казарма. И новобранцами в ней — наши герои. Они возятся в проходе между коек, мешая друг другу. **Е г о р к а** не может попасть рукой в рукав гимнастерки, **Ж и р и к** — ногами в брюки, **З ю г а** в ступоре смотрит на растянутую в руках портянку, не зная, что с нею делать...

К о з е л. Быстрее, уроды моральные! Пятнацаты! Не успеете — всех сгною!

С верхней койки на все это смотрит ошалевший **Г р и ш а**.

Г р и ш а. Приснится же такое... Кошмар... (*Укры-*

вается с головой, но рука-копыто тут же срывает с него одеяло.) Что за хамство?

Козел. Подъем был, салага! Оглох?

Гриша. Ты кто?

Козел. Подъе-ем!

Гриша. Дурдом. Хуже Думы. (Начинает слезать с койки.)

Козел. Строиться, взвод!

Жирик. Слушай, где это мы?

Зюга. У него спроси.

Жирик. Эй, слушай, ты, животное...

Козел молча берет Жирика за лицо копытом и толкает. Жирик падает.

Жирик. Кажется, я все понял. Мы в армии.

Все стоят в строю. Вид у шеренги жалкий. Перекошенные гимнастерки, брюки пузырем, портянки торчат из сапог, пилотки пирожками.

Козел (проходя вдоль строя). Та-ак... Чмо на чме...

Егорка. Какое бескультурье... Что значит „чмо“?

Козел. „Чмо“ — значит чмо! Два наряда вне очереди!

Егорка. За что?

Козел. За разговоры в строю! Бегом в сортир, солдат.

Егорка. Спасибо, я не хочу.

Козел. Солдат! Это армия. Здесь в сортир идут тогда, когда этого хочет старший по званию! (Визжит.) Бегом!

Егорка исчезает. Саша стоит в строю, образцово-показательный, как на картинке.

Козел. О! Выйти из строя! Солдаты, запомните! Вот так должен выглядеть нормальный человек! К концу учебы всем иметь такое лицо! Встать в строй!

Саша встает в строй.

Козел. Солдаты! Даю вам еще один шанс. Отбой по полной форме, десять секунд! Время пошло!

Все мгновенно оказываются в койках.

Гриша (*шепотом, в сторону соседней койки*). Как вы думаете, коллега, куда оно пошло?

Ваня. Кто?

Гриша. Время.

Ваня. Скоро увидим.

Политподготовка. Все сидят с тетрадками в руках, на табуретках, в колонну по три перед трибункой. **Зюга** конспектирует, **Ваня** дремлет, **Жирик** пуляет бумажными шариками в **Сашу**. На трибунке перед картой мира — **Козел** в лейтенантской форме бубнит по конспекту.

Козел. ...по ОСВ-2. (*Замечает спящего Ваню.*) Курсант!

Ваня испуганно вздрагивает и раскрывает глаза.

Еще раз так надолго моргнете, застрелю. (*Уткнувшись в конспект.*) С честью выдержав период ядерной конфронтации, наши вооруженные силы перешли к плодотворному сотрудничеству с бывшим наиболее вероятным противником, который угрожает безопасности России, развивая экспансию блока НАТО на

восток. На восто-ок... Записали? *(Пауза.)* Все прогрессивное человечество приветствует крепнущее партнерство России и Северо-Атлантического блока в горячих регионах, наносящее заметный ущерб стратегическим интересам нашей державы во имя мира во всем мире. Записали?

Ж и р и к. Записали.

К о з е л. Вопросы есть?

Е г о р к а. Есть.

К о з е л. Задавайте.

Е г о р к а. Скажите, когда нас будут кормить?

Столовая. Гул, звон жестяных мисок, стук лавок. Идет выдача продуктов. В окошко хлеборезки всовываются руки, оттуда выдаются тарелки с маслом. Правит в хлеборезке хлеборез Степаныч. В окошке появляется прапорщик Паша.

П а ш а. Эй, хлеборез! *(Осматривает горы сахара и масла.)* Богато живешь...

Степаныч. Беда, прапор. Уж как стараюсь жить скромнее, да все не получается. Как дела?

П а ш а. Зашибись. Поедим?

Степаныч. Ты только-только ел вроде.

П а ш а. Ну и что? Прапорщик должен есть все время.

Степаныч. Зачем?

П а ш а. Такая работа. Иначе это не прапорщик уже получается, а какой-то, прям, рядовой первого года службы!

Степаныч *(с ножом возле ящика с маслом)*. Сколько тебе?

П а ш а. Ты мою норму знаешь. Паечку, да еще две, да пяток сверху.

Степаныч. Не треснешь?

Паша. А это уже оскорбление личности. А за оскорбление моей личности знаешь чего бывает?

Степаныч. Знаю.

Паша. Что?

Степаныч. Амнистия!

Инструктаж. Прапорщик Паша читает по бумажке.

Паша. Солдаты! Довожу до личного состава распоряжение помкомполка по хозчасти по пользованию уборными полка!

„Первое. Уборная должна всегда содержаться в чистоте.

Второе. В очки и писсуары уборной не должно бросать мусор, тряпки, окурки, спички, грязь, остатки пищи.

Третье. Пользоваться очками надлежит, не забираясь на них ногами, а садиться, как на стул, с полной нагрузкой, так, чтобы ягодица целиком и плотно облежала деревянную подушку очка. Корпус тела держать прямо и совершенно не давать при посадке упора на ноги, а слегка отдалив от пола, ноговую тяжесть перенести на ягодицу, имея руки положенными вдоль соответствующих коленей.

Четвертое. При пользовании писсуаром до окончания процесса от писсуара не отходить и по полу не разбрызгивать, указанным путем давая возможность быть сухому полу около писсуара.

Помкомполка по хозчасти!* Вопросы есть?

Егорка. Есть.

Паша. Вопросов нет.

*Инструкция по пользованию туалетом сочинена не мною. Я бы так не смог. Авторство принадлежит некоему подполковнику Шиманкову. (Примеч. авт.)

Чистка оружия.

Ж и р и к. Хорошая вещь автомат. Простая в употреблении. Чуть что не так, просишь человека отойти к стенке, и никаких проблем.

Г р и ш а. А какне у тебя проблемы?

Ж и р и к. Если автомат у меня, то никаких.

З ю г а. Зачем стенка? Это крайности. Можно без стенки.

Ж и р и к. Можно, но неудобно.

З ю г а. Удобно-удобно. И экономично. А экономика какой должна быть?

Е г о р к а. Рыночной.

З ю г а. Тьфу на тебя. Экономика должна быть экономной! (*Жирику.*) А ты, дурак, предлагаешь шлепнуть рабочую силу.

Ж и р и к. А что же делать?

З ю г а. Не надо открывать Америку.

Ж и р и к. Гадость какая, открывать ее еще!

З ю г а. Натяни проволоку, поставь вышку, а внизу пускай все эти негодяи трудятся.

Г р и ш а. Которые?

З ю г а. Которые не хотят строить коммунизм добровольно. (*Прицеливается в Егорку.*) Уйдите, вы мне перспективу заслоняете.

Е г о р к а. Опустите эту дурацкую машину.

С а ш а. Это не дурацкая машина. Это АК-74. Самое страшное оружие для ближнего боя.

Ж и р и к. Самое страшное оружие для ближнего боя — моя голова.

С а ш а. Почему?

Ж и р и к. А она у меня — со смещенным центром тяжести. Куда ни попадет, все в ключья разносит.

Ночь. Все лежат в койках.

Егорка. И вот, значит, льешь на сковородку масла, оно, понимаете ли, шипит, а ты картошечки, мелко наструганной, да прожарить как следует, да с антрекотом с лучком...

Жирик. Под пиво...

Саша. Молчи, гад! Не трави душу!

Жирик. „Тверское“ темное, однозначно!

Саша. На!

Стук. Крик.

Жирик. Чей сапог? Кто кинул в меня сапогом?
С какой фракции?

Пауза.

Зюга. Лучше не так. Лучше плов. Такой, знаете, разваристый плов с мелко нарезанным черносливом...

Гриша. С морковкой наструганной... А сбоку — барашек с косточкой...

Жирик. И под пиво.

Саша. На!

Стук.

Жирик. Чей опять сапог?

Саша. Мой.

Жирик. Тогда другое дело.

Егорка. Ой, ребята, вы слышали: в Москве скоро выборы.

Гриша. Ну и черт с ними! Что ты там про плов начал, давай, говори...

Зюга. Так я и говорю: мелко-мелко нарезать морковки, изюм, чернослив...

Общий голодный стон.

В а н я. Тихо! Дембель пришел.

Ж и р и к. Ну и что?

В а н я. Чего-то злой он пришел — и пьяный, как свинья...

Свет в глаза. В проходе стоит Д е м б е л ь. Он не просто пьян, как свинья, — он просто С в и н ь я и есть.

С в и н ь я. Отделение, строиться! Подъем по полной форме, уроды!

Минута — и все стоят в строю.

С в и н ь я. Солдаты! У меня накрылся дембель. Я в печали. *(Пауза.)* Какая тварь увеличила мне срок службы? Русским нетвердым языком спрашиваю: какая тварь увеличила мне срок службы?

Е г о р к а *(Жирику)*. Говорили тебе: не голосуй за эту гадость!

Ж и р и к. Ребята, я пропал... Однозначно!

С в и н ь я. Кто голосовал за то, чтобы я не ушел на дембель — выйти из строя! *(Пауза.)* Не хотите? Ну стойте, стойте... Сейчас „деды“ придут с результатами голосования...

С а ш а. Накрылось, Жирик, твое пиво!

Ночь. Е г о р к а в „бытовке“ пишет письмо.

Е г о р к а. „Дорогая мама! Посылаю тебе боевой привет из солнечного Забайкалья! *(Ежится.)* Живем мы тут хорошо... *(задумывается, продолжает письмо)* а кормят нас плохо. Мама, ты не знаешь, почему в армии так плохо кормят?..“

СБОР ПОДПИСЕЙ. КАК ЭТО БЫЛО...

Дверь с номером „1“. З ю г а нажимает дверной звонок. Звонок играет начало темы „Славься!“. И тишина.

З ю г а. Ч—черт! Нет никого, что ли? (*Звонит еще раз.*)

Г о л о с из-за двери. Кто там?

З ю г а. Сбор подписей!

Дверь приоткрывается на цепочку. За дверью — К о р ж и к.

К о р ж и к. Чего?

З ю г а (*заученно*). Сбор подписей в поддержку обновленной Коммунистической партии России. Мы ходим по квартирам, из дома в дом, от человека к человеку, к старому и малому...

К о р ж и к. Нету здесь ни старых, ни малых.

З ю г а. Вы ответственный квартиросъемщик?

К о р ж и к. Ответственный подойти не может.

З ю г а. Почему?

К о р ж и к. Потому и не может, что ответствен-

ный. Тяжелый груз ответственности на нем. Стоит и не шевелится, чисто Атлант.

Зюга. Так ведь выборы...

Коржик. Какие могут быть выборы, когда такая ответственность...

Зюга. Позовите.

Коржик. Не могу, честно.

Зюга. Я прошу вас. Мы должны дойти до каждого...

Коржик. Считайте, что вы уже до всех дошли.

Голос Бориски. Что там еще?

Коржик. Да вот, человек за подписью пришел.

Бориска (появляется). Опять Указ? Не могу я больше, рука отсохла уже...

Коржик. Не Указ. Выборы у него...

Бориска. А-а... (Зюге.) Ты кто?

Зюга. Мы проводим сбор подписей в поддержку обновленной Коммунистической партии России. Мы ходим по квартирам, из дома в дом, от человека к человеку, к старому и малому... Может, откроете дверь-то?

Бориска. Зачем?

Зюга. Мне так агитировать неудобно.

Бориска. А ты не агитируй. Ты так просто, по-человечески, значит, поделись наболевшим.

Зюга. Я по-человечески не могу. У меня программа...

Бориска. Компьютер, понимаешь... Ну, хорошо, давай...

Зюга. У меня длинная программа. Мне через шелку неловко.

Бориска. А ты в общих чертах.

Зюга. Ну тогда, значит, вот... (Достает программу.) Ликвидация антинародного режима...

Бориска. Так-так... Уже интересно.

Зюга. Восстановление державы от Бразаускаса до Туркменбаши на добровольных началах!

Бориска. Ясно. Дальше.

Зюга. Всемерное укрепление совхозно-колхозного движения... Дружба народов...

Бориска. Всех?

Зюга. Да их много-то не останется после укрепления... Потом это... укрепление рубля, снижение инфляции, повышение уровня благосостояния трудящихся, остановка спада производства, восстановление сбережений вкладчиков, повышение нравственности, упорядочение налоговой системы, шефство народа над армией... или наоборот, я уже не помню... *(Копается в листках.)*

Бориска. Неважно, дальше.

Зюга. Дальше — обогащение неимущих.

Бориска. Это как?

Зюга. А так: берется имущий и...

Бориска. Ясно.

Зюга. Братский союз со странами лагеря.

Бориска. Какого лагеря?

Зюга. Нашего! Джамахирия, значит, да с крылатым копом раскосый, да усатый в берете, да бородастый на острове... Ну и в Африке пара вождей.

Бориска. И все? И весь лагерь?

Зюга. Лагерь — дело наживное. Вот только соберем подписи, и... Преступников, разваливших державу, — под суд!

Бориска. Ну, это само собой. Дальше.

Зюга. Куда дальше-то?

Бориска. Вся программа?

Зюга. Вся!

Бориска. Симпатичная программа. И, значит, я должен за это подписаться?

Зюга. Ага. Как демократ — просто обязан!

Бориска. Не понял.

Зюга. Вы же за народ?

Бориска. За народ.

Зюга. А у нас как раз все для блага народа! Пускай народ и выбирает!

Бориска. Народ уже один раз, понимаешь, выбрал. В девяностом еще году! Больше не надо.

Зюга. Надо.

Бориска. Первое слово дороже второго.

Зюга. Вы обязаны проявить эту... *(смотрит в шпалгалку)* толерантность!

Бориска. Обязан — проявлю. *(Коржику.)* О чем это он? *(Зюге.)* Ну, давай свою цидулю... *(Подписывает бумагу.)* Под суд, говоришь?

Зюга. Ага!

Бориска. Славно придумано...

Коржик. Мне тоже нравится.

Бориска. На твой листок.

Зюга. Спасибо вам от имени всего трудового народа. *(Берет листок и уходит.)*

Бориска. Всегда пожалуйста...

Зюга уходит. Звонок.

Коржик. Кто там?

Егорка *(из-за двери)*. Демократический выбор.

Коржик. Чего?

Егорка. России.

Коржик. Я спрашиваю: чего надо?

Егорка. Подпись надо. К выборам.
Коржик. Это опять к вам.

Дверь открывается. За нею — Бориска.

Бориска. Привет.

Егорка. Здравствуйте.

Бориска. Говори.

Егорка. Мы просим поддержать наше движение. В нашей программе (*перечисляет, разгибая пальцы из кулака, начиная с большого*): стабилизация финансовой системы, снижение инфляции, серьезные изменения на макроэкономическом уровне, способные обеспечить повышение уровня благосостояния трудящихся, более интенсивная интеграция в мировое сообщество, остановка спада производства, упорядочение налоговой системы, широкое привлечение инвестиций в экономику, задействование рыночных инфраструктур при разумном государственном контроле в ключевых областях... Вам все понятно, что я объясняю?

Бориска. Не дурак.

Егорка. Разумеется, в области внешней политики — взвешенные и активные отношения в рамках существующих институтов...

Бориска. Я уже все понял.

Егорка (*показывает на Коржика*). А он?

Бориска. А ему не надо. Давай свою бумажку. (*Подписывает.*) Кто ж тут против инфраструктур?

Егорка. Спасибо. Большое спасибо.

Бориска. А скажи, чего это ты руками делал?

Егорка. Что?

Бориска. А вот... (*Показывает.*)

Егорка. А-а... Это я перечислял!

Бориска. Ты, значит, когда здесь перечисляешь чего-нибудь, ты больше не разгибай пальцы-то. Не в Принстоне.

Егорка. А что же мне с ними делать?

Бориска. А ты их загибай. Здесь все загибают — и ты загибай. А то народу обидно.

Егорка уходит. Звонок.

Коржик. Кто там?

Жирик (*из-за двери*). Открывай, либералы пришли!

Коржик (*Бориске*). Это к вам.

Бориска (*открывая дверь*). Чего надо?

Жирик. Ставьте подпись вот тут, где галочка!

Бориска. Зачем?

Жирик. Ставьте, я потом объясню! Не надо вашей демагогии! Ставьте подпись, голосуйте за либералов, все, как один, отдавайте свои голоса, деньги отдавайте, теплые вещи, столовое серебро, антиквариат, однозначно!

Бориска. Ты, понимаешь, кто такой?

Жирик. Да, я кто такой! Ставьте, где галочка, я приведу вас к победе, но сначала вы приведете к победе меня. Это диалектика, это надо сделать быстро! И не надо думать, тут уже есть кому думать, уже есть один человек, больше не надо, ставьте подпись! Будет сильная держава — хлеб будет, песни, танцы народов мира, однозначно! Вы за державу, нет? Или против? Не слышу! Что?

Бориска. За державу.

Жирик. Тогда ставьте, где галочка, и не задерживайте, у меня еще полподъезда не взболтано!

Жирик уходит. Звонок.

Коржик (*устало*). Кто там?

Гриша. Это я, почтальон Печкин. Шутка. Открывайте, это — я.

Коржик (*испуганно*). Я?

Гриша. Я! С большой буквы.

Коржик (*Бориске*). К вам.

Дверь открывается.

Гриша. Вас волнует демократическое будущее России?

Бориска. Волнует.

Гриша. Ну так поддержите его.

Бориска. Поддерживал уже, чуть сам не свалился. Тут один до вас пальцев назагибал...

Гриша. Это ерунда. Это все было не то. А то — перед вами. Подпишитесь, что вам, жалко?

Бориска. Кого?

Гриша. Кого-нибудь жалко?

Бориска. Себя жалко.

Гриша. Ну вот и подпишитесь. Когда власть будет у нас, вам же будет лучше. Вы будете жить в свободной, процветающей, демократической России, без этого азиатского маразма. Будете много зарабатывать честным трудом, не зависеть от всяких прохвостов в Кремле... Вы хотите много зарабатывать честным трудом?

Бориска. Хочу.

Гриша. Вот ручка, подпишитесь.

Бориска (*подписываясь*). Кто ж не хочет много зарабатывать...

Гриша уходит. Звонок.

Коржик (обреченно). Кто там?

Саша-Генерал. Я!

Коржик. Это уже было.

Саша. Этого — еще не было. Открывай!

Дверь открывается.

Бориска. Насчет выборов?

Саша. Так точно!

Бориска. Сильная держава, борьба с коррупцией?

Саша. Так точно!

Бориска. Стабилизация рубля, искоренение преступности?

Саша. Так точно!

Бориска. Остановка спада, повышение нравственности?

Саша. Так точно!

Бориска. Народ и армия едины?

Саша. Ура.

Бориска. Где подписаться?

Саша. Вот тут.

Бориска. Готово.

Саша. Разрешите идти?

Бориска. Идите.

Саша поворачивается и, уходя, натывается на Ваню-Рыбку.

Бориска. Давай свою бумажку. (Забирает из рук Вани подписной лист и начинает расписываться.)

Ваня (*автоматически, полупшепотом*). Мы, блок левого центра, предлагаем взвешенную политику разумного компромисса, основанную на недопущении конфронтации и переносе акцента реформ в социальную плоскость...

Бориска всовывает ему в руки бумагу и, уходя, со стуком захлопывает дверь.

Коржик. Вы зачем им всем наподписывали?

Бориска. А затем, что... (*вдруг начинает говорить по-французски.*)

Коржик. Что-о?

Бориска. Перевожу: „Я не разделяю ваших убеждений, но, понимаешь, готов отдать жизнь за ваше право свободно их высказывать“. Это, значит, Вольтер сказал.

Коржик. Кто это сказал?

Бориска. Вольтер.

Коржик. Вольтер, а дурак.

А на лестничной клетке, все еще бормоча, стоит **Ваня**.

Ваня. Расширяя контакты с трудовыми коллективами страны, находясь в постоянном взаимо... (*Осекается, заметив, что говорит сам с собой.*)

Снизу по лестнице поднимается **Степаныч**.

Степаныч. Ты чего?

Ваня. Так... Задумался.

Степаныч. Не надо нам этого совсем. У него (*кивок на дверь*) — все дома?

Ваня (*честно*). Знаете, не понял.

Коржик (*из-за двери*). Кто там?

БРАТЯ РАСКОЛЬНИКОВЫ

(по мотивам „Преступления и наказания“)

Полутемный подъезд. На лестничном пролете появляется Ж и р и к — в длинном пальто, с топором под полой. Стук двери. Ж и р и к прячется за косяк. Из квартиры выглядывает З ю г а.

З ю г а. Родион Романыч!

Ж и р и к. А!

З ю г а. Вы что тут делаете?

Ж и р и к. Так, прогуливаюсь. Моцион.

З ю г а. По подъезду?

Ж и р и к. А что, хорошее местечко! Свежий воздух, тишина.

З ю г а. Ну-ну. А что это у вас под полой?

Ж и р и к. Это? Топорик.

З ю г а. Это у вас не топорик, Родион Романыч. Это целый топор.

Ж и р и к. Ну целый, ну и что? Что мне, с половиной по подъезду гулять?

З ю г а. С половиной надо в гости ходить! А по подъездам да с топором — лучше одному.

Ж и р и к. Какие гости, тут своих не знаешь, куда девать!

З ю г а. А что такое?

Ж и р и к. Преступность!

З ю г а. Где?

Ж и р и к. Всюду преступность.

З ю г а. То-то вы с топором ходите...

Ж и р и к. Ну! Того гляди — нападут.

З ю г а. Да кому на вас нападать?

Ж и р и к. Всем подряд, буквально! Враги, масоны, империалисты — все спят и видят уничтожить, все куплены! Старушки-процентщицы нападают... Самооборона, однозначно!

З ю г а. Страшно небось?

Ж и р и к. Не то слово! От зеркала шарахаюсь.

З ю г а. Это как раз понятно. Кстати, о старушках. Во-он та дверь.

Ж и р и к. Я знаю.

З ю г а. Ну вот и хорошо, ну и ступайте себе, милейший.

Ж и р и к. Куда?

З ю г а. А вы куда шли?

Ж и р и к. Я? (*Неопределенно машет рукой.*)
Я так, вообще, навверх...

З ю г а. Там крыша уже.

Ж и р и к. Крыша — ерунда, крыша давно съехала!

З ю г а. У нас не едет.

Ж и р и к. Демагогия! Почему не едет?

З ю г а. Потому что (*стучит по черепу*) чердак классиками забит до самых стропил!

Ж и р и к. Ерунда ваша классика, однозначно! Пушкин там, Ватрушкин, Муму попала под паровоз...
Какая, говорите, дверь к старухе?

З ю г а. Вот эта. А причем тут Муму? У нас другие классики...

Ж и р и к. А, тоже с бородами, знаю! Ерунда!

З ю г а. Сам ты „ерунда“. У нас в обкоме одних бюстов на три тонны было!

Ж и р и к. Бюстов?

З ю г а. Студент, не напрягайтесь так. Ваше дело — старушки.

Плац. Люди в шинелях.

Г о л о с С а ш и-Г е н е р а л а. Делай — раз!
Делай — два! Бабку — ру-уби! Отставить.

С а ш а с указкой в руках, рядом — учебный щит. На щите рисунок и надпись: „Старушка-процентщица в разрезе“.

С а ш а. Объясняю в последний раз для тупых студентов. Это — бабка в разрезе. Это — голова бабки. Голова слабая, поэтому бить надо сильно. Удар производится два раза: первый раз зимой, второй — летом. Бить со спины, слева наискосок, в затылочную часть черепа... В этом проявится ваш патриотизм и любовь к Родине. Вопросы? Вопросов нет. Нале-во! К чучелу старухи-процентщицы шагом — арш! Р-раз, р-раз, р-раз — два — три-и... Продолжаем практические занятия. Ставлю задачу. Парализация бабки с первого удара, окончательный завал со второго. Бабки у нас есть, остается вдарить! Напуганная старуха-процентщица может дать до одиннадцати-двенадцати процентов зимой и до тридцати летом. Товсь! Дела-ай — раз! Дела-ай — два! Бабку — ру-уби!

Егорка и Гриша сталкиваются у подъезда.

Егорка. Прошу!

Гриша. Даже не просите. *(Входит в подъезд.)*

Егорка *(вслед, по инерции)*. Только после вас...

Гриша. Еще бы!

Егорка *(идя за Гришей)*. Мужчина! Простите за беспокойство: старуха-процентщица здесь живет?

Гриша. Здесь, здесь... *(Поднимается по лестнице.)*

Егорка. Вы, что ли, тоже к ней?

Гриша. Да... Есть одно дельце.

Егорка. Надо же. И у меня — одно.

Гриша. У вас упало.

Егорка. Спасибо. *(Поднимает с пола топор.)*
Это не упало. Это только временно понизилось.

Гриша. Вам бы завязать надо.

Егорка. Как — „завязать“?

Гриша. Просто — завязать, и все. Не ваше это дело, — на старушек с топором ходить. Больно вы нежный.

Егорка. Да мне много-то от нее не надо, от процентщицы... Процентов бы пять-шесть...

Гриша. Вы думайте, что говорите, любезный! Если каждый по пять-шесть процентов у нее возьмет, что мне останется?

Егорка. Не знаю.

Гриша. А вы посчитайте. Считать-то умеете?

Егорка. Умею.

Гриша. Из студентов небось?

Егорка. Конечно. Мы же с вами — с одного потока. Неужели не узнаете?

Гриша. Не узнаю. *(Вынимает из-за пазухи топор.)* Извините — дела!

Наверху слышен какой-то стук.

Егорка. Ой, там кто-то есть.

Гриша. „Кто-то...“ Да там уже все давно!

В подъезде, наверху.

Жирик *(всматриваясь в лестничный пролет)*. Слушайте, там какие-то два гуманитария поднимаются...

Зюга. Выше меня никто не поднимется.

Голос Сашин *(снизу)*. Слева побатальонно — за топорами — бего-ом... арш!

Жирик *(выглядывая в окошко на лестничной клетке)*. Ой, и еще какой-то естественник с квадратной челюстью... Слушайте, да они же все сюда! К старушке!

Зюга. Какой-то студент пошел нервный... У вас моцион — ну и гуляйте себе!

Жирик. А вы?

Зюга. А я за порядком присмотрю.

Жирик. Вы, что ли, управдом?

Зюга. Я — жилец.

Жирик. А кто не жилец?

Зюга. А это сейчас посмотрим. *(Выволакивает из-за угла точильный станок.)*

Жирик. Что вы делаете?

Зюга. Хочу быть поближе.

Жирик. К чему?

З ю г а. К трудящимся массам!

Ж и р и к. Какие тут трудящиеся массы, где вы видели трудящихся в этом подъезде?

З ю г а. Уж какие есть! Ветераны... пенсионеры... ну и эти опять же... *(Сильно стесняясь.)* Старушки-процентщицы... Извини, братец. *(Достаёт из-под полы топор, начинает точить.)*

Ж и р и к. Что это?

З ю г а. Орудие пролетариата. И давай, студент, гуляй, тут сейчас такое начнется...

Ж и р и к. Я тоже хочу! Тварь я дрожащая — или право имею?

З ю г а. Ты, конечно, тварь. Но право имеешь. Ладно, оставайся.

Ж и р и к. А как вас звать-то?

З ю г а. Тезки мы. Родион Романович я. И эти — тоже.

Ж и р и к. Боже мой!

З ю г а *(точа топор).* Бога нет.

Квартира. В ней — „сестры-старушки“, **Бориска** и **Степаныч**.

Бориска. Лизавета, а что, понимаешь, не идет к нам никто?

Степаныч. Ой, да Господь с ними, сестрица. Надоели.

Бориска. Нет, ну просто интересно, почему не идут?

Степаныч. Ничего интересного. Ходят вокруг одни и те же...

Бориска. Ты слава Богу скажи, что новых нет. С этими-то я хоть знаю, что делать...

Степаныч. Грязная публика возле тебя, сестрица. Грех это.

Бориска. Так ведь такой город — одни студенты.

Степаныч. Хорошенькие студенты!

Бориска. Есть и хорошенькие. Но большей частью, конечно, — такая, значит, гадость... Никаких процентов не захочешь!

Степаныч. Так ты бы отдохнула, коли так. В монастырь али просто в приют, а?

Бориска. Не уговаривай меня, Лизавета. Пока силы есть, буду, понимаешь, бороться за процент!

Звонок в дверь.

Бориска. Вот они, значит, голубчики. Я же говорил: придут! За капитальцем—то своим... за политическим! *(Открывает дверь на цепочке. Смотрит в щелочку. За дверью, плечо к плечу, стоят — справа налево — Гриша, Саша, Зюга и Жирик.)*

Жирик. Ку-ку.

Бориска. Не понял.

Гриша. Чего тут не понимать? Это мы.

Бориска. Что-то много вас, студенты! Чем, понимаешь, обязаны?

Жирик. Пришло время расплаты.

Бориска. Не беспокойтесь, я могу и подождать.

Зюга. А мы уже нет.

Саша. Пора, бабушка... Пора!

Бориска. Ну пора так пора. Входите. *(Открывает. Все входят.)* Ну, давайте, что ли...

Зюга. Сейчас-сейчас...

Жирик. Сейчас дадим, однозначно!

Бориска. Кто первый? Ну, давайте, что ли, по алфавиту...

Пришедшие переглядываются.

Гриша. Это нечестно!

Саша. Почему?

Гриша. По алфавиту до меня может не дойти.

Жирик (*Саше*). Он знает алфавит?

Саша. Притворяется.

Зюга. По алфавиту так по алфавиту!

Бориска. Ну? Кто первый?

Все переглядываются и расступаются. За их спинами, не замеченный дотоле, обнаруживается Егорка.

Егорка. Что? Я первый?

Зюга. По алфавиту.

Егорка. Хорошо. (*Бориске.*) Только не надо смотреть мне в глаза, мне страшно!

Бориска. А куда тебе смотреть?

Егорка. Я должен обсудить этот вопрос во фракции. (*Роняет из-под полы топор.*)

Бориска. Что это?

Егорка (*теряясь*). Это? Это мы хотели запустить в космос, чтобы он вращался вокруг Земли вместо Луны!

Бориска. Достоевщина какая-то...

Зюга. Эх! Вот вам, от всех социально незащищенных слоев! (*Зайдя сзади, бьет Бориску топором по голове. Топор ломается. В руках у Зюги остается топорщице.*)

Бориска. Что-то я не понял.

Зюга (*глядя на топорщице*). Я тоже.

Жирик. Эх, все равно пропадать, однозначно! (*Бьет Бориску по голове. Топор разлетается на куски.*)

Бориска. Лизавета, как ты думаешь, чего им всем, значит, от меня нужно?

Степаныч. Пойду помолюсь за тебя, сестрица. *(Уходит в комнату, бормоча.)* Святой Никола-Избирком, спаси и сохрани!

Голос Сашн *(из коридора)*. Делай — раз! Делай — два!

Степаныч. Святой Никола-Избирком, не делай ни разу!

Голос Сашн. Руби-и!

Степаныч осторожно выглядывает в коридор. Бориска стоит там среди обломков топоров и обессиленных, вповалку лежащих гостей.

Бориска. Вот что я скажу вам, студенты. Надоели вы мне со своей агитацией, понимаешь, хуже горькой редьки!

Гриша. Извините, мадам. Погорячились.

Бориска. А насчет вот этого всего... Это вы забудьте. Об меня не то что топор — об меня, понимаешь, который год судьба пополам разламывается!

„ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО“

(по Н.В.Гоголю)

Кабинет. Стол с портретом Бориски. За столом, под лампой с абажуром, сидит Андрюша-Козырек. Он что-то пишет.

Андрюша (*бормочет, скребя бумагу*). Октября двенадцатого. Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение. С утра пошел в присутствие на Смоленскую площадь. Признаться, я бы совсем не пошел туда, зная заранее, какую кислую мину сделает потом их вот это вот превосходительство. (*Кивая на портрет Бориски, стоящий на столе.*) Любит меня, но скрывает и, чтобы никто не догадался, все время унижает морально...

Бориска (*с портрета*). Что это у тебя, братец, в голове ералаш такой? Ты, понимаешь, мечешься по миру, как угорелый; национальные приоритеты иной раз так спутаешь, что и сатана не разберет! Ты хоть, значит, заведи себе толкового референта! (*Застывает на портрете.*)

Андрюша. Я давно не обижаюсь на него. Он в душе добрый. Если глубоко-глубоко посмотреть...

Я бы вообще не ходил в департамент, кабы не надежда свидеться с казначеем и авось—либо выпросить у него хоть сколько—нибудь на укрепление дикорпуса! Вот еще создание! Удавится, а денег не даст!

Распахивается дверь, за ней стоит Степаныч.

Степаныч. Не дам! *(Закрывает дверь.)*

Андрюша *(вздыхает)*. Нет, я решительно не понимаю выгод служить в этом департаменте! Никаких совершенно ресурсов. Вот в оборонке или если на нефти... А то бы и у Самого... ах, ах! Молчу... *(Вздыхает мечтательно.)* Там совсем другое дело. Там, смотришь, иной прижался в самом уголку и перышком скребет, фрачишка на нем жалкий, фамилии нету, рожа такая, что плюнуть хочется... а посмотри ты, какую он дачу нанимает! Да и не посмотришь еще! Шлагбаум за версту и заборы, заборы... А ежели еще кто с их превосходительством в теннис играет, то вообще не подступись! Юпитер в глазах! Зевс, истинный Зевс! Зато у нас благородство службы. Да, признаюсь, если б не благородство, я бы давно оставил это поприще... Одна радость — по—англицки с порядочными людьми поговорить... *(Мечтательно.)* Sorry... Good evening... What time is it?*

Часы бьют три раза, чередуя удары с кукованьем механической кукушки.

Андрюша *(обращаясь к часам)*. Thanks!*

*Извините... Добрый вечер... Который час?
(англ.)

*Спасибо! *(англ.)*

Наплыв.

Сегодня сидел в кабинете их превосходительства, починил для него 23 пера... Он очень любит, чтобы было много перьев (*голосом Бориски*), чтобы, значит, потом их повсюду, понимаешь, вставлять!.. (*Спохватывается.*) Ой... А лицо у их превосходительства все время значительное, особенно когда спит. А иной раз скажет два слова на таком странном языке, что все эксперты потом три года стараются определить, что это было... У, должно быть, голова! Все молчит, а в голове, я думаю, все обсуживает... Желалось бы узнать, о чем он больше всего думает, что такое затевается в этой голове. Хотелось бы мне рассмотреть поближе этих господ, как они, что они делают в своем кругу, когда не играют в теннис... (*Часы бьют.*) Тс-с... Понимаю: государственная тайна!

Отходит к окну, смотрит, потом начинает рассказывать снова.

Октября двадцать шестого... К десяти пришел в присутствие. Швейцар странно посмотрел и взял под козырек. Я давно знал, что во мне есть важность, я и женщинам нравлюсь... Дел было немного; гулял по коридорам, смотрел в окна и считал ворон... Одна ворона перекаркивалась с другой, и я даже понял, о чем, хотя и смутно. Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда видеть и слышать такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал... Они обсуждали между собой положение в ОБСЕ, но, завидя меня, сразу перелетели на другое дерево. Позвал проходившего мимо референта, но он почему-то

отказался мне переводить и убежал, озираясь. Не иначе — тут заговор: я думаю, это вредит немец!

Бой часов, кукованье.

А н д р ю ш а (кукушке). А я тебе говорю: немец!

Когда бой часов заканчивается, А н д р ю ш а сидит уже в колпаке и халате, с чашкой чая.

Из присутствия пошел прогуляться на Садовую. Вместе со мной из швейцарской, вставши, отправилось восемь каких-то молодцов, каждый размером с платяной шкаф. Я попытался было спрятаться от них за фонарь, но они меня нашли и вытащили наружу. Обижать не стали, а объяснили, что все наоборот, это они меня охраняют... Бог мой, от кого меня охранять, ведь я никому не сделал зла! Потом как-то — числа не помню, день был без числа — швейцар поклонился в пояс и сказал мне: здравствуйте, господин министр! Я и раньше знал, что я министр, но не твердо...

Ставит чашечку, подходит к зеркалу. В зеркале отражается П а ш а.

О Господи!

П а ш а в зеркале подмигивает по-свойски.

Матушка моя!

Идет к столу, возвращается, осторожно заглядывает в зеркало еще раз, и оттуда снова выплывает физиономия Паши. А н д р ю ш а подходит к окну, задумывается.

Точно — министр! Только чего?

В раздумье роняет чашку из окна. Жуткий вой и разрыв, как от авиационной бомбы. Дребезжат стекла, кусок зеркала вываливается из рамы.

Кажется, я министр обороны.

Берет со стола лампу-коптилку, сквозь стенку проходит в черную раму разбившегося зеркала — и бредет по длинному коридору, рассказывая.

Ноября тридцать шестое, третий день пятница. Снял сюртук, примерил военную форму. Пошла. Причем пошла сама. Я ее догнал и сделал ряд соответствующих распоряжений. Приходили журналисты, интересовались прогнозами по Боснии и Герцеговине Флор. Спрашивали про состояние здоровья, сказал, что чувствую себя хорошо. Хотели побить. Оказывается, мое состояние здоровья никого не интересует, а всех интересует здоровье его превосходительства. Когда он болеет, их всех почему-то трясет. Когда они уходили, я их догнал и пообещал, что мы не остановимся перед силой, чтобы восстановить мир везде, где он еще есть. Журналисты отмахивались от меня штативами, но интервью я все-таки дал. Мундир жмет, и сапоги тоже, я их всех потихоньку снял еще во время пресс-конференции. Хотел найти сюртук, но не смог. Хожу в плюмаже на босу ногу. Все время сумерки. Поехал баллотироваться в Мурманск. Холодно и сыро. Выступал перед матросами, кричал не своим голосом (*вдруг кричит голосом Жирика*): „Не отдадим ни пяди своей земли, и чужой не отдадим, японцам — кукиш с маслом, янкам — гоу хоум, мы великая держава, однозначно!“ Почему-то никто

не аглодировал. Моряки зачем-то все надели фраки. В самолете мне рассказали, что это был не Мурманск, а Стокгольм. Послал телеграмму с просьбой о финансовой помощи. Если не дадут, взорвем чего-нибудь на Новой Земле. Чай, не глупей Ширака.

Возвращается к себе в комнату, останавливается и считает последовательный бой часов и кукование механической кукушки.

Один, два, три... восемь... одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четы... Ага! Часики, значит, уже „ку-ку“! А я в полном порядке.

Наплыв. Андрюша сидит весь какой-то растрепанный, тихий...

Дня не было. Было черт знает что такое. Ходил в присутствии. Не пустили. Швейцар отобрал пальто и зонтик и сказал, что я больше не министр. Целый день просидел в приемной у его превосходительства...

Подходит к зеркалу — оттуда на него смотрит Коржик в ливрее швейцара и ухмыляется. За спиной у Коржика проходит Бориска.

Бориска (*остановившись и поглядев сквозь зеркало на Андрюшу*). Ты языки какне-нибудь знаешь?

Андрюша. Знаю.

Бориска. Забудь. (*Уходит за раму зеркала.*)

Бой часов. Андрюша лежит в кровати с грелкой на

голове. Открывается трюмо, оттуда выходит
Коржик.

Коржик. Собирайся. Едем.

Андрюша. А? Что? Куда?

Коржик. В Париж едем. Потом в Штаты.

Андрюша. Так меня же уволили...

Коржик. Уволили.

Андрюша. Так зачем же?..

Коржик. Не знаю. Едем. *(Уходит сквозь зеркало и скрывается в отражении двери.)*

Андрюша подходит к зеркалу.

Андрюша *(поет)*. Мы едем, едем, едем в далекие края... Ау-у!.. Крыша-а!..

Присаживается за стол. Стук в дверь.

Войдите!

Входит Костик.

Костик. Здравствуйте.

Андрюша. Присаживайтесь, любезный. *(Отражению.)* Оказывается, я в Ватикане!

Костик. Нет, голубчик, в Ватикане — я!

Андрюша. А где я?

Костик. А вы... *(Вздыхает.)* Ну, это скоро выяснится... В общем, мы где-то рядом...

Андрюша. Зачем он берет меня с собой, если я не министр?

Костик. Этого не знает никто.

Андрюша. А он?

К о с т и к. Он — тем более. Будьте осторожны.

А н д р ю ш а. В смысле...

К о с т и к (*шепотом*). Когда мы с их превосходительством плавали на корабле, они на меня за что-то прогневались и выбросили за борт. (*Пауза.*) Вы — самолетом летите?

А н д р ю ш а. Самолетом.

К о с т и к. Ну вот... (*Напоминает.*) За борт. (*Растворяется в воздухе.*)

А н д р ю ш а. Неспроста все это.

Пауза. Часы делают один раз: „Бом — ку-ку!“.

В газетах пишут, что у президента нет достойного преемника. Я думаю: не может такого быть. Не может быть, чтобы совсем не было преемника. Он, должно быть, есть, но находится где-нибудь инкогнито...

Часы делают один раз: „Бом — ку-ку!“ — и падают, разлетаясь вдребезги.

Восемьдесят шестое мартабря. Сегодня — день величайшего торжества! У президента есть преемник. Этот преемник — я! С минуты на минуту жду депутации, меня должны отвезти в Грановитую палатку и там передать полномочия... А вот и депутация.

Слышна сирена „скорой помощи“.

Дверь открывается, входят Паша, Коржик и Ерик в белых халатах.

А н д р ю ш а. Едем?

К о р ж и к. Едем.

По коридору едет каталка с привязанным к ней
д р ю ш е й.

А н д р ю ш а. А знаете ли вы, что у алжирского
бея под самым носом шишка?

П а ш а. Не знаю.

Е р и к. Ему можно верить. Он у нас — по ино-
странный части...

„ЖЕНИТЬБА“

(по мотивам пьесы Н.В.Гоголя)

По гостиной ходит Степаныч с блокнотиком. Осматривает, сверяя с записями.

Степаныч. Угу... Просторный дом, фундамент, так... Окно на север — открыто, на запад — прорублено... Ископаемые... (*Озирается.*) Ну, чего-чего, а ископаемых здесь...

Звонок. Суeta в передней.

Голос Жирика. Привет! В морду хошь?

Женский голос. Нет, батюшка.

Голос Жирика. На! Привет!

Грохот, входит Жирик.

Степаныч. Физиономия этого человека мне подозрительна. Чуть ли он не затем же сюда пришел, что и я. Вы, верно, имеете какую-нибудь надобность до хозяйки?

Толчая прислуги у замочной скважины.

Прислуга Косяком пошли! Женишки...

— Дай посмотреть-то! Ох, и здоровые оба...

И еще кто-то пришел! И еще!

— Зачем столько-то?

— А что? Много — не мало.

— Не век же ей в девицах сидеть!

— Это еще какой муж попадетя.

А то лучше в девицах.

Гостиная. По креслам сидят женихи: Степаныч, Жирик, Егорка, Саша-Генерал, Гриша. Паузу прерывает Степаныч.

Степаныч. Чего пришли?

Егорка. Странный вопрос.

Саша. По делам...

Степаныч. Знаю я ваши дела. Под венец небось хотите!

Гриша. Если на то, вы тоже хотите под венец!

Степаныч. Я — другое дело. Я основательный человек.

Гриша. И что же вы такого основали?

Степаныч. Так я вам и рассказал.

Жирик (*вдруг*). А если и жениться!

Степаныч. Что?

Жирик. Я говорю: почему бы и нет?

Егорка. Посмотрите на себя. Зачем вам жениться?

Жирик. А за волосы ее таскать!

Егорка. Вы взбалмошный!

Жирик. Я темпераментный.

Егорка. Вы неуправляемый!

Жирик. Я независимый.

Егорка. Вы сумасшедший!

Жирик. А ей только такой и нужен, однозначно!

Стол под скатертью, лампа под абажуром. Женские руки, раскладывающие карты. На столике, кроме карт — свечка и портрет **Бориски** в купеческом наряде.

Женские голоса Опять, тетушка, дальняя дорога через казенный дом в светлое будущее! *(Плачет.)*

Не могу больше дальней дорогой в светлое будущее! Сейчас хочу, сейчас! Хоть бы из порядочных кого...

— Из порядочных... *(Вздых.)*

Клади дальше, мечтательница...

— Так ведь одни красные идут, тетушка! Что ж такое! Как ни кладу, а одни красные!

И слева, и по центру тоже.

— Такой расклад, милая... Такая колода!

Гостиная.

Степаныч. Ну хорошо, мы тут все люди цивилизованные...

Жирик *(ковыряя пальцем в зубах)*. Угу...

Степаныч. Так что — оставили бы вы ее в покое, невесту!

Все. Что-о?

Степаныч. Она практически уже три года в на-

дежных руках, и с папашей ейным я уже давно обо всем договорился, вместе приданое в оборот пустили, а тут вы вдруг пришли и все портите!

В а н я — Р ы б к а (из угла, робко). Нам тоже хочется!

Все оборачиваются.

Е г о р к а. Господи! Он-то тут откуда?

С т е п а н ы ч. Дайте ему кто-нибудь бутерброд с маслом.

В а н я. Что это?

С т е п а н ы ч. Это, Ваня, справедливость... Значит, давайте договоримся так: невеста моя...

Ж и р и к. Нет уж, пускай сама выберет, кому из нас ее... это... за волосья таскать!

С т е п а н ы ч. А она уже выбрала. Раз молчит — значит, нравлюсь!

Г р и ш а. Да она просто язык проглотила!

С т е п а н ы ч. Ну и приятного аппетита! А у меня крыша (показывает руками) надежная!

С а ш а. Про крышу — не понял. Это что-то бластное?

С т е п а н ы ч. А вы вообще молчите, пока приказа не поступало. Вам надо армией командовать.

С а ш а. Это я уже!

С т е п а н ы ч. И что, получилось?

С а ш а. Еще как.

Е г о р к а. Как?

С а ш а (сжимая кулак). Вот так.

Е г о р к а. Тут так не получится. Тут лаской надо.

С а ш а. А это тут самая ласка и есть.

Мишель Ставропольский сидит на диване, рассуждая. Напротив него — трюмо с зеркалом.

Мишель. А что ж, если и под венец. Дело христианское, необходимое даже для отечества. А то набегит шпаны всякой: штабс-офицеров там, газовщиков, студентиков из Принстона... А из благородных людей, знаете ли, никого. Чтобы с пониманием, с учетом баланса интересов... Ни начать, ни кончить. А с другой стороны, у целом, лень! Вот такие приоритеты... *(Спрашивает у трех отражений в трюмо.)* Что? Пожалуйста, третье отражение, две минуты вам.

Все отражения вздыхают.

Отражение. Ну не стыдно ли тебе? Ну посмотри, посмотри на себя внимательно. Ну что ты теперь такое?

Мишель. Не надо нам, знаете, тут подбрасывать.

Отражение. Ведь никакого значения не имеешь. Ну для чего ты живешь? Ну взгляни в зеркало, что ты там видишь? Глупое лицо — больше ничего.

Мишель. Регламент!

Отражение. Лежишь тут, лежишь... А ежели снова под венец...

Мишель. Добавляю вам минуту.

Отражение. Вообрази: опять советники, да референтов тьма, да министры на посылках... Да какой-нибудь охранник, постреленок, будет теревить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: ав, ав, ав!

Мишель. Так ведь они только шалуны большие: снова будут все портить, разбросают бумаги... А то еще — запрут опять где-нибудь... путем консенсуса...

О т р а ж е н и е. Пусть шалят, да ведь все на тебя похожи — вот штука! И потом: невеста должна наконец выбрать себе харизматического мужа, наделенного высокими интеллектуальными и моральными способностями, признанного на Западе, Востоке и собственно внутри. Ты понимаешь, о ком я говорю?

Мишель. Не дурак.

О т р а ж е н и е. Поедем, братец... Опять вся дворня на первый слог ударять будет!

Мишель. Не знаю... Может быть, ближе к лету...

О т р а ж е н и е. Поедем!

Мишель. Знаете, сам я еще не решил, буду ли предлагать ей свою кандидатуру у целом... может быть, предложу по частям... но если сложится такая, понимаете, ситуация, когда больше некому... вот тогда да!

Гостиная.

Егорка. Давайте по-честному!

Жирик. Если по-честному, я вообще холостым помру, холостым, как выстрел „Авроры“, однозначно!

Степаныч. Что это с ним?

Гриша. Как всегда... Заговаривается.

Егорка. Пускай каждый объяснится ей в любви, по-честному...

Жирик. Включая сумасшедших!

Егорка. Вот с этого стула, прямо в замочную скважину — а она выберет!

Степаныч. По семь секунд, в прямом эфире!

Снова — пасьянс под абажуром.

Женские голоса Ой, тетушка. Интересуется мною какой-то трефовый король, и какой-то военный изъясняет большое участие, но ему мешают...

— Без военных нам тут не жить. Не судьба.

— А кто бы мог быть этот трефовый король?

— Черная масть, милая. Не иначе нефтегаз.

— Немецкая какая-то фамилия.

— Это не фамилия. Это статья. Кстати, погляди там в скважину, что у них...

— В какую скважину, тетушка?

— Пока в замочную...

— Ой, начинается! Ой, тетушка, самое интересное начинается! Говорить начали!

На стуле сидит Степаныч.

Степаныч. Выходи за меня! И все у меня будет хорошо. Потому что я практик. А будет у меня — будет у тебя.

Крики. Все, хватит! Регламент!

На стул садится Егорка.

Егорка. Милая! Вот увидишь, со второго раза я тебя удовлетворю. Но пойми, мне же нужно время...

К р и к и. Время! Время!

На стуле — **Г р и ш а.**

Г р и ш а. Они говорят, что я уеду. Это неправда. Я от тебя никуда. Мы уедем вместе. Бай!

На стуле — **В а н я.**

В а н я. Справедливость. Порядок. Мир. (*Пауза.*) Извини...

Сам уходит со стула. Садится **Ж и р и к.**

Ж и р и к. Я обеспечу тебе величие! Вот такое величие будет, все с ума сойдут! Все сгинут, а мы процветать будем круглый год. За мной как за каменной стеной!

К р и к и. Все! Время! Регламент!

Ж и р и к (*перекрикивая*). Как за каменной стеной, но без дверей, однозначно!

Он еще что-то кричит, пока не гаснет свет. Когда свет загорается, на стуле сидит **С а ш а.**

С а ш а. Упала — отжалась. Ой, что это я... Так. Я, конечно, не сахар. Но их всех ты уже видела. Они еще хуже.

Грохот в передней. В гостиную входит **З ю г а.**

З ю г а. Эй! Я вернулся.

Г р и ш а. Кто это?

С а ш а. Первый муж.

В а н я. Она же девица!

С а ш а. Это вы девица! А она через такие руки
прошла...

Г р и ш а. Я думал, он давно умер...

Е г о р к а. Мы все надеялись...

З ю г а. Ку-ку!

Женский визг.

Ж и р и к. Семьдесят лет вместе жили, не разлей
вода, однозначно! *(С завистью.)* Любит она его, су-
кина сына! Ох, любит!

З ю г а. Вот и я! Ты дождалась, открывай.

С т е п а н ы ч. Позвольте, что значит „открывай“?

Все начинают подступать к двери.

Г р и ш а. Мадам!

С а ш а. Какая к лешему мадам! Смирно!

Е г о р к а. Милая!

Ж и р и к. Все под венец, однозначно!

Женский голос. Право, такое затрудне-
ние — выбор... Вот если бы солидность Виктора Сте-
паныча да приставить к интеллигентности Егора Ти-
мурыча, да к голосу Александра Иваныча прибавить
мозги Григория Алексеича, да добавить сколько-ни-
будь развязности Владимира Вольфыча... Я думаю,
лучше всего кинуть жребий. Положиться во всем на
волю Божию: кто вытянется, тот и муж!

„РЕПЕТИЦИЯ ОРКЕСТРА“

(НОВЫЙ СОСТАВ)

Чья-то рука расставляет ноты на пюпитры, и голос с легким кавказским акцентом начинает сопровождать это неторопливое движение по залу.

Г о л о с. Эта очень старинный зал. Можно сказать, храм. Здесь пад нагамы палным-пално мэртвэцов. Балшой зал, йэст где развернутца са всэй нашэй музыкой. Очэн хорошая акустыка. Паэтаму я всэгда гаварил здэс шопатом, а меня харашо слышали даже на Дальнэм, Дальнэм Вастоке. *(Голос вдруг „буратинит“, как при перемотке пленки, и продолжает уже с залипающей „застойной“ дикцией.)* Величайшие дирижеры мира почитали за честь работать за этим пультом. Приезжали даже из стран труда и капитала, а все для чего? — послушать здешнюю музыку... Как мы тут играем, это просто уму непостижимо. Если, например, ЦСКА — „Спартак“... *(Овацци, звук перемотки, акцент меняется на ставропольский.)* Но играть с учетом этого тонкого, знаете ли, баланса интересов — мажора с одной стороны и минора с другой, причем играть непонятно что и, я

вам прямо скажу, при наличии диссонанса как внутри оркестра, так и собственно в публике... *(Голос меняется на нынешний.)* Поэтому все — будет — оставаться — как есть! И становиться еще лучше! Потому что-а... наша ансам... бля! будет, понимаешь, играть здесь практически всегда!

Ноты уже стоят, расставленные по пюпитрам. В полутьме перед освещенным пюпитром появляется Ваня-Рыбка. Становится за пульт, стучит палочкой о пюпитр. Входят журналисты.

Ваня. С пятой цифры, в первом чтении. *(Дает паузу. Взмах — и тишина.)* С пятой цифры, непонятливые мои! *(Взмахивает дирижерской палочкой еще раз. И снова без толку.)* Странно. Что-то не так. Такой был конкурс в этот оркестр, и на тебе... *(Всматривается в темноту ямы.)* Ах да, еще же нет никого... Не пришли еще просто... в себя не пришли! *(Журналистам).* А вы кто? Ах, телевидение... Кто я? В прошлом оркестре я был дирижером. Не больно-то слушались, но все-таки — на вышени... Потом случилась реинкарнация, и я стал быком Ваней. А сейчас и сам не знаю, кто я... Кто-то из Воронежа. Что здесь будет? Репетиция будет, когда соберемся. От латинского „репетицио“ — повторять. Повторять будем. Как что? Все сначала, по многу раз. Репертуар у нас, сами знаете, традиционный — марши да песни жизнеутверждающие. Если кто помрет — Шопен. Если выздоровеет — Шаньский.

Музыканты собираются, пробуют инструменты. Входит Степаныч с тромбоном. Садится, продувает инстру-

мент. Гриша садится, начинает раскутывать скрипочку. Степаныч дует еще раз.

Гриша. Не могли бы вы делать это чуточку потише?

Степаныч. Что?

Гриша. Ну, вот этот отвратительный звук...

Степаныч. О чем вы?

Гриша. Вы сами знаете.

Степаныч. Ведите себя прилично. *(Дует в тромбон.)*

Рядом, с контр-фаготом на шее, разгадывает кроссворд Жирик.

Жирик. Эй, там, придурки! Никто не знает первого по вертикали?

Гриша. Ну я знаю первого по вертикали.

Жирик. Тут спрашивается: первый по вертикали — местный сумасшедший.

Степаныч. Сколько букв?

Жирик. Одиннадцать. Третья „рэ“, предпоследняя „и“.

Гриша. Отец — юрист?

Жирик. Не написано.

Гриша. Если не написано, значит, юрист.

Степаныч. Но он не первый по вертикали!

Гриша. Если он будет первый по вертикали, мы все будем первыми по горизонтали!

Степаныч. Это точно. *(Егорке.)* Что вы там маячите в дверях?

Егорка. А можно войти?

Жирик. Нельзя! Там барьер, там процентная норма, однозначно!

Егорка. Я за вещами пришел.

Жирик. Какие у вас могут быть тут вещи?

Егорка. С прошлого раза... Скрипочки...

Жирик. Сматывайте свои скрипочки, пока мы из ваших струн балалаек не наделали!

Егорка *(Грише)*. Ох, чувствую, без нас тут такое глоссандо начнется... *(Уходит, в дверях сталкивается с Ваней.)*

Ваня. Здравствуйте.

Егорка. До свидания.

Жирик. А-а, одномандатный пришел! Одномандатный, однозначно!

Ваня. Сами вы это слово!

Жирик *(заметив журналистов)*. Это провокация! Уберите камеру, или пусть ЦРУ платит пятьсот тысяч долларов за мою съемку!

Гриша. Я же говорил. Уж кто у нас сумасшедший, это все знают.

Андрюша *(с флейтой)*. По буквам еще вот он подходит... *(Кивает на Степаныча.)* И, кстати, он как раз по вертикали...

Гриша. Но он — не сумасшедший!

Андрюша. Ну это когда как...

Гриша. Я тебе говорю! Он так нормален — от него психиатры шарахаются!

Ваня переставляет пюпитр.

Жирик. Позвольте! *(Переставляет обратно.)*

Ваня. Но мне так неудобно! *(Переставляет пюпитр.)*

Жирик. А какая мне разница? *(Переставляет обратно.)*

Ваня. Но мне так не видно!

Ж и р и к. Играйте на ощупь и в другом месте!

А н д р ю ш а. Почему оно опять попало в наш оркестр в таком жутком количестве, это чудовище?

Г р и ш а. Потому что оно не стесняется фальшивить!

Ж и р и к. Куда ты дел мою сестру, убийца, куда? Он закопал ее в Мурманске, закопал, однозначно!

Дикий удар сзади в литавры. Это **С а ш а-Г е н е р а л.**

С т е п а н ы ч. Что это?

В а н я. Новый оркестрант.

Удар в литавры.

С т е п а н ы ч. Батюшки!

В а н я. Скажите еще спасибо, что один, без конгресса.

С т е п а н ы ч. Где он учился?

В а н я. Да уж не в консерватории.

Дикий удар в литавры.

Ж и р и к. Прекратите, что еще за шутки!

С а ш а. Это еще не шутки. Шутки будут летом!
(*Бьет в литавры над самым ухом у Жирика.*)

А н д р ю ш а. Вы уж следите за собой хотя бы немного, нас снимают!

С а ш а. Кто нас теперь снимет?

Ж и р и к. Вот они.

С а ш а (*журналисту*). Упал — отжался.

Звук тубы. Все оборачиваются. Это **З ю г а.** Он дует в тубу. Рядом несколько мест уставлено тубами.

Журналист. Боже мой, что это?

Жирик. Это наша медная группа.

Журналист (*стараясь перекричать тубу*).
Зачем их столько?

Ваня. Демократия!

Журналист. Что?

Ваня. Общеазнатское собрание глухих решило, чтобы большинство мест в новом оркестре было за медными духовыми.

Журналист. Почему?

Ваня. Их лучше видно!

Степаныч. Они на солнце так блестят — у слепых глаза выедаёт!

Жирик. А скрипочки эти — хейфицы там всякие, коганы-шмоганы — одно расстройство для трудового человека...

Степаныч. Трудовой человек их и не отличает друг от друга.

Жирик. А уж эти молодцы как дунут все вместе свою партию — глухого проймаёт!

Гриша. Хоть святых выноси.

Андрюша. Чем-чем, а святыми они нас обеспечат...

Журналист. Так это вроде здесь было уже...

Гриша. Еще как было!

Журналист. Зачем же опять?

Гриша. А не наслушались еще. Нам еще семьдесят лет надо — чтобы уже совсем оглохнуть, и никаких проблем!

Звуки тубы — тема „Вышли мы все из народа“.

Гриша. Не увлекайтесь так, коллега! Про вашу партию все уже давно все поняли! И откуда вы вышли, и куда пойдете...

Зюга играет „до-ре-ми-до-ре-до“, перебираясь на места скрипичной группы.

Гриша. Вы куда?

Зюга. На свои места.

Гриша. Но это наши места!

Зюга. Были ваши, стали наши! Хватит! Стулья все протерли, пюпитры не в ту сторону развернули... Вдыхают наш русский кислород, а выдохнуть норовят всякую мерзость!

Гриша. Но зачем вам столько мест?

Зюга. Сидеть.

Гриша. Это да. Задниц там на пять оркестров...

Зюга. Ртов — тоже.

Егорка. А мозгов?

Зюга. Зачем духовой группе мозги? Рты да задницы. *(Дует.)*

Журналист. Простите, а когда начнется репетиция? Мы приехали снимать репетицию оркестра...

Степаныч. Какая репетиция, мы еще дирижера не выбрали!

Ваня *(вставая)*. Хорошо, если надо, я готов пострадать еще раз...

Саша. Сидеть!

Ваня садится.

Ваня. Но кто-то же должен...

Жририк. Вот еще, будут нам тут указывать палочками всякими!

Зюга. Как-нибудь сами! Придадим новое звучание! *(Дует.)*

Гриша. Ой, сейчас такое фортиссимо начнется!

Саша *(перекрикивая)*. На четыре четверти, не

привыкать! Ать, ать, ать-два-три-и-и! (*Барабанит.*)

Степаныч. Дело надо делать, дело — звуки издавать, а не руками впустую размахивать!

Жирик. Мы великая страна, мы великие музыканты — мы не позволим, чтобы нам указывали, когда нам играть, а когда сидеть тихо!

Саша бьет в литавры у него над ухом.

Жирик. Прекратите немедленно! (*Грише.*) А вы не смейте смотреть таким либеральным взглядом! Либерал в этой стране всегда будет только один, и это будет я!

Гриша. Ну уж простите!

Зюга. Народы не простят! Дирижеров народной измены — под суд! Роялям — крышка! Скрипачей — в контрабасы! Покайтесь, нуды!

Степаныч. Мы играли! И будем играть! Что хотим! Мы практики!

Дует в тубу. Саша бьет литаврами по голове Жирика. Жирик падает.

Гриша (*вставая на стул*). Господа! Почему от вас много шума и так мало гармонии?

Зюга. Гармонии захотел? Ребята, дайте ему гармони!

Саша продолжает бить в литавры.

Жирик. Гармония, однозначно! (*Встает, достает из-под стула гармонию, рвет ряды.*) И-эх!

Дикая какофония.

Степаныч. Дай сюда, придурок! *(Вырывает гармонию, поет голосом Зыкиной.)* „Какая песня без баяна—а!“

Ваня. Чего это с ним?

Гриша руками показывает распадающуюся крышу.

Ваня. Не понял.

Гриша. Крыша поехала.

Глухой удар сотрясает зал.

Ваня *(глядя наверх)*. И не одна.

Удар, еще и еще. Звуки какофонии разваливаются. В проломе стены показывается, крутясь в оседающей пыли, огромная черная чугунная „баба“. Общий ступор, тишина.

Гриша. Что это?

Саша. Музыкальный момент. Юмореска.

Жрик. Поздравление от съезда композиторов, однозначно.

Зюга. Кажется, мы донгрались.

Андрюша. Но простите, это что же... *(В пролом стены, наверх.)* Борис Николаевич, это опять вы? *(Пауза.)*

Степаныч. Он. Это я вам как музыкант говорю. Такой звук — только у него...

Еще один удар, грохот.

Ваня. Эй! Никого там не придавило?

Гриша. Да вроде лежит кто-то...

В пыли под обломками — ноги журналиста.

С а ш а (*задумчиво*). Так. Упал, но не отжался.
И еще...

В пыли под обломками — еще несколько пар ног.

В а н я. Кто это?

С а ш а. А вот как раз которые тут с микрофонами
и камерами ходили... С телевидения.

Ж и р и к. Ну это ничего. Главное: посланцы наро-
да все живы.

В а н я. А народ?

Ж и р и к. А народ пускай не живет, где мы руко-
водим!

ВЕЛИКИЕ КОМБИНАТОРЫ

(по мотивам романа И.Ильфа и Евг.Петрова
„12 стульев“)

Г о л о с. В стране NN было так много партий и крупных политических деятелей, что казалось, жители страны рождаются только затем, чтобы посмотреть на них, проголосовать и тут же умереть.

Комнатка. На кровати под одеялом лежит кто-то в цепе; лица не видать. Перед кроватью стоит Зюга-Киса Воробьянинов.

Г о л о с Б р е ж н е в а (*из-под одеяла*). Дорогой Ипполит Матвеевич! Сядьте около меня. Я должна рассказать вам...

З ю г а садится.

Г о л о с Б р е ж н е в а. Ипполит Матвеевич! Помните нашу партию?

З ю г а. Партию чего?

Г о л о с Б р е ж н е в а. Ну, такую большую, со съездами. На полторы дюжины персон членов Политбюро...

З ю г а. КПСС, что ли?

Г о л о с Б р е ж н е в а. ...И лично Генерального секретаря ЦК КПСС...

З ю г а. Мама, не заговаривайтесь.

Г о л о с Б р е ж н е в а. Аплодисменты. *(Пауза.)*
Так вы помните партию?

З ю г а. Как не помнить, я в ней состоял.

Г о л о с Б р е ж н е в а. Когда?

З ю г а. Давным-давно.

Г о л о с Б р е ж н е в а. А почему я вас не помню?

З ю г а. Нас было девятнадцать миллионов. *(Пауза.)*

Г о л о с Б р е ж н е в а. Так вот: миллионов было не девятнадцать. Их было... *(Шепчет.)*

З ю г а. Чего?!

Г о л о с Б р е ж н е в а. Ну, не рублей же.

З ю г а. Долларов?

Г о л о с Б р е ж н е в а *(уточняет)*. СэШэА.

З ю г а. Позвольте, но разве мы не проели их еще тогда, к середине семидесятых?

Г о л о с Б р е ж н е в а. Мы проели совсем другие миллионы. А эти спрятали.

З ю г а. Куда?

Г о л о с Б р е ж н е в а. Коллективное руководство спрятало их под обшивку сейфа.

З ю г а. Какого сейфа?

Г о л о с хрипит нечто нечленораздельное.

З ю г а. Эй, подождите, мы так не договаривались. Где этот сейф?

Г о л о с Б р е ж н е в а. В Швейцарии.

З ю г а. Где?! *(Пауза.)*

Г о л о с Б р е ж н е в а. Где находится Швейцария, надо спросить у Громыко. Или у референта.

З ю г а. А где референт?

Г о л о с Б р е ж н е в а. Там.

З ю г а. Где?

Г о л о с Б р е ж н е в а. В Швейцарии.

З ю г а. А Громыко?

Г о л о с Б р е ж н е в а. А Громыко вообще вне досягаемости.

З ю г а. Но почему вы не отдали все это золото мне?

Г о л о с Б р е ж н е в а. Как же я мог отдать вам золото партии, когда вы пустили ее по ветру, отделившись от КПСС?

З ю г а (*вскакивая*). Но ведь это же безумие! Как! Засадить золота на Бог знает сколько миллионов в сейф! Сейф, который черт знает где стоит?

Г о л о с Б р е ж н е в а. Это вы стоите черт знает где. А сейф — в Швейцарии. Спасибо за внимание. (*Затухает*).

По улице идет Ж и р и к-Б е н д е р.

Г о л о с. В начале девяностых годов, со стороны съезда народных депутатов, в политику вошел нахальный молодой человек лет сорока с небольшим. За ним бежали миллионы беспризорных избирателей примерно такого же возраста.

И з б и р а т е л и. Дядя, дай десять баксов! Дядя, дай десять баксов!

Ж и р и к. Слушайте, зачем вам десять баксов? Голосуйте за меня, и я дам каждому — каждому! — ключ от квартиры, где деньги лежат! (*Продолжает что-то горячо говорить.*)

Г о л о с. Молодой человек солгал: у него не было ни квартир, ни денег в этих квартирах для всех, кто будет за него голосовать. Впрочем, лгал он всегда, а били его за это чрезвычайно редко — поэтому крупных политических проблем у молодого человека не было и не предвиделось.

Чья-то рука звонит в дверь.

Г о л о с П а ш и (*из-за двери*). Кто там?
З ю г а. Почти свои.

Дверь открывается. Перед Пашей, он же слесарь Полесов, стоят Зюга и Жирик. За спиной Паша стоит, закутавшись в шаль, Степаныч-Елена Станиславовна.

П а ш а. Тс-с... Проходите.

Степаныч (*протягивая Зюге руки*).

Я знаю, чем вы рисковали, придя ко мне.

З ю г а. Да уж... Если что, свои же съедят.

Степаныч. Вы рыцарь!

З ю г а. Я рыцарь революции.

Степаныч. Я не спрашиваю, рыцарь, чего вы хотите здесь...

З ю г а. Портфелей!

Ж и р и к. О! Первое свидание после долгой предвыборной разлуки! Трудные минуты! Я удаляюсь, однозначно! Вы позволите с вами? (*Уводит Пашу в сторонку.*) А теперь действовать, действовать и действовать! Старуха не подкачает? Надежная женщина?

П а ш а. Просто ужас до чего надежная! Уж ее и так, и эдак — держится!

Жирик. Ваше политическое кредо?

Паша. Всегда!

Жирик. Что „всегда“?

Паша. Что скажут.

Жирик. Россия вас не забудет!

Паша. Еще бы.

Возвращаются к Степанычу и Зюге, которые сидят, уже взявшись за руки.

Степаныч. Вы помните ЦК нашей партии?

Зюга. А вы?

Степаныч. Как я могу забыть это! Я была невинным министром, а вы — вы были юным вторым секретарем обкома...

Зюга. Мы встречались на Старой площади... Помните Старую площадь?

Степаныч. Вы еще спрашиваете...

Зюга. Боже! Как вы изменились с тех пор!

Степаныч. Вы тоже... несколько забурели...

Жирик. Вечер воспоминаний объявляю закрытым!

Степаныч. Что?

Жирик. Строгий секрет! Государственная тайна! *(Указывая на Зюгу.)* Кто, по-вашему, этот мощный старик? *(Паше.)* Молчите, кустарь-одиночка, вы не можете знать, кто это теперь! Это — гигант мысли, отец русской социал-демократии и особа, приближенная к Ульянову-Ленину, однозначно!

Голос. Великий комбинатор чувствовал вдохновение, упойтельное состояние перед вышесредним шантажом. Его несло. Его несло всю жизнь, причем последние пять лет вместе с ним несло и страну, которую он осчастливил своим рождением.

Ж и р и к. Нету времени! Россия в опасности!

П а ш а. Это да! Уж что-что, а это мы обеспечиваем.

Ж и р и к. Наших в городе много?

П а ш а. В этом городе почти все наши!

Ж и р и к. Хороший город! Что у вас тут есть?

П а ш а. Да ничего практически, кроме начальства.

Ж и р и к. Отличный город! А институтов там, интеллигенции, журналистов разных?..

П а ш а. Упаси боже!

Ж и р и к. Это не город, это оплот России, однозначно! Придем к власти — сделаем столицей.

П а ш а. Так точно!

Ж и р и к. Итак! С вашей помощью мы хотим связаться с лучшими людьми, которых злая судьба загнала во властные и коммерческие структуры! Сюда их, в величайшем секрете!

П а ш а и Степаныч уходят.

З ю г а. Что это значит?

Ж и р и к. Это значит, что нам нужен оборотный капитал!

З ю г а. Политический?

Ж и р и к. В том числе! Я буду обещать, а вы кивайте!

З ю г а. Я тоже хочу обещать.

Ж и р и к. У вас так не получается, как у меня! Молчите и надувайте щеки! А во втором туре разберемся!

Лиц пришедших не видно, только затылки... **Ж и р и к** говорит, **З ю г а** надувает щеки.

Ж и р и к. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания — она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны к нам взывают о помощи. Мы должны протянуть руку помощи, и мы ее протянем! Дети, беспризорные дети, находятся без призора! Женщины рожают все меньше и не от тех! Старики умирают своей смертью! Армия хиреет, флот гнет, караси не плодятся! Ценности потеряны, однозначно, и мы подберем их! Нужна немедленная помощь. Детям, флоту, карасям — всем! Вы можете уйти, но предупреждаю: у нас длинные руки! Делайте взносы в оппозицию, придем к власти — все припомним! Ну?

Чья-то рука вынимает из саквояжа пачку „зеленых“.

Г о л о с. В лучшие времена дам больше.

Ж и р и к (*забирая деньги*). Лучшие времена скоро наступят. Впрочем, к детям, флоту и карасям, которых я в данный момент представляю, это не относится!

З ю г а сидит на полу, рисуя по трафарету таблички „КП РФ“. Распахивается дверь, на пороге стоит **Ж и р и к**.

З ю г а. Есть?

Ж и р и к. В том-то и дело, что есть! Есть, Киса! Генциальная комбинация, блестяще проведенная до конца! Одним словом, высокий класс! Идемте в Избирком!

Ночь. Комнатка.

Ж и р и к (*засыпая*). Как вы одеты, Киса? Кто так ходит? Вам нужно ходить с бревном на плече.

(Зевает.) Вы чрезвычайно симпатичный старичок, Киса, но больше десяти процентов я вам не дам. Ей-богу, не дам. И потом, зачем вам столько власти?

З ю г а. Как зачем? Как зачем?

Ж и р и к. Ну что вы сделаете, Киса? Ведь у вас нет никакой фантазии. Ей-богу. Ну, повесите везде серпов с молотками, поставите часовых у трупа... Ну, присоедините Туркменистан... Так это все было уже, было, однозначно! А вот если я... если я... это будет что-то один раз! *(Зевает.)* Знаете, Киса, я, кажется, ничего вам не дам. Это баловство. А возьму я вас, Кисуля, себе в секретари. А? Штука баксов в месяц, красный пиджак, харчи мои... Соглашайтесь! *(Зевает.)* Ну-ну, пошутил... Русь тронулась, господа присяжные заседатели! Тронулась, однозначно! *(Засыпает.)*

З ю г а открывает глаза, встает. Берет с подоконника бритву и подходит к спящему **Ж и р и к у**, бормоча.

З ю г а. Голоса все мои, а вовсе не десять процентов!

Удар бритвой.

Начало рассвета. Табличка на дверях: „Избирком“. **З ю г а** пробирается вдоль столов, шарахается от портрета Рябова... Нашупывает избирательную урну, бритвой распарывает веревку и ломает сургуч, вываливает содержимое урны на стол, начинает копать в бюллетенях. Дикий крик. **З ю г а** появляется на пороге Центризбиркома. **Д в о р н и к - Б о р и с к а** сметает валяющиеся перед зданием бюллетени.

Бориска. Что, солдатик революции? Результаты пришел посмотреть?

Зюга. А где же голоса?

Бориска. Какие, понимаешь, голоса?

Зюга. Наши.

Бориска. Не знаю. *(Метет.)* Не мое дело. Мое дело — порядок. Чтобы, значит, все было чисто!

Голос. Власть осталась. Она была сохранена и даже увеличилась. Ее можно было потрогать руками, но нельзя было унести. Она перешла на службу к другим людям... Теперь они переводили деньги в швейцарские банки. Заседание продолжалось.

„ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ“

(вариации на тему)

Поезд. В купе сидят два Бориски.

Первый. Ну что же, давай пройдем все с самого начала в последний раз.

Второй. Давай.

Первый. Нехороший человек?

Второй. Морковка?

Первый. Нет.

Второй. Редиска?

Первый. Правильно. Кремль?

Второй. Хаза.

Первый. Дума?

Второй. Геморрой.

Первый. Болтать?

Второй. Сучить шумейку.

Первый. Нет.

Второй. Гнать бурбулиса?

Первый. Да. Уйти вон?

Второй. Голосовать за Ивана.

Первый. Сенат?

Второй. Халява.

Первый. Электорат?

Второй. Пиплы позорные.

Первый. Президент?

Второй (*после паузы*). Ну, это...

Первый. Ну, в общем, ты запомнил.

Второй. Еще бы.

Первый. И чуть что — пальцы веером, пиджак в клочья и неси, понимаешь, про патриотизм. Никто не должен догадаться, что ты приличный человек. Никто!

Второй. Это будь спокоен.

Тюремная камера. На главном месте, возле окна, сидит Бориска. Шум за дверь. Входят Степаныч, Андриюша-Козырек, Толик-Ваучер, Паша, Саша-Генерал, Зюга, Жирик и Гриша — и, увидев Бориску, останавливаются на пороге.

Бориска. Здорово, урки.

Саша (*тихо*). Кто это?

Пауза.

Паша. Братцы, да это ж сосед мой по лестничной клетке! Всенародно избранный! Здорово!

Бориска. Добрый день... это... Здорово, чуваки!

Андриюша. Хай!

Зюга. А ну вали отсюда!

Пауза.

Бориска. Что он сказал?

Паша. Он сказал: вали отсюда!

Бориска. Мне?

П а ш а. Тебе.

Б о р и с к а. Кто это сказал?

П а ш а. Вот он.

Б о р и с к а. Вот этот, толстенький?

П а ш а. Тут, кроме меня, худеньких нет.

Б о р и с к а (*робко, Зюге*). А ну повтори, что ты сказал?

З ю г а. Вали отсюда!

Б о р и с к а (*тихо, Зюге*). Ты это... вот что... не хулигань.

З ю г а. Оккупант и изменник Родины!

Б о р и с к а. Чего ему надо?

С т е п а н ы ч. Малину хочет себе прибрать.

Б о р и с к а. Что-о?

Т о л и к (*высовываясь из-за Степаныча*). На Мавзолею потоптаться!

Б о р и с к а. Это кто?

С т е п а н ы ч. Толик-Ваучер.

Б о р и с к а. А кто он?

С т е п а н ы ч. Это — наш.

Б о р и с к а. Про Мавзолей — не понял.

А н д р ю ш а. Этот лысый наезжает на нас.

П а ш а. Он в нашу хазу намылился, мочи его!

Б о р и с к а. Какую хазу?

П а ш а. Центровую хазу, красного кирпича. С братвой, с курантами, со звездой рубиновой.

Б о р и с к а. А эти чего хотят?

П а ш а. И эти — того же!

Б о р и с к а. А чего это они, понимаешь, такие разные, а хотят одного?

П а ш а. А козлы, в натуре.

Ж и р и к. За козла ответишь!

П а ш а. Не отвечу! Я за себя не отвечаю, а за козла тем более не буду.

Зюга. Отдавай хазу со звездой, импичмент тебе в зубы, шестерка империалистическая!

Бориска. И-эх... *(Поднимается и идет по направлению к дверям, потирая руки.)* Скольких я порезал, скольких перерезал, скольких я ломтями засолил...

Жирик. Мужики, че-то мне не нравится его песня. Не нравится, однозначно!

Саша. Упал — отжался.

Паша. Это ты мне?

Саша. Это я ему.

Паша. А чего он не падает?

Саша. Он падает. Только почему-то очень медленно.

Бориска *(приближаясь)*. Сейчас будет тебе импичмент... *(Вспоминает слово.)* Хрен!

Зюга. Я не хрен.

Бориска. Ну-у... кочан! Баклажан, понимаешь! *(Поворачивается за подсказкой к Степанычу.)*

Степаныч. По овощам у нас Заверюха.

Зюга. Будет вам заверюха. Летом. Такая заверюха будет!..

Бориска *(подойдя вплотную)*. Молчи, помидор!

Зюга. Да, я красный!

Бориска. На здоровье. *(Вынимает из руки Зюги красный флажок и съедает.)*

Зюга. Изменник и оккупант, вы за это ответите!

Бориска. Удавился на своем красном поясе, редиска обкомовская!

Гриша. Сдается мне, что твое место у парашки! *(Пинает Бориску.)*

Бориска *(не оборачиваясь)*. Кто это?

Степаныч. Гриша Пятьсот Дней.

Бориска. Это кликуха его?

Степаныч. Это срок.

Бориска. Не доживет. *(Поворачиваясь к группе у дверей.)* И-н-нэх... А-а-а!

Гриша *(испуганно)*. Э, ты чего, ты чего?! Эй!

Бориска. Всех замочу! Ы-ы-ы! *(Закатывает истерику.)*

Степаныч *(Толику)*. Рисуем авторитетом...

Бориска *(разрывая на себе майку)*. Россияне-е-е! Россию не отда-а-ам! Пасть порву, моргалы выколю!.. Держи меня за ветви власти, братва!

Гриша *(барабаня в дверь)*. Милиция-я-я! Спасите-е-е!

Паша *(восхищенно)*. Шайтан! Шайтан!

Те же, в той же камере. Зюга, Саша и Жирик играют в шахматы с Бориской. Зюга сидит, Жирик подсказывает из-за плеча. За плечом у Бориски — Степаныч, Паша, Коржик, Андрюша и Толик.

Бориска. Эх... Опять, понимаешь, продулись.

Паша. Ничего не продулись.

Зюга. Как это?

Паша. А ничья!

Андрюша. Ничья, факт! *(Перемешивает фигуры.)* Китайская.

Бориска. Точно?

Паша. У кого хошь спроси. Вот хоть у него. Правда, ничья?

Толик. Да мы вообще выиграли.

Степаныч. Не о чем говорить! Снимай пиджак.

Паша. Во дают урки! Наглее меня.

Бориска *(расставляя фигуры на начало)*. Ну что, сгоняем еще партию?

З ю г а. Партню не сгонишь!

П а ш а. Кто про что, а вшивый про баню.

Б о р и с к а. Я говорю: сыграем снова — или вам уже хватит?

З ю г а. Будем играть до потери пульса!

Б о р и с к а. Ну, давай.

З ю г а. Чур я красными.

Ж и р и к. Коричневыми!

Б о р и с к а. Тут таких, понимаешь, вообще нету, сколько вам повторять! Тут только черные и белые.

Ж и р и к. А какие лучше?

Б о р и с к а. Белые лучше.

Ж и р и к. Это расизм! Расизм, однозначно!

Б о р и с к а (*протягивая кулаки с пешками*).

Н а т е.

З ю г а. Что значит „нате“? Уберите от меня свои кулаки!

Б о р и с к а. В какой руке?

З ю г а. Что?

Б о р и с к а. Конституция! (*Смеется.*)

П а ш а. В обеих!

Жирик бьет Бориску по руке. Бориска Зюгу — по голове.

З ю г а. Ты чего?

Б о р и с к а. Он первый начал!

З ю г а. А я?

Б о р и с к а. А ты не сиди рядом со всякой гадостью. На! Твои белые.

З ю г а. Белыми не буду!

Б о р и с к а. Почему?

З ю г а. Белых — ненавижу!

П а ш а. Это у него, в натуре, наследственное.

Бориска. Лечиться надо. *(Вертит доску, поворачивая к себе белыми фигурами.)* На что играем?

Зюга. На них на всех.

Паша. Я-то причем?

Зюга. Ну хорошо, этого оставим, пригодится. Играем на остальных.

Бориска. Ну, так уж сразу... *(Указывает на Андриюшу.)* Играем на него.

Толик. Слава Богу.

Зюга. Идет.

Андриюша. На меня?

Бориска. Молчи.

Андриюша. Зачем на меня?

Бориска. Так надо.

Андриюша. Кому?

Бориска. Так надо для демократического, в натуре, развития зоны.

Андриюша. Они ж меня съедят!

Бориска. Это ты не сомневайся.

Паша. Еще добавки попросим!

Толик. Но-но!

Степаныч. Насчет добавки — вам не по зубам. А этого — ладно, ешьте.

Андриюша. Это ужасно.

Бориска. Ничего, понимаешь, ужасного. Ты же пешка?

Андриюша. Я?

Бориска. А ты думал, кто?

Андриюша. Это цинизм!

Бориска. Это гамбит! Отдаем пешку, получаем игру...

Паша. На этом... на королевском фланге... в натуре.

А н д р ю ш а. А я?

Б о р и с к а. А тебя переставляем на запасную доску — и ходи там во все стороны до скончания, понимаешь, дней!

А н д р ю ш а. А сразу на обеих походить нельзя? Чтобы во все стороны?..

Б о р и с к а. Сразу на обеих — нельзя.

А н д р ю ш а. Почему?

Б о р и с к а. Такие правила!

А н д р ю ш а. Ну так поменяйте правила!

П а ш а. А что, нам не впервой!

Б о р и с к а. Эй! Не разговаривайте там, вы сбиваете меня с мысли!

С т е п а н ы ч. Ты слышал?

Т о л и к. Что?

С т е п а н ы ч. У него есть мысль!

Т о л и к. Одна?

С т е п а н ы ч. Тебе мало?

С а ш а. Лошадью ходи!

З ю г а. Отстань!

Ж и р и к. Лошадью ходи, однозначно!

З ю г а. Не трожь фигуры!

Ж и р и к делает ход. Б о р и с к а делает свой.

Б о р и с к а. Мат вам... редиски.

З ю г а сгребает в горсть фигуры и возит ими по лицу Ж и р и к а. Ж и р и к в ответ прищемляет З ю г е голову доской.

З ю г а. Ухи, ухи!..

Кабинет начальника тюрьмы. У стола сидят два Б о р и с к и.

Второй. Не могу я больше! Я же интеллигентный человек, демократ практически!

Первый. Я помню, помню...

Второй. Это тебе, аппаратчику, лишь бы съесть кого-нибудь живьем, а мне, демократу, здоровый образ жизни подай, вегетарианство, духовность всяческую... А тут пятый год — одни урки... Хаза, ксива... Пиплы позорные... Водку пить, в рукав сморкаться... Устал я.

Первый. Вижу. Но они же по-другому не понимают... А представляешь, кто этой малиной заправлять начнет, если мы с тобой на волю выйдем?

Второй. Представляю.

Первый. И потом, пять лет — по нашим меркам — разве это срок? Уж сидеть — так полную десятку, а?

Второй. Нет, брат, второй срок я не потяну.

Первый. А мы по очереди.

Второй. У меня здоровье не то.

Первый. Нашел отговорку! Здоровья в этой стране ни у кого, кроме меня, не было и нет. И потом — кто-то ведь наконец должен их всех перевоспитать... Ну? Накатаем маляву Тимофеичу?

Второй. Какому Тимофеичу?

Первый. Николаю.

Второй. Знаешь, я, пожалуй, подожду до февраля...

Первый. Ну как хочешь. *(Пауза.)* А я уже давно все решил.

Камера. На стене висит лозунг „На свободу — с чистой совестью!“ Герои под руководством Бориски делают зарядку и в ритм движениям поют.

В с е.

**Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везем с собой котат
Чижика, собаку, петьку-забняку,
Обезьяну, попугая — вот компания какая!
Вот! Компа-ания какая!**

Бориска. Стой, раз-два! Граждане бывшие урки! Переходим к водным процедурам.

Жирик начинает поливать всех из клизмы.

Бориска. Как вам не стыдно? Опять за старое?
Жирик. Извините, я больше так не буду.

Умываются.

Зюга. Передайте, пожалуйста, мыло.

Гриша. С удовольствием. Отмывайтесь на здоровье.

Жирик. Эх, выйду на волю — пойду на балет.
На „Жизель“, однозначно!

Зюга. Лучше — на „Лебединое озеро“!

Саша. „Лебединое озеро“ — это не балет.

Зюга. А что?

Саша. Это сигнал.

Жирик. На все пойду, сразу. А потом — в библиотеку.

Паша. Зачем вам в библиотеку, коллега?

Жирик. Тургеневачитаю, Бианки, Марсея Пруста... В человеке все должно быть прекрасно!

Паша. Хорошо, я прослежу!

Бориска. Граждане бывшие урки! Последняя проверка перед выходом к людям. Редиска?

Саша. Нехороший человек.

Бориска. Хаза?

Зюга. Кремль.

Бориска. Геморрой?

Гриша. Дума.

Бориска. Сучить шумейку?

Паша. Гнать бурбулиса. Ну, это... болтаты!

Бориска. Халява?

Коржик. Сенат.

Бориска. Пиплы позорные?

Жирик. Электорат, однозначно!

Бориска. Э... ну, а я... Я, значит, буду теперь называться — президент! И это... жешин, понимаешь, не бить, про патриотизм не болтать, в телевизоре лишний раз не светиться! Ведите себя, как приличные люди!

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Россия. 1999 год

Старенький **Бориска** в кацавейке на плечах, сидит на дачной веранде. На стене висит разодранная теннисная ракетка. **Коржик** варит на плитке кашу. Кукушка кукует четыре раза. **Бориска** кивает **Коржику**. **Коржик** озирается, запирает дверь на веранду. **Бориска** делает звук приемника тише и, припав ухом к динамику, начинает крутить ручку настройки.

Женский голос, „...лос Америки“ из Вашингтона. Вчера во время гастролей по США там попросили политического убежища три **МХАТа** из четырех. Передаем краткую сводку последних новостей. Продолжает расти напряженность на прибалтийско-советской границе. Вчера туда была переброшена моторизованная бригада имени Макашова, ранее принимавшая участие во взятии города Харькова и форсировании озера Севан. Командующий войсками **НАТО**...

Свист в эфире, хрип; **Бориска** вертит колесико настройки.

...Генеральный секретарь ЦК КПСС, выступая на съезде мелнораторов, заявил, что трудящиеся Прибалтики приветствуют восстановление...

Свист в эфире, хрип.

Бориска (*крутя ручку настройки*). Почему я их всех не глушил?

Коржик. Не знаю.

Женский голос. ...в связи с приостановкой кредитов от Международного Валютного фонда. В ответ на это Председатель Совета Министров СССР решительно...

Свист в эфире, хрип.

Бориска (*крутя ручку*). Надо было глушить их, и все!

Коржик. Как?

Бориска. Как рыбу. Был бы я сейчас и Генеральным секретарем ЦК, понимаешь, КПСС, и Предсовмина...

Женский голос. ...Мнение известного советолога, профессора Гарвардского университета Мишеля Ставропольского...

Бориска икает.

Женский голос. ...с которым встретился наш корреспондент.

Икает Коржик. Переглядываются.

Голос Мишеля. К сожалению, в руководстве так называемого Советского Союза (а надо прямо ска-

зять, что фактически никакого союза уже давно нет) взяли верх экстремистские силы.

Свист в эфире.

Бориска (*крутя ручку, передразнивает*).
Надо же было поискать консенсус...

Голос Мишеля. Надо же было поискать консенсус, хоть пару дней, а уже потом давить танками. Не надо, знаете, перескакивать через этапы... Что же касается Прибалтики, то я там был еще в девяностом году...

Голос корреспондента. Зачем?

Голос Мишеля. А вот как раз искал консенсус.

Голос корреспондента. И что же?

Голос Мишеля. А вот с тех пор меня туда и не пускают. Но по просьбе мировой общественности я бы, конечно, мог выступить посредником...

Голос корреспондента. А она просит?

Голос Мишеля. Нет. Но если бы попросила, я бы поразмышлял...

Свист в эфире, хрип. Бориска колотит по приемнику.

Бориска. Почему я не сбросил его с моста?

Коржик. Не знаю.

Бориска. Был бы сейчас профессором Гарвардского, понимаешь, университета...

Голос Мишеля. Это заблуждение.

Бориска. Что-о?

хрипы, свист в эфире.

Голос Иосифа Кобзаря. „Нам не думать об этом нельзя-я!..“

Треск.

Голос Мишеля. У целом, вот в таком аспекте!

Голос корреспондента. Спасибо.

Голос Мишеля. Усегда пожалуйста.

Женский голос. Это был „Голос Америки“ из Вашингто...

Хрип, свист, и снова...

Голос Иосифа Кобзаря.

Это наша с тобою судьба,

Это наша с тобой биография!

Коржик. А то я не знаю его биографию!

Бориска. А знаешь, что я тебе скажу, Саша? Тьфу на них на всех! *(Выключает приемник.)*

Магазин. Какой именно — непонятно: все прилавки совершенно пусты. Над прилавками — радио.

Голос из радио. ...цен на хлеб связан с тем, что правительство США опять взвинтило цены на зерно для голодающих Кубани и Ставрополья.

За прилавком стоит Продавщица. Перед прилавком дико озирается по сторонам Герашка-Банкир.

Голос из радио. Международные новости. На центральной площади Воронежа прошел митинг в поддержку борющегося народа Южной Мубакасы. Собранные простыми воронежцами медикаменты и дротики переданы в посольство Мубакасы и там съедены... А теперь по просьбе пенсионера Петра Семе-

ныча Кузякина из далекого Устьвымлага передаем его любимую песню.

Слышен голос И о с и ф а, поющего все ту же песню.

Г е р а ш к а. Девушка, простите, это какой отдел?

П р о д а в щ и ц а. А вам не все равно?

Г е р а ш к а. Нет, просто интересно... Здесь птица или говядина?

П р о д а в щ и ц а. Вам что, меня мало?

Г е р а ш к а. Вас мне много.

П р о д а в щ и ц а. Ну идите себе. *(Подпевает.)*
Это наша с тобою судьба...

Г е р а ш к а. Нет, ну это овощной или кондитерский?

П р о д а в щ и ц а *(в глубину магазина)*. Люсь, я не могу! Тут какой-то следопыт пришел!

Г е р а ш к а. Это какой отдел?!

П р о д а в щ и ц а. Рыбный, гражданин! Рыбный!

Г е р а ш к а. И когда она будет?

П р о д а в щ и ц а. Кто?

Г е р а ш к а. Рыба.

П р о д а в щ и ц а. Зачем вам рыба, вы что, моряк?

Г е р а ш к а. Я банкир.

П р о д а в щ и ц а. Тогда вам нужны деньги!

Г е р а ш к а. Зачем мне деньги, если в магазине ничего нет!

П р о д а в щ и ц а. А я?

Г е р а ш к а. Вы не рыба.

П р о д а в щ и ц а. Люся, покорми его чем-нибудь, а то он мне совсем голову заморочил!

Сотый отдел ГУМа. На двери надпись: „Спецобслуживание“. Из радио — все тот же Иосиф Кобзарь. В продуктовом отделе отоваривается Анпильч. Впереди него без очереди влезает Жирик.

А н п и л ы ч. Эй! Эй, товарищ!

Ж и р и к. Вы мне?

А н п и л ы ч. Товарищ!..

Ж и р и к. Кто товарищ?

А н п и л ы ч. Вы.

Ж и р и к. Гусь свинье не товарищ!

А н п и л ы ч. Кто гусь?

Ж и р и к. Гусь — я!

А н п и л ы ч. А кто свинья?

Ж и р и к. А это сам догадайся. (*Продавище.*)

Э, милочка, мне вон того балычку...

А н п и л ы ч. Постойте! Но если вы не товарищ, почему же вы отовариваетесь в нашем распределителе?

Ж и р и к. Я поесть люблю. Поесть и поруководить!

А н п и л ы ч. Вы из какого райкома?

Ж и р и к. Из Сокольнического.

А н п и л ы ч. Лицо знакомое.

Ж и р и к. Обознался!

А н п и л ы ч. Но вы — товарищ? В политическом смысле.

Ж и р и к. В политическом смысле — да! Теперь — да, однозначно!

А н п и л ы ч. А раньше?

Ж и р и к. Раньше я был либеральный господин. Но еще до этого — майор КГБ. А до КГБ — сионист.

А н п и л ы ч. Как же это?

Ж и р и к. А так! Это ты, коммуняка, всю жизнь головой об одно партбюро колотишься, а я всегда в движении, я сама жизнь, однозначно! Я там, где отоваривают! (*Продавище.*) Заверни мне этот балычок, душечка, и мармеладику триста граммов, и коньячку! И скорее, стерва, пока опять власть не переменилась!

Лесоповал. Гриша и Егорка пилят бревно. Над ними на сосне — репродуктор, из которого льется **К о б з а р ь.**

Гриша. Отдохнем?

Егорка. Застрелят.

Гриша. Ну и пусть застрелят. Разве это жизнь?

Егорка. Смотря с чем сравнивать. Все относительно.

Гриша. Знаю, читал.

Егорка. Так что теперь именно это — жизнь.

(Пилят.) А потом, знаете, нет худа без добра.

Гриша. Какое тут добро? Тулуп да валенки.

Егорка. Что вы! Тулуп и валенки я приобрел еще в декабре девяносто второго года... Вместе со сменой белья.

Гриша. Тогда что вы имеете в виду?

Егорка. А то, что мы все-таки объединились! Вместе вот... работаем. Так что в историческом смысле я оказался прав.

Гриша. Это не мы объединились. Это — нас...

Егорка. А с вами иначе не получается. (Пилят.) Хоть так...

Гриша. Кстати, а где остальные?

Егорка. Кто где. Боровой с Новодворской бежали, переодевшись в женское платье. Хакамада в Мордовни, Памфилова в Токно. Федоровы оба тут, недалеко.

Гриша. Ну, это ежу понятно. Что делают?

Егорка. Борис объясняет зэкам, как надо было голосовать.

Гриша. А Святослав?

Егорка. А Святослав после этого его лечит.

Гриша. В общем, жизнь идет?

Егорка. Не то слово!

Гриша. А что в Москве?

Егорка. Что может быть в Москве? Съезд партии.

Гриша. Какой именно партии?

Егорка. Вам бы все шутить...

Юрь Михалыч в своем кабинете говорит по телефону.

Юрь Михалыч. Да! Слушаю! Что значит: динамит его не берет? А ты тротилом давай! Что? Давал тротилом? Не берет? Я знаю, что большой, сам строил! Да хоть руками сноси! Рули там, как хочешь, но чтобы к Седьмому ноября было ровное место! Народу нужен бассейн! Люди плавать хотят, плавать по-собачьи... Здоровье нужно народу, здоровье! Физическое! С духовным уже все. Все в порядке с духовным, говорю, давай взрывавай это все к едрене фене! А я говорю, к ней! Отрапортовать к ноябрьским! Физкульт-привет!

Парад на Красной площади. На Мавзолее стоит **Зюга** — в шляпе, с красным бантом и огромными бровями — и делает народу ручкой. Фоном звучит все та же песня **Кобзаря**.

Голос. Союзу рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции — ура!

Хор голосов. Ура-а-а!

Голос. Ленинскому Центральному Комитету Коммунистической партии и лично Генеральному секретарю — ура, товарищи!

Хор голосов. Ура-а-а!

Коржик, стоя у плиты, мешает ложкой в кастрюльке манную кашу. На неубранном столе, покрытом клеенкой, — „Спидола“, из нее доносится „ура“ с Красной площади, а потом снова песня.

Г о л о с И о с и ф а.

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой...

Б о р и с к а. Что ж такое... Я давно на пенсии, а он все, сколько, понимаешь, помню, все молодой да молодой...

К о р ж и к. Живчик! Опять, небось, где-нибудь в Цюрихе по пивнушкам бегаешь, шельмец!

Б о р и с к а (*вздыхая*). Какая глыба! Какой, понимаешь, матерый человечинец!

Красная площадь. Играет военный оркестр. Из ворот выезжают две машины, останавливаются напротив трибуны. В одной стоит **С а ш а**, в другой — **П а ш а**. Оба держат „под козырек“.

П а ш а. Товарищ министр обороны! Войска Московского Краснознаменного ордена Ленина военного округа для проведения парада, посвященного восьмидесяти второй годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, построены!

С а ш а. Генерал! Поздравляю вас с присвоением внеочередного воинского звания прапорщик!

П а ш а. Сам дурак.

Оркестр играет марш.

Х о р г о л о с о в. Ура-а-а!

Машины разъезжаются, открывая трибуну Мавзолея с **З ю г о й** перед микрофонами и с бумажкой.

З ю г а (*почмокав, говорит голосом и дикцией позднего Брежнева*). Дорогие товарищи!..

ЗАЛОЖНИКИ

В салоне автобуса ЛИАЗ сидят Бориска, Степаныч, Паша, Коржик, Зюга, Гриша, Жирик и Саша-Генерал.

Бориска. Слушайте, что мы здесь, понимаешь, делаем?

Степаныч. Ждем.

Бориска. Чего?

Степаныч. Когда нас освободят.

Бориска. От должности?

Саша. От жизни.

Бориска. Так это мы что, заложники?

Коржик. Заложники.

Бориска. А почему мы? Обычно берут всяких разных, понимаешь, других...

Коржик. Другие кончились!

Бориска. Что, такая большая страна — и некого взять в заложники вместо нас?

Коржик. Дураков нет.

Бориска. А что, теперь берут только дураков?

Степаныч. Берут-то кого попало, но у нас вся надежда именно на дураков.

Бориска. Не понял.

Степаныч. Ну, на тех, которые за нас потом голосовать будут.

Бориска. Может, кто-нибудь все-таки захочет нас заменить?

Зюга. Коммунисты готовы вас заменить...

Бориска. Зови их скорей!

Зюга (*заканчивая фразу*). ...готовы вас заменить — в Кремле...

Бориска. В Кремле меня заменить — это отбою нет от желающих! (*Коржику.*) А ты куда смотрел, когда меня в заложники брали?

Коржик. Я? Как всегда, на вас.

Бориска. А я?

Коржик. А вы, как всегда, на меня.

Бориска. А они?

Коржик. А им вообще ни до чего. Они спикера выбирают.

Жирик, Зюга, Степаныч и Гриша, сидя на задних сиденьях, раз за разом кидают на пальцах.

Гриша. Я придумал.

Степаныч. Что?

Гриша. Вам всем надо оставаться в заложниках.

Степаныч. Почему?

Гриша. Так будет безопаснее... Гораздо безопаснее! Для страны.

Автоматная очередь.

Бориска. Так что же нам теперь делать?

Коржик. Теперь уже как раз ничего делать не надо. Теперь все сделают за вас. Отдыхайте.

Бориска. Хорошенький отдых! Ни тенниса, ни...

Выстрел, звон разбитого стекла.

Бориска. Хочу в Барвиху.

Жирик. Пропадем! Ей-богу, пропадем ни за поных табаку, как дагестанцы какие-нибудь!

Бориска. Не бойтесь. Мы надежно защищены нашей Конституцией.

Паша. Лучше бы танками.

Бориска. Танки — это, значит, ерунда. По Конституции главная ценность у нас — что?

Паша. Не знаю, не читал.

Бориска. Главная ценность — жизнь человека. Особенно такого, как я.

Жирик. А я?

Бориска. И такого, как ты. Так что не волнуйтесь. Операция по нашему освобождению спланирована самым тщательнейшим образом! Бандиты окружены тройным кольцом, в кольце сидят 38 снайперов, и у каждого есть своя цель! Цель передвигается, и снайпер все время поворачивается за ней...

Паша. А чего же он не стреляет, снайпер-то?

Бориска. Не знаю. Но — все время поворачивается за своей целью. А чтобы у снайпера не кружилась голова, другой снайпер ходит вокруг него в противоположную сторону. А потом они внезапно бросят дымовые шашки, и те из нас, которые сразу не задохнутся, разбегутся в дыму...

Зюга. Куда?

Бориска. Кто куда. Лично я — в Кремль.

Вой снаряда.

Коржик. Ложись!

Бориска. Какое там „ложись“. Еще рано.

Коржик. Самое время!

Минометный залп, звон стекол.

Бориска (*поднимаясь*). Слушайте, а кто командует операцией по нашему освобождению?

Паша. Генерал.

Бориска. Да я понимаю, что не дизайнер! Фамилия генерала как?

Паша. Ну, этот... как же его... лесная такая фамилия... Зверь, одним словом.

Грохот разрыва рядом с автобусом, звон стекол, на голову Паше падает сиденье.

Бориска. Он хоть немного соображает, что делает?

Паша. Генерал-то?

Бориска. Да.

Паша. Он же не дизайнер, соображать. Ему бы скомандовать что-нибудь, а там горн огнем.

Бориска. Кто ж его такого назначил?

Паша. Вы и назначили.

Бориска. Когда?

Паша. В прошлый раз.

Бориска. Так это же в прошлый!..

Паша. А ему понравилось. Он с автобусами не во-евал давно.

Минометный залп.

Бориска. Что-то мне все это не нравится...

Коржик. Так бы сразу и сказали!

Бориска. Надо что-нибудь придумать...

Жирник (*Зюге*). Знаешь, когда он надолго задумывается сам, я его боюсь... Здоров придумывать!

Бориска. О!

Коржик. Что?

Бориска. У меня только что родилась мысль об-
щефедерального, понимаешь, масштаба!

Степаныч. Какая?

Жирик. Не надо сейчас, не надо, пускай в февра-
ле скажет!

Коржик. Сейчас, сейчас!

Паша. Мы все просим...

Бориска. Мысль, значит, вот какая... Отсюда,
понимаешь, надо как-то выбираться!

Паша. Да ну!

Жирик. Я же говорил: это не человек, это спино-
за какая-то!

Коржик. Выбираться-то надо, но как?

Бориска. А это я у тебя хотел спросить. В конце
концов, есть же Совет моей Безопасности...

Звук радио. Паша вертит колесико настройки у тран-
зистора.

Степаныч. Ты чего?

Паша. Да послушать, что про нас говорят...

Степаныч. Не советую.

Паша. Нет, в смысле: про ситуацию.

Степаныч. Про ситуацию я тебе сам скажу. Си-
туация стабилизируется.

Паша. То есть?

Степаныч. Инфляция снижается.

Саша (глядя в окно). Это не инфляция.

Степаныч. А что?

Саша. Это вертолет.

Пулеметная очередь, звон стекла.

Бориска (лежа). Еще что хорошего скажешь?

Степаныч. Да вот доллар упал...

С а ш а. Упал — отжался.

Б о р и с к а. Какой доллар? При чем тут вообще доллары? Где ты видишь обменный пункт?

Ж и р и к. Обменного нету. Уж я бы заметил. Укрепленный пункт есть, а обменного...

Б о р и с к а (*склонившись над картой*). Где-то в этом районе у нас должна была быть подводная лодка...

П а ш а. Тихо! Опять про нас говорят!

Г о л о с по радио. Представитель пресс-службы ФСБ заявил, что наступает долгожданный момент применения по бандитам оружия массового поражения...

Б о р и с к а. Давно пора!

П а ш а падает в обморок.

Б о р и с к а. Что это с ним?

Г р и ш а. О душе задумался.

Ж и р и к. Пропадем! Пропадем, однозначно!

П а ш а (*приходя в себя*). Не надо оружия массового поражения!

Б о р и с к а. Почему?

П а ш а. Это негуманно.

Б о р и с к а. Так по бандитам же! Ювелирные удары с установки „Град“ — самое, понимаешь, милое дело! Надо будет посмотреть!

Г о л о с по радио. А как же заложники?

Б о р и с к а. Да, действительно, а как заложники?

Второй голос по радио. К сожалению, в живых среди заложников уже не осталось никого.

Б о р и с к а. Как не осталось? А мы?

С т е п а н ы ч. Мы-то живые!

Г р и ш а. Не надо преувеличивать...

Залп, грохот.

Второй голос по радио. А которые еще в живых, те не заложники, а пособники бандитов.

Бориска. Так! Я хочу дать интервью!

Степаныч. Кому?

Бориска. Это уже все равно. Хочу дать интервью хоть кому-нибудь, но сейчас же!

Гриша. В другой раз. Если он, конечно, будет.

Бориска. Почему?

Гриша. Потому что журналистов давно загнали за можай. Как всегда.

Жирик. На земляные работы, однозначно!

Паша. Это у нас первым делом!

Бориска. Зачем?

Жирик. А зачем вообще нужны журналисты? Писаки, борзописцы!.. В первый эшелон всех!

Бориска. Ты, понимаешь, недооцениваешь роль прессы. Журналисты нужны для того, чтобы распространять мои заявления!

Залп. Грохот.

Бориска (в окно.) Прекратить! Я требую уважения, понимаешь, прав человека, гарантированных Конституцией!

Выстрел. Пуля свистит над ухом у Бориски. Он прячется.

Зюга. Красноармейцы! Это не красноармейцы. Это Антанта какая-то.

Взрыв. Зюга ложится на пол.

Степаныч. Дай-кось я. Меня услышат. (Кричит в окно.) Товарищи! Главная задача — спасти

жизнь заложников! (*Прячется. Несколько секунд тишины.*) Услышали.

С а ш а. Перезаряжают.

Жуткий грохот снаряда рядом с автобусом.

Промазали. Салаги...

Б о р и с к а. Кстати! Давно хотел спросить: где уполномоченный по правам человека? Почему молчит?

П а ш а. Его меня защищать поставили, а он...

Взрыв.

С т е п а н ы ч. Безобразие!

Г р и ш а. СБСЕ сюда!

С т е п а н ы ч. ЮНЕСКО!

Ж и р и к. Мать Терезу!

С а ш а. Зачем тебе мать Тереза?

Ж и р и к. А может, я прокаженный!

Г р и ш а. Послушайте, что-нибудь одно! Либо отец — юрист, либо мать — Тереза...

Взрывы. Вой мин, шелканье пуль, звон стекол. Автобус шатает взрывами, ясно, что он — в эпицентре боя. Внезапно наступает тишина.

Б о р и с к а. Во всем виноват Толик-Ваучер.

К о р ж и к. Что?

Б о р и с к а. Если бы не он, все у нас было бы хорошо.

* * *

Ну вот пока и все. Впрочем, мы надеемся, что ко времени выхода этой книжки вы увидите еще несколько программ, сценариев которых сегодня попросту не существует. Мы выходим раз в неделю, по субботам, на канале НТВ. Надеемся, что этот матч состоится при любой политической погоде...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
„Гамлет“	6
„Отелло“	16
Божественные вариации... ..	27
„Фауст“	35
Отпуск президента	43
Царь-Султан	51
„В ожидании Годо“	60
„Дон Кихот“	69
Будка гласности	79
„Восток — дело тонкое“	89
„Робинзон Крузо“	99
На картошке	109
Шамиль Басаев, говори громче!	118
„Вредные советы“	129
„На дне“	137
Не тяни резину!	145
Взятие Бастилии	152
Из жизни грибов	161
Ком-мутация	169
Выборы. Как это делалось бы в Одессе... ..	178
Собаки Баскервиля	187
Элен и ее ребята	194
Выборы. Как бы это делалось в Нью-Йорке... ..	202
Курс молодого бойца	211
Сбор подписей. Как это было:.. ..	219

Братья Раскольниковы	228
„Записки сумасшедшего“	237
„Женитьба“	246
„Репетиция оркестра“	255
Великие комбинаторы	265
„Джентльмены удачи“	274
Воспоминания о будущем	285
Заложники	294

מערכת לקניית ספרים
 חתום ל: מרס 20 חתום: 3304
 ת"פ
 1677

**Виктор Анатольевич ШЕНДЕРОВИЧ
КУКЛЫ**

**Редактор *И.Р.Янковский*
Художественный редактор *П.М.Быстров*
Технолог *В.Ю.Булавин*
Оператор компьютерной верстки *А.В.Волков*
Корректоры *А.Ю.Минаева Н.Ш.Таласбаева***

Издательская лицензия № 061053 от 15 апреля 1992 года.

Подписано в печать 16.02.96. Формат 70 × 108/32.

Гарнитура Литературная. Печать высокая.

Объем 9,5 печ. л. Тираж 30 000 экз.

Изд. № 281. Заказ № 2037.

**Издательство „ВАГРИУС“.
103064, Москва, ул. Казакова, 18.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»
Комитета Российской Федерации по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.**

OCR Давид Титневский, июнь 2021 г., Хайфа

КОСТИК

КОРЖИК

А-Р

ЖИРИК

ВАНЯ-РЫБКА

ТОЛИК-ВАУЧЕР

МИШЕЛЬ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ

АНПИЛ'ЫЧ

К "Куклам" можно относиться как угодно... но они стали забавной частью нашей довольно грустной жизни...

Не надо быть профессиональным психологом, чтобы понимать: пародии, карикатуры не только не ослабляют позиции политических деятелей, а напротив, укрепляют их.

Вечерняя Москва

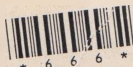
"Куклы" это и мерило популярности политиков... и своего рода "громоотвод", особенно в нынешней трудной ситуации.

Общая газета

Если на политика не сочиняют пародий, значит, о нем все забыли.

Комсомольская правда

16

* 6 6 6 *

12,00

ВАГРИУС